

Администрация муниципального образования «Котлас»
Администрация муниципального образования «Котласский район»
МУК «Котласский краеведческий музей»
КИПМОДК «Северное трёхречье»

ДВИНСКАЯ ЗЕМЛЯ

Выпуск 11

МАТЕРИАЛЫ

всероссийской общественно-научной историко-краеведческой конференции
«13-е Стефановские чтения»,
посвящённой 20-летию КИПМОДК «Северное трёхречье»
23 марта 2019 года

Котлас
2019

УДК 947
ББК 26.89 (231)
Д 23

Рецензент: доктор исторических наук, профессор М.С. Судовиков.

Редакционная коллегия:

С.А. Гладких (главный редактор, к.и.н.),
Н.В. Шептяков (ответственный секретарь),
И.А. Митянина, Т.А. Серёдкина (члены редколлегии).

Д 23 ДВИНСКАЯ ЗЕМЛЯ. Вып. 11. Материалы всероссийской общественно-научной историко-краеведческой конференции «13-е Стефановские чтения». / Под ред. С.А. Гладких. – Котлас: ООО «УспешнаяЯ», 2019. – 196 с.

ISBN 978-5-906619-62-4

В сборник включены научные статьи и краеведческие сообщения по истории Европейского Севера России, подготовленные на основе докладов, прозвучавших на 13-х Стефановских чтениях, состоявшихся 23 марта 2019 года в городе Котласе.

УДК 947
ББК 26.89 (231)

ISBN 978-5-906619-62-4 © Авторы, 2019.
© КИПМОДК «Северное трёхречье», 2019.
© МУК «Котласский краеведческий музей», 2019.

**ДВИЖЕНИЕ КРАЕВЕДОВ «СЕВЕРНОЕ ТРЁХРЕЧЬЕ»:
20 ЛЕТ ПЛОДОТВОРНОЙ РАБОТЫ
(вступительное слово на открытии 13-х Стефановских чтений)**

Дорогие земляки, уважаемые гости!

Гостеприимная котласская земля в очередной раз пригласила исследователей и всех, интересующихся историей, на краеведческий форум, давно известный по городам и весям страны. Уже третий наш съезд проходит в статусе Всероссийской общественно-научной историко-краеведческой конференции.

Заявочная кампания прошла успешно. Удовлетворяют и качество, и количество, и география заявок: Москва и Подмосковье, Санкт-Петербург, Нижний Новгород и Петрозаводск, Вологда и Великий Устюг, города и районы Архангельской области, прежде всего Котлас. Как всегда – тематическое разнообразие, широкие хронологические рамки.

Стефановские чтения носят имя святого Стефана – епископа Пермского. Проповеднический путь, предпринятый им 640 лет назад, начался в 1379 г. с нашей местности, с котласской земли. Мы, новое поколение, тоже верны идеям просветительства. Неустанными трудами оживляем подробностями историю. Предыдущие встречи были успешными. Хочется и сегодня пожелать результативности, полезного общения.

Приведу приветствие и напутствие от человека, который участвовал в работе восьми Стефановских чтений. Это научный сотрудник Национального музея Республики Карелия Михаил Юрьевич Данков. Вот что он пишет из Петрозаводска: «Моё мнение о Стефановских чтениях не меняется, а наоборот, с каждым годом более аккуратно шлифуется. Историко-краеведческую жизнь Русского Севера на переломе столетий точно нельзя вообразить без этого форума, приобретшего статус Всероссийской конференции. Это не просто трибуна для историков и специалистов, но, что важнее, своеобразная "кузня", где выковываются представления молодых людей о величии дел северян, о своеобразии исторических сюжетов в судьбах людей. Без знания, изучения и почитания поступков, энергии и надежд, а порой трагических поворотов в жизни наших предков, история России будет голой. Удачи Котласу и впредь!».

Особенность нынешней встречи – 20-летие движения краеведов «Северное трёхречье». Как председатель движения, коротко скажу о его истории и подведу некоторые итоги его деятельности.

27 февраля 1999 г. в бывшем детском саду «Сказка», где тогда располагался филиал краеведческого музея, держал я учредительную речь перед полусотней земляков, создавая движение краеведов «Северное трёхречье» – нечто для Котласа абсолютно новое, небывалое. Предвидя большие потенциальные возможности, меньше всего думал тогда о каких-то будущих юбилейных датах.

Вспоминается ехидный, в духе того времени вопрос замечательного журналиста Александра Яищницына – известного критика-скептика, снимавшего телевизионную картинку события: «А на какие деньги вы собираетесь жить».

работать, существовать?» Но причём были финансы? Мало кто понял тогда философию нового – подчёркиваю, общественного формирования.

Было создано именно движение. Объединились по интересам, в первую очередь притянули интеллектуальные силы, тяготеющие к исследованиям. А самым главным все эти годы оставался личный энтузиазм. Эта добрая воля каждого участника движения слилась в общий поток, усиливая ручейки в большие реки, как географическое Северное трёхречье создаёт Двину-матушку.

Оказалось, точное попадание: сплотились люди, которым стало интересно быть вместе. Двигая своё поисковое, двигали общее. Приведу пример: в одном архангельском краеведческом обществе годовой членский взнос – 20 тысяч рублей! Шикарно можно жить, если набрать сотни человек на учёте. Мы же здесь вносили и вносим лишь свою энергию, желание закрыть белые пятна истории Севера и шире. Мы живём и творим на почве подвижничества. Однако статус наш не менее весом, чем скреплённый денежными отношениями.

Это и есть главный отличительный признак «Северного трёхречья», его главного достижения – Стефановских чтений, о которых с восторгом отозвался московский краеведческий центр, впервые ознакомившись с нашим бытованием. Мы, сами на месте объединившись, стали объединять весь краеведческий Русский Север. К нам потянулись: у нас трибуна, у нас общение, у нас важный результат – издаются сборники чтений. У нас признанный методический краеведческий центр, в связке с местным музеем и учёным сообществом. Любопытно и, наверное, закономерно, что нашим брендом воспользовались работники культуры, взяв его за основу при создании кластера по развитию туризма на местной территории.

Разумеется, без финансов не обойтись. И все привлекаемые, пусть и скромные, денежные вливания, – это местный административный ресурс. Все десять томов «Двинской земли» выпущены только с помощью городской и районной властей. Спасибо им за это. Это именно партнёрские отношения, отражающие заинтересованность, поддержку местным самоуправлением общественной инициативы, понимание задач и проблем краеведческого движения.

К нашему 20-летию по заказу Котласского музея подготовлены три издания, которые итожат пройденный путь. В очередном выпуске газеты «Двинской Летописец» дан краткий конспект достижений «Северного трёхречья», названы наши лучшие мероприятия, дана многоликая фотолетопись. В брошюре к 20-летию движения уже максимально расписаны события краеведческой жизни: подробно, месяц за месяцем. Выпущен и буклет. Вкупе с изданной ранее летописью первого десятилетия – это уже источники для серьёзного исследования, осмысления пройденного нами пути. И это освобождает меня от перечисления всех трудов-вех. Потому лишь расставлю некоторые оценочные акценты.

В деятельности «Северного трёхречья» зримо прослеживается системность. Это связка малых, юношеских и, так сказать, взрослых, больших Стефановских чтений, ставших всероссийской конференцией. А теперь – расширение практики чтений: в 2017 г. провели первые Ракитинские чтения, только по городской тематике, их продолжим. Это сочетание издания как коллективных сборников,

так и персональных краеведческих книг участников движения, увязанное с пока начальной практикой конкурсной оценки выходящих за год книг.

Радует постоянное участие наших исследователей в научных конференциях, проводимых котласским филиалом университета водников (с публикацией в итоговом научном сборнике), побуждающее максимально качественно готовить доклад и статью, что является навыком шлифовки научного мышления. Давно работает клуб «Моя родословная» при музее, инициированный именно краеведами «Северного трёхречья». Ведётся трудная, но благородная работа по обучению молодых краеведов.

Однако, мы проплыли по рекам своей истории отнюдь не безоблачно. Как и любого развивающегося явления, нас коснулись и неурядицы. Если в творческом отношении есть чем гордиться, то в организационном плане имели самый настоящий кризис. При смене лидерства кратковременно практически потеряли управляемость, были на грани распада и даже дискутировали о судьбе Стефановских чтений. Но благодаря ответственности и воле с честью прошли это испытание, доказав жизнеспособность и огромный потенциал «Северного трёхречья» – на сегодняшний день едва ли не ведущего в городе и округе некоммерческого объединения.

В последние два года мы совершили настоящую организационную революцию. Полностью переработан и осовременен Устав движения. Он достойно прошёл тяжёлую процедуру перерегистрации – и 5 июня 2018 г. зарегистрирован в органах юстиции. Мы, наконец, совместили юридический и фактический адреса. Для улучшения руководства изменили число членов правления – девять вместо пятнадцати.

И, самое главное, мы обрели настоящий свой дом – в музее. Краеведы вошли в состав нового музейного органа – Учёного совета. Собираемся вместе с его сотрудниками участвовать в подготовке трёхтомника материалов к истории Котласа, стартового для написания дальнейшей полновесной летописи города. И это – важнейший фактор плодотворной дальнейшей деятельности. Мы там, где должны быть: у нас одна с музеем краеведческая семья. Огромное спасибо руководству и сотрудникам музея за крышу (в буквальном смысле) и поддержку начинаний.

Какие же главные задачи стоят перед краеведами-общественниками уже в начавшемся третьем десятилетии существования? Сохранить все наработанные традиции, осмыслить накопленный опыт и, самое важное, развиваться. Мы – движение, вся суть в этом. И главный вектор развития видится не столько в изобретении новых форм работы, сколько в росте качества краеведческих исследований, всей нашей творческой жизни.

На настоящий момент – это главнейшая проблема. Мы многое умеем, достигаем. Но подлинное краеведение – это научное краеведение. Овладевать методами научного мышления, методологией исследований, научиться грамотно издавать книги и писать статьи, быть примером во всём этом – вот что встало в повестку дня. Первый важный разговор на данную тему уже состоялся на специальном заседании правления движения.

Нужна по-прежнему и помощь – без поддержки местной власти нам не издать итоговые сборники чтений. А они – важнейшая составляющая всего процесса, скрепляющая содружество исследователей. Если посмотреть шире – снова говорю о местном и региональном книгоиздательском фонде. Мы готовы по продуманной программе исполнять социальный заказ по углублению знаний, пропаганде местной истории через книги.

Есть мысль в будущем соединить Стефановские чтения с каким-либо ярким местным событием, выйти из узких специфических рамок. Полагаю, именно из Котласа получит старт идея создать реестр областных краеведческих сил (в том числе словарь краеведов: начнём, естественно, с котлашан). Мы давно лелеем идею созыва областного съезда краеведов. Видимо, кроме Котласа, никто и не возьмётся осилить такую задачу.

Попутно выражу глубокое сожаление о несостоявшемся областном проекте – нашей же инициативе. Проект не победил в конкурсе: не вписались мы в критерии его организаторов, не разглядели они в нём важную социальную миссию. А задумана была годовая программа учёбы большого краеведческого актива – от молодёжи до состоявшихся исследователей, проведение масштабных краеведческих акций с дальним прицелом.

Зная общую обстановку, считаю нашей задачей вовлечь в орбиту «Северного трёхречья» и тех, кто пока не участник движения, но вершит серьёзные дела. В соцсетях блистают некоторые котлашане, выставившие тысячи бесценных снимков, на которых – предметная, в лицах и событиях, история. Почему мы не общаемся с этими людьми?

Другое важное, даже символичное. В городской администрации идут рабочие встречи по школе юного историка. Это котласское начинание от «Северного трёхречья» не имеет российских аналогов такой формы. Но по ряду причин после нескольких лет успешной работы оно забуксовало. Ныне же взят не просто курс на реанимацию школы, но и выработаны конкретные меры для реализации этого: место работы, порядок формирования школы и её программ, конкретных занятий. Намечается и сближение с учителями истории: их тоже надо учить настоящему краеведению.

За коллективным приглядом над школой юного историка – дальновидная позиция местного самоуправления, его подведомственных структур. Мы прекрасно знаем, что краевед – человек чаще пожилой. И система вовлечения в краеведческий процесс молодёжи исключительно важна, можно сказать, нравственна. Уверен, обновление школы юного историка снова покажет возможности результативного партнёрства.

Можно долго называть имена наших героев – патриотов родиноведения. Какой замечательный корпус краеведов у нас сформировался! Талантливые исследователи. Надёжные организаторы. Восхищаюсь каждым из вас, дорогие соратники! Сердечно благодарю за плодотворную работу! Благодаря вам котласское движение краеведов «Северное трёхречье» полной грудью набрало в свои паруса опыт, энергию энтузиазма, мудрость взросления, и продолжает своё удивительное, богатое на впечатления путешествие с самыми благородными целями. Пожелаем ему успехов в третьем десятилетии!

Часть I. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СЕВЕРА

И.А. Митянина

ИСТОРИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ОТВОДА ЗЕМЛИ ГОРОДУ КОТЛАСУ В 1920-е гг.

Среди документов муниципального архива Котласа хранится доклад землемера Б.П. Шевырталова, который, согласно резолюции зав. Губземуправлением от августа 1922 г., выполнял дополнительную подготовку отвода земли городу. Из текста доклада становится ясно, что вопрос о создании города и нарезке ему земли поднимался еще бывшим земством. В 1914 г. техником Лавдовским был составлен чертеж будущего города с выделением границ селитебной площади. Этим проектом в черту города включались земли деревень Петрухинская и Жернаково с прилегающими надельными землями. «Далее, – пишет в своем докладе землемер Шевырталов, – постановлением Вр. Правительства от 3 июня 1917 г. местечко Котлас объявлено городом Сольвычегодского уезда с присоединением с. Котлас и деревень Петрухинской, Жернаковой и Осокорихи. Постановление это также осталось на бумаге, не будучи проведено в жизнь в отношении присоединения деревень. Удимская земская управа отношением от 9 января 1918 г. отказалась предоставить посемейные списки жителей деревень, мотивируя свой отказ нежеланием последних войти в состав города. Последовал ряд приговоров от деревень, выражающих нежелание причислиться к городу и платить городской налог»¹.

Излагая историю вопроса, Шевырталов пишет: «1918, 1919 гг. и первая половина 1920 года были посвящены борьбе Советской Власти с безчисленными врагами, отдалили вопрос о создании города, но самая борьба на Северном фронте, когда Котлас, богатый своим географическим положением, стал крупным стратегическим пунктом, выдвинула вновь этот назревший вопрос. 20 июня 1920 года смешанная Комиссия, созданная в порядке ст. 117 Инструкции 11 марта 1919 года при Устюгском Уземотделе, признала необходимость отвода земли городу Котласу, поручив Горисполкому выработать более подробные условия отвода»².

Результат работы землемера Флоринского, который выехал для подготовки отведения земли городу по направлению указанной комиссии 18 сентября 1920 г., Шевырталов назвал уродливым проектом, поскольку тот «не удовлетворял жизни и был загнан в лес». Однако Флоринский создавал свой проект, считаясь с мнением местного населения, а также с решением Комиссии, которая, основываясь на постановлении Губисполкома, решила выделить городу территорию в форме прямоугольника размером одна на две версты, начиная от здания Горисполкома, вглубь примыкающего к зданию Горисполкома леса, без включения в территорию города прилегающих деревень. Заслушав доклад

Флоринского 20 октября 1920 г., Губисполком счел проект нецелесообразным и поручил Губземотделу обследовать хозяйства крестьян прилегающих к станции Котлас деревень с целью включения их территории в проект города, одновременно признав основным участком землю площадью 28 десятин из земель деревни Петрухинской и бывшей церковной земли, прилегавших к полосе железнодорожного отчуждения, с центром – зданием Горисполкома.

Желая соединить несоединимое, губернские органы совершали большую ошибку, так как создать удобный город и соблюсти интересы жителей прилегающих деревень было невозможно. «Не сдвинувшимся с места возом» называется в докладе Шевырталов проблему городской территории, упоминая «энергичных Котласских работников» Дудникова и Потапова, которые, по его высказыванию, этот воз непрерывно подталкивали, положив немало трудов по созданию города. Интересен тот факт, что в докладе землемер постоянно применяет очень красочные фигуры речи, например: «...закупоренный котел нарастающей жизни Котласа кипел, выбрасывая свои требования, как пар из под закрытой крышки...»³.

Повествуя о своем приезде в Котлас, Шевырталов говорит о недоброжелательном отношении к нему населения окрестных деревень и даже вызывающем поведении с их стороны. Только контактная работа Горисполкома, райкома и заведующего Горкомхозом «неутомимого Власова» позволили специалисту Губземотдела изучить причины крайне отрицательного отношения деревенских жителей к созданию города. Назвав эти причины причинами «самого шкурнического характера», землемер доложил о них так: «...пришлый элемент местечка, оседая, вынужден был арендовать за весьма высокую плату надельную землю окрестного крестьянского населения под застройку и огородничество. Аренда, несмотря на запрет закона, практикуется и по настоящее время»⁴. Как следует из текста доклада, аренда бралась натуральным продуктом, например, мукой. Доходом являлось и вывозимое из отхожих мест содержимое, которое Шевырталов называет «золотом», поскольку оно продавалось жителями деревень как удобрение и приносило немалый доход. Эти причины и заставляли окрестное население враждебно смотреть на город, отнимающий у них основные статьи доходов.

Тем не менее, 26 сентября 1922 г. была создана комиссия для определения необходимости отвода и размера подлежащей отводу площади для города Котласа. На заседании комиссии присутствовали представители Губисполкома С.С. Власов и Губземуправления Б.П. Шевырталов, председатель Горисполкома М.Е. Балакшин, уполномоченные от деревень Мартемьяновской (Прошутинский и Лахтионов), Петрухинской (М. Лахтионов и Ошурков), Жернаково (Корюкаев и Логачев). Обсуждая проблему, члены комиссии положили в основу следующие соображения: «1) еще 10 лет назад население местечка Котлас насчитывало лишь десятки пришлого городского элемента, но уже в 1920 году по данным Всероссийской переписи оно насчитывало 4104 человека, расквартированного в 471 квартире деревень Жернаково, Большая и Малая Петрухинская, Мартемьяновская, Слобода, Выставка из Слободки, Перевоз; 2) наличие узла водных (Б. и М. Двина и Вычегда) и железнодорожных (Котлас-Вятка) ар-

терий безусловно ведет к созданию в городе Котласе торговых баз, к развитию торговли, что подтверждается числом выданных на торговлю патентов, коих на 9 сентября было 395, а через 17 дней уже 450; 3) избыточные лесом вышеописанные реки дадут материал к созданию лесопильных, деревообделочных, бумажных и др. заводов; 4) перенесение главной зимней стоянки двинских судов в затон Лименду, находящийся в трех верстах от центра теперешнего местечка, и безусловное тяготение рабочего населения затона к этому центру, вследствие названного расположения берегов затона; 5) наличие в Горкомхозе 130 заявок граждан об отводе им городской земли для постройки жилых домов»⁵.

В результате Комиссия пришла к выводу, что «...создание города с отводом ему достаточного количества земли является бесспорным, и на основании вышеизложенных мотивов полагает, что к 1933 году население Котласа увеличится до 8-10 тысяч человек. Имея в виду практику северных городов, которая показала, что в среднем на 10 человек населения приходится одно домовладение, откуда к 1933 году город Котлас будет иметь до тысячи домовладений, для которых потребуется ... сажен 187,5 десятины; под улицы, принимая ширину их в 15 сажен – 37,5 десятин. Под площади, общественные сады, бульвары, спортивные площадки ... 10 % предполагаемой селитебной площади – 23 десятины. Под постройки Рупвода ... для 1500 человек рабочих ... потребуется 33 десятины. Под лечебный городок... – 12 десятин. Для удовлетворения потребностей воинских лагерей, ферм, питомников, городских очистительных сооружений и пр. 50 десятин, а всего под постройки 343 десятины»⁶. Учитывая сказанное выше, а также количество имеющегося у населения мелкого и крупного скота с необходимостью его выпаса и заготовки сена, комиссия сделала вывод о потребности города на 10 лет в 1102 десятинах земли. Развитие города предполагалось по двум направлениям: к вокзалу и пристани или к затону Лименда.

В протокол заседания Комиссии включены материалы осмотра местности, который показал, что постройки граждан деревень Петрухинская и Жернаково были расположены вдоль полотна железной дороги, и кроме крестьянских домов на земельной территории этих деревень имелось 36 построек пришлого элемента, причем у деревни Петрухинской арендовано для этой цели 20 домохозяйств, у деревни Жернаково – 11 и 3 мельницы Губпродкома, у деревни Мартемьяновской – 5 домохозяйств. Позади построек узкой полосой от 200 до 500 саженей тянулась пашня, далее которой располагался низкорослый лес по болоту. В результате Комиссия постановила записать в протокол, что город может быть расположен только на пахотных землях деревень Петрухинской, Жернаково и Мартемьяновской, «...выгон же на заболоченной земле, сзади дер. Петрухинской»⁷.

Вопрос с деревенскими жителями, сопротивлявшимися присоединению к городу, Комиссия решила следующим образом: «гражданам экспроприированных деревень», желающим продолжать занятие земледелием, было предложено переселиться в Опаринский район на хутора уехавших на родину эстонцев. Земли в данной местности были распаханы, имелись постройки. Переезд «живого и мертвого инвентаря» предполагался за счет государства. Гражданам, которые хотели остаться в городе, предлагалось по усадебному участку земли в

450 кв. саженей на льготных условиях, с тем «чтобы их теперешние постройки были перевезены на вновь отведенные участки не позднее 8-ми лет»⁸. Однако присутствующие на заседании Комиссии представители деревень однозначного ответа дать не могли, поэтому им было предложено ознакомить своих доверителей с предлагаемыми условиями, а окончательный ответ дать 29 октября к 12 часам дня в Горсовете.

Одновременно членами Комиссии проводились беседы как с отдельными гражданами, так и с выездом в «экспроприруемые» деревни. Закончилась разъяснительная работа объединенным собранием граждан трех деревень в городском клубе коммунистов. Но обстановка продолжала оставаться напряженной, и 3 октября на заседании Комиссии уполномоченные жители деревень изложили следующее:

Жители Жернаково в полном составе отказались от всех предложенных им условий и не согласились отдать свои земли городу. 42 из 56 домохозяйств деревни Петрухинской согласились войти в состав города при условии предоставления им плановых участков без уплаты аренды в течение 20 лет, предоставления $\frac{3}{4}$ принадлежавших им сенокосных земель на тех же условиях, без арендного пользования пахотными землями до застройки, освобождения на 20 лет от земельных и квартирных налогов. Жители Мартемьяновской соглашались уступить свои земли под городскую черту при условии разработки за счет государства такого же количества земли в лесу рядом с границей будущего города и переноса построек на эти земли также за государственный счет.

По результатам данного заседания Комиссии 42 домохозяйства деревни Петрухинской были включены в число граждан города с полным удовлетворением их условий. На требования жителей двух других деревень и оставшихся домохозяйств деревни Петрухинской власти пойти не могли из-за отсутствия соответствующих возможностей, поэтому продолжали настаивать на предоставлении им разработанных земель и построек в Опаринском районе. Уполномоченным деревень было предписано предоставить к 9 октября списки желающих переехать в Опарино. Невыполнение данного предписания рассматривалось Комиссией как отказ от переселения, а, следовательно, и от компенсации⁹.

Далее события развивались следующим образом. Как только население, сопротивляющееся решению губернских и местных властей, стало сдавать позиции, и один по одному в Горисполком стали поступать заявления о включении в число горожан, 4 октября президиум Губисполкома вынес постановление, «вновь, – как пишет Шевырталов, – загонившее город на участок в 28 десятин». Как высказался землемер в своем докладе, «это постановление было ответом на постановление Котласского Горисполкома от 19 сентября с.г., коим одобрялись вехи, предварительно намеченные по структуре вышеприведенного постановления Комиссии от 26 сентября сего года. Что хотел этим сказать Губисполком, – то ли что опять начинай сначала, или то, что до решения Комиссии воздержаться от заселения, – сказать трудно, но заинтересованное население истолковало в благоприятном для себя духе, а именно в том виде, что заселяй 28 десятин, а остальные не трогай. Это послужило пробкой для начавшегося течения по добровольческому вхождению в город»¹⁰.

Тем не менее, 18 октября состоялось окончательное заседание Комиссии, резюмирующее результаты постановления от 3 октября 1922 г., а именно: «I) считать всех граждан дер. Петрухинской вошедшими в число граждан с представлением им находящихся в их пользовании земель, впредь до застройки на указанных в протоколе Комиссии от 3 с.г. октября условиях; II) считать граждан дер. Жернаковой Ивана и Александра Васильевичей Галактионовых и гр. дер. Мартемьяновской Козьму Егорова Слотина вошедшими в число граждан города на тех же, что для гр. дер. Петрухинской условиях; III) считать остальных граждан дер. Жернаковой и Мартемьяновской отказавшимися от предложенной им компенсации; IV) подтвердить свое постановление от 26 сентября с.г. о необходимости создания города на указанной в этом постановлении площади в 1102 десятины»¹¹.

В заключение своего доклада Б.П. Шевырталов пишет: «В конечном итоге мы имеем: город создается на площади 1102 десятины, в число городских земель полностью входят все земли деревни Петрухинской, вступающей добровольно, дер. Жернаковой и Мартемьяновской, включаемых в обязательном порядке за исключением 3 гр-к, вступающих добровольно, недостающая земля примезовывается из-под леса, бывшего владения этих дер[евень]. Постройки идут по линии тяготения: пристань – вокзал и затон Лименда... Всего город будет иметь один собственно городской и 8 сенокосных участков. На исполнение дела потребуется 106 дней. 12/XI-22 г. № 119. Землемер-Землеустроитель (подпись)»¹². Доклад был заслушан на заседании Губисполкома 12 декабря 1922 г., по результатам которого вынесено постановление, одобрявшее действия Комиссии.

Завершая историю отвода земли городу, непременно хочется обратить внимание на факт оценки перспектив развития Котласа, о котором упомянул в докладе землемер Б.П. Шевырталов. Он привел постановление объединенного заседания Губернских плановой и административной комиссий от 20 октября 1922 г., определившее «центром Сев. Двин. округа, при новом административном делении, город Котлас»¹³.

¹ МБУ «Архив МО "Котлас"». Ф. 316. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

² Там же. Л. 3 - 3 об.

³ Там же. Л. 4.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 1.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 1 об.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Л. 2.

¹⁰ Там же. Л. 6.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Л. 6 об.

¹³ Там же.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТРУДА СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В ЛЕСНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА ОНЕЖСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ В 1930-х гг.

В настоящее время, в связи с происходящими экономическими, политическими и социальными преобразованиями в нашей стране, обострился интерес общества к переосмыслению и более глубокому изучению исторического опыта советского прошлого. Особый интерес представляет период 1920-30-х гг. – время формирования новой, государственной экономики и претворения в жизнь идеи индустриализации страны.

К числу регионов, где проведение преобразований 1920-30-х гг. производилось наиболее интенсивно, относился Северный край. На его территории имелось значительное количество богатых природными ресурсами, но малонаселенных и индустриально слабо развитых районов, где планировалось осуществить задачи экономического переустройства страны.

Одним из таких районов был Онежский полуостров. Здесь советская власть решала важные экономические вопросы, используя для их реализации труд как привлеченных работников, так и раскулаченных, депортированных на Север из разных районов страны.

Основу экономики Архангельского округа Северного края, частью которого был Онежский полуостров, составляла лесопромышленная отрасль. Площадь лесов в Архангельском округе составляла 41 % от всей территории, на Онежский полуостров приходилось примерно 5 % лесных насаждений¹. В новых экономических условиях перед советской властью вставал вопрос освоения этих лесных площадей и развития лесной промышленности на Севере.

Развитие лесопромышленного комплекса на Севере обостряло проблему слабого заселения этой территории. По данным на 1929 г., население Северного края составляло 2 миллиона 355 человек, что равнялось примерно двум жителям на один квадратный километр². Поэтому заселению края советская власть придавала большое значение. В конце 1920-х гг. была развернута активная агитационная кампания по добровольному переселению на северные земли. Хотя переселенцам предоставлялись льготы и государственная помощь³, значительного отклика от населения данная инициатива не получила.

Однако вопрос успешного развития лесопромышленной индустрии на Севере требовал использования до полумиллиона человек «для сплава и обработки дерева»⁴. Поэтому начавшаяся коллективизация и последовавшая за ней высылка раскулаченных в северные районы дала возможность пополнить число занятых в лесопромышленной отрасли за счет «спецконтингента».

На территории Онежского полуострова спецпереселенцы появились в начале 1930-х гг. Депортированные из Крыма, Белоруссии, Казахстана первоначально содержались в фильтрационном пункте – бывшем Спасо-Преображенском Пертоминском монастыре⁵. К началу 1931 г. основная часть спецпереселенцев была распределена по шести спецпоселкам на Онежском полуострове – Сосновке, Кислухе, Кеге, Лопатке, Конюхове, о. Жижгине.

Спецпереселенцев, размещенных на Онежском полуострове, из-за наличия «очень большой сырьевой базы водорослей»⁶, «использовали на йодных промыслах»⁷, для чего их приписали к организации «Севйод». Но с августа 1931 г., после передачи всех раскулаченных в ведение Наркомлеса СССР⁸, спецпереселенцы активно привлекались к работе в лесной отрасли.

В 1931 г. на Заяцком мысе Унской губы был открыт лесозавод. Первоначально на заводе трудились завербованные в близлежащих деревнях рабочие. Однако увеличение объемов выработки требовало дополнительных рабочих ресурсов. Для их обеспечения к заводу были приписаны проживавшие в спецпоселениях Кислуха (в 4 км от завода) и Сосновка (в 8 км от завода) раскулаченные. Для удобства ведения непрерывного цикла лесопиления все рабочие размещались в заводском поселке.

Открытие завода на берегу Яренгского рога Унской губы Белого моря решало проблему переработки «моремойного» (мореного, аварийного) леса⁹. Однако основная задача заключалась в обработке для продажи за границу леса, добытого в близлежащем Вежменском лесопункте. Работа завода велась на двух пилорамах круглосуточно, в три смены¹⁰. В течение зимнего периода завод выработывал первосортные доски, которые летом увозили на баржах в город. Помимо лесопиления на заводе изготавливали бочкотару. Наряду со взрослыми, на заводе трудились подростки 14–15 лет, в том числе из депортированных семей. В их обязанности входило помогать при сплаве леса через Унскую губу – не давать проплыть мимо биржи лесозавода сплавляемой древесине¹¹.

Инфраструктура завода включала в себя грузовую пристань, к которой во время шторма подходили военные корабли – эсминцы, тральщики, подводные лодки; помещения лесозавода со зданиями конторы и пилорамой, располагавшиеся в стороне от пристани, ближе к берегу Унской губы. Доски вывозили на верхний склад, а оттуда на буксирах транспортировали в Архангельск. Здание верхнего склада было обнесено забором с колючей проволокой¹².

Первоначально спецпереселенцы проявляли протест против насильственного переселения. Протестные акции выражались в саботаже. В начале 1930-х гг. партийная ячейка Унского завода периодически сообщала о плохом отношении спецпереселенцев к работе: отношение было «отрешенное», нормы систематически не выполнялись¹³. Из-за отсутствия взаимопонимания с заводским руководством, недостатка финансирования и дополнительного питания, в первой половине 1930-х гг. спецпереселенцы совершали многочисленные побеги¹⁴.

Руководство завода, вследствие отсутствия конкретных установок из центра, не знало, «как нужно проводить работу с этими людьми»¹⁵, как вовлекать спецпереселенцев в общественную жизнь и способствовать их «перевоспитанию». Для увеличения производительности труда заводскому начальству было рекомендовано не реже двух раз в месяц устраивать с рабочими беседы на различные темы, «втягивая всю массу в производственную и культурно-бытовую деятельность»¹⁶.

Местные жители, наоборот, как могли помогали спецпереселенцам, «не знающим Севера, выживать на этой каторге»¹⁷. Рабочие Унского лесозавода отмечали трудолюбие, «образованность и воспитанность» депортированных

этнических немцев, трудившихся на заводе. По воспоминаниям бывшего кино-механика заводского поселка Василия Максимовича Мусникова, немцы активно шли на контакт и, в частности, помогали ему «подтянуть немецкий язык»¹⁸.

В самих поселках, где проживали представители разных национальностей, выживать помогали взаимовыручка и поддержка. Жизненные трудности сближали людей, «рождали чувство ответственности друг перед другом, заставляли порой рисковать собственным благополучием и жизнью»¹⁹. По воспоминаниям местных жителей, спецпереселенцы были очень трудолюбивыми и порядочными людьми, «крестьянской элитой России».

Раскулаченные быстро находили общий язык с коренными поморами. Оказавшись в глухом таежном лесу, спецпереселенцы распахивали огороды, выращивали картошку, занимались скотоводством. Южане научили северян делать парники, выращивать овощи. «Сегодня мало кто помнит, что до появления спецпереселенцев поморы могли каждый день есть красную рыбу, но не знали вкуса обычных огурцов»²⁰.

В августе 1948 г. Совет Министров СССР принял постановление, отменявшее особый режим содержания и снимавшее ограничения с раскулаченных. С этого времени высланные стали покидать спецпоселки, в том числе и на Онежском полуострове. Однако данное постановление не касалось депортированных этнических немцев. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. устанавливалось, что переселение этнических немцев произведено навсегда, без права возврата к прежнему месту жительства. Всех немцев, проживавших в спецпоселках Онежского полуострова, транспортировали в Плесецк для строительства военной базы и, в дальнейшем, космодрома.

В 1951 г. Унский лесозавод прекратил работу по причине пожара, уничтожившего всю производственную инфраструктуру. Многоквартирные дома и бараки с Заяцкого мыса перевезли в Пертоминск. Туда же переехала и часть спецпереселенцев.

К настоящему моменту история системы спецпоселений на Архангельском Севере, частью которой были поселки на Онежском полуострове, до конца не изучена. Однако люди, волею судьбы занесенные на Север России, оставили яркий след в истории этой территории. Благодаря их самоотверженности и личным качествам стало возможным дальнейшее экономическое освоение региона. Недаром народный комиссар земледелия РСФСР В.Н. Толмачев в 1930 г. в письме секретарю Севкрайкома С.А. Бергавинову так характеризовал высланных раскулаченных: «это люди преимущественно весьма инициативные и обладающие большой житейской хваткой. Нужно дать некоторый простор этим качествам, и они сами сделают многое, что нужно и что не под силу нашим аппаратам»²¹.

¹ Фаас В.В. Леса Северного района и их эксплуатация. М.-Пг., 1922. С. 9.

² Чацкий П. Леса Севера и пятилетка. М.-Л., 1930. С. 48.

³ Переселение в Архангельскую губернию. Архангельск, 1929. 24 с.

⁴ Чацкий П. Указ. соч. С. 50.

⁵ Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). Ф. 2176. Оп. 6. Д. 21. Л. 26; ГААО. Отдел документов социально-политической истории (далее – ОДСПИ). Ф. 5132. Оп. 1. Д. 2. Л. 58;

⁶ ГААО. Ф. 2176. Оп. 1. Д. 30. Л. 5.

⁷ ГААО. ОДСПИ. Ф. 290. Оп. 1. Д. 426. Л. 58.

⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9479. Оп. 1. Д. 16. Л. 11.

⁹ ГААО. Ф. 2176. Оп. 1. Д. 30. Л. 5.

¹⁰ Там же. Л. 20.

¹¹ Воспоминания П.В. Киселевой (1931 г.р., м.р. – д. Луда, м.п. – г. Архангельск, запись М.Н. Мелютиной, Я.Э. Харитоновой, 2017 г.) // Харитонова Я.Э. Научный отчет по теме «Поселки спецпереселенцев на территории Онежского Поморья» / Научный архив ФГБУ «Национальный парк "Кенозерский"». Ф. 2. Оп. 2/2. Д. 29. Л. 8.

¹² Тюкова Р.А. Ностальгия обывателя о прошлом веке. Вологда, 2002. С. 65, 80.

¹³ ГААО. Ф. 5130. Оп. 1. Д. 5. Л. 7.

¹⁴ ГААО. ОДСПИ. Ф. 2035. Оп. 1. Д. 31. Л. 20.

¹⁵ ГААО. ОДСПИ. Ф. 2035. Оп. 1. Д. 30. Л. 18об.-19.

¹⁶ ГААО. Ф. 5130. Оп. 1. Д. 6. Л. 22.

¹⁷ Воспоминания А.А. Мошниковой (1935 г.р., м.р. – поселок Унского лесозавода, м.п. – г. Архангельск, запись М.Н. Мелютиной, Я.Э. Харитоновой, 2017 г.) // Харитонова Я.Э. Указ. соч. Л. 17.

¹⁸ Воспоминания В.М. Мусникова (1925 г.р., м.р. – д. Ненокса, м.п. – г. Архангельск, запись М.Н. Мелютиной, Я.Э. Харитоновой, 2017 г.) // Харитонова Я.Э. Указ. соч. Л. 17.

¹⁹ Крестлинг А.А. Воспоминания о Севере / Личный архив О.В. Кудряшовой // Электронный архив ФГБУ «Национальный парк "Кенозерский"».

²⁰ Спецпереселенцы. Среди них были и предки знаменитого Конюхова? // Аргументы и факты. № 7. 2016. [Электронный ресурс.] URL: http://www.arh.aif.ru/society/spesereselency_sredi_nih_byli_i_predki_znamenitogo_konyuhova (дата обращения: 29.09.2018).

²¹ ГААО. ОДСПИ. Ф. 290. Оп. 1. Д. 386. Л. 105.

Д.О. Балакишин

**«МЫМРИНСКАЯ ШКОЛА»:
ИСТОРИЯ СРЕДНЕЙ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ № 17
ГОРОДА КОТЛАСА С 1969 ПО 1979 гг.**

18 октября 2019 г. средней общеобразовательной школе № 17 исполнится 50 лет. Коллектив обучающихся и педагогов готовится к достойной встрече столь знаменательного события. Один из запланированных проектов – создание книги по истории школы. Представленная работа является частью этого проекта. Базой для написания работы служат документы из Котласского муниципального архива. Наибольший интерес представляют фонд № 231 – «Сметы расходов учреждений Котласского горно», и фонд № 47 – «Протоколы заседаний Котласского городского Исполнительного Комитета депутатов трудящихся». Информацию документов дополняют ценные рассказы очевидцев: учителей и выпускников первого десятилетия работы школы.

Генеральная перспектива развития советской школы была определена новой Программой КПСС, принятой XXII съездом партии в 1961 г. Одной из основных задач в этой перспективе являлось достижение в течение десятилетия 1960-1970 гг. всеобщего среднего образования для всех детей школьного возраста. Эта задача подтверждалась директивами XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1966-1970 гг. и постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах дальнейшего улучшения работы средней общеобразовательной школы» (ноябрь 1966 г.). Для успешного решения этой задачи за пятилетие предстояло построить 22 тысячи новых школ, так как численность учащихся общеобразовательных школ за годы семилетки 1959-1965 гг. выросла с 31 до 46 млн. человек. При этом, если в 1958/59 учебном году в V-VIII классах было 10,6 млн. учащихся, то в 1964/65 учебном году их насчитывалось уже 19,7 млн. В старших классах число учащихся за эти годы возросло с 3 млн. до 6,9 млн.¹

Процесс стремительного роста числа обучающихся наблюдался и в Котласе. В конце 1960-х гг. в ведении Котласского отдела народного образования насчитывалось 16 школ (вместе с посёлком Коряжма). Из них начальных – 2, восьмилетних – 5, средних – 9. В Котласе находилось 12 школ (2 – начальные, 4 – восьмилетние, 6 – средние). Кроме того, в Котласе действовали 4 школы рабочей молодёжи (ШРМ) и школа-интернат². Охват образованием был таков, что в ШРМ были классы с 1-го по 10-й³.

При новых поставленных задачах резко выросло число обучающихся. В решении горисполкома от 18 апреля 1969 г. отмечено: «Значительно выросло количество учащихся, поступающих в 9 класс»⁴. Школы города были перегружены. Их площади не соответствовали новым условиям. Например, восьмилетняя школа № 14, двухэтажное кирпичное здание на улице Карла Маркса, имела кубатуру 7857 (для сравнения: кубатура 17-й школы – 19380)⁵ и работала в две смены. Дальнейшая история 14-й школы свидетельствует о гуманизации советского образования. Приказом по областному отделу народного образования от 21 августа 1969 г. № 177 в городе Котласе с 1 сентября 1969 г. на базе бывшей 14-й школы открывается вспомогательная школа-интернат⁶, в которой дети с диагнозом «олигофрения» смогут получить нужное им образование.

Об условиях работы в 8-й школе вспоминала Зоя Васильевна Шарапова, учитель начальных классов: «Проработала в 8-й школе три года. С нетерпением ждала открытия 17-й. Каждый раз, возвращаясь затемно с третьей смены, с радостью наблюдала, как растут школьные стены»⁷. Уроки физкультуры в начальных классах проводились в коридоре. Столовой не было, купить булочку и котлету можно только в крохотном буфете. Устроить в школу ребёнка, рождённого осенью, было невозможно. Ю.Я. Митина рассказывала: когда она пришла в 8-ю школу, чтобы написать заявление о приёме её дочери в первый класс, ей категорически отказали. Директор сказала: «Семилеток не знаем, как устроить. Классы переполнены»⁸. Это подтверждает учитель З.В. Шарапова: «Классы были большие, 42 человека – обычная норма. Доходило и до 45. Парты на боковых колонках стояли почти вплоты к стене»⁹.

Критическая ситуация была и с помещением начальной школы № 9 в Антонове. Здание было приспособленное: соединены два деревянных дома, помещение обогревалось тремя печками, топили дровами¹⁰. Из данных фактов становится очевидным, что разрешение сложившейся ситуации требовало строительства новой школы.

Какую информацию удалось найти о начальном периоде истории 17-й школы, её открытии и становлении? Все очевидцы признают огромную роль её первого директора, Александра Александровича Мымрина. Директор не принимал школу до тех пор, пока не были устранены недостатки, которые можно было устранить. После решения горисполкома «Об утверждении акта государственной комиссии от 19 сентября 1969 года по приёмке в эксплуатацию школы на 960 мест по ул. Багратиона»¹¹ прошёл ещё месяц, и 17-я школа приняла первых учеников.

Вот как об этом событии вспоминает Любовь Павловна Лукинская, учитель немецкого языка школ № 14 и № 17: «18 октября 1969 г. вся 14-я школа построилась на торжественную линейку. Директор школы № 14 Стародубцев В.Г. выступил с напутственным словом, и со знаменем дружины пионерской организации, горнами и барабанами мы маршировали по городу в направлении новой школы № 17. У школы уже в парадном строю стояли учащиеся школ № 8 и № 4. Директор новой школы Мымрин А.А. поздравил учащихся и учителей с продолжением учебного года в новой школе»¹².

В 8-й школе прощальной линейки не было. Учеников выстроили в колонну, впереди встали старшие классы. Учителя, переходящие в новую школу, расставаясь, обнимались с коллегами, оставшимися в старой. Наконец, колонна, возглавляемая учителем физкультуры Валерием Фёдоровичем Аникиевым, двинулась через Слободку к новой школе¹³.

Информацию о первом дне 17-й школы сохранила местная периодическая печать. Газета «Двинская правда» писала: «В городе открывается ещё одна школа на 960 мест. Директор школы А.А. Мымрин предоставляет слово председателю горисполкома Г.Н. Елсакову: "- Дорогие ребята! Вы получаете замечательный подарок – школу-дворец, в которой созданы все условия для плодотворной учёбы. Гордитесь своей школой, берегите её"»¹⁴.

Далее автор статьи рассказывает, что учеников и учителей новой школы поздравили секретарь горкома комсомола Г.И. Александров, заведующий горно В.Г. Стародубов, представитель строителей СМУ-8 Ф.И. Цаплин. Цаплин передал огромный серебристый ключ Андрюше Махину, маленькому первокласснику с ранцем за плечами. Наступил момент, характерный для подобного события в советское время: «Слова горячей благодарности родной партии и Советскому правительству за заботу о детях страстно звучат в коротких ответных выступлениях секретаря комсомольской организации девятиклассницы Светы Шитовой и пионерки Вали Кузнецовой»¹⁵. Г.Н. Елсаков перерезал ленточку перед входом в новое здание. Упало покрывало с вывески «Средняя школа № 17» и плаката над входом: «Добро пожаловать». Первыми в здание школы вошли знаменосцы со знаменем пионерской дружины имени Героя Советского Союза Валентины Николаевой-Терешковой, затем дежурный 9«а» класс. Раздался зво-

нок, первый в жизни новой школы. Класс за классом вошли бывшие ученики 14-й, 8-й и 4-й школ. Они продолжают учебный год уже в новом коллективе.

Становление школы продолжалось и в 1970-е гг. Директор творчески и настойчиво работал над вопросами оборудования и технического оснащения учебно-методических комплексов, внедрения кабинетной системы в работу каждого учителя. Л.П. Лукинская вспоминает: «Кабинеты были оснащены автоматическими затемнёнными шторами, в кабинетах поставлены диапроекторы или кинопроекторы, учителей обучили работать на кинопроекторах»¹⁶. Архивные данные подтверждают, что на протяжении 1970-х гг. школа наращивала техническую базу. Из сметы расходов на 1979 г. по школе № 17 следует, что приобретено 2 киноаппарата, в наличии уже было 8¹⁷. В социалистическом соревновании за лучшую подготовку школ к новому учебному году школа № 17 постоянно занимала призовые места. На демонстрациях в те годы, когда мимо трибуны проходила 17-я школа, звучало приветствие: «Идёт лучшая в городе школа по оборудованию»¹⁸.

Передовое по тем меркам техническое оснащение стало возможным благодаря тесным деловым контактам, которые сложились у директора А.А. Мымрина с шефами (электросети и хлебокомбинат). В качестве шефства помощь специалистами оказывало ремонтно-строительное управление. Большую помощь в техническом оснащении кабинетов оказывали родители. Выпускница школы Л.В. Большакова рассказывала, что её отец вместе с другими отцами и директором устанавливали технику, подводили к ней провода в кабинете № 8 в 1974 г.¹⁹ З.В. Шарапова вспоминала: «Приходилось стену долбить. У меня родители учеников этим занимались с утра до вечера. Продолбили нишу, установили киноаппарат "Украина". Учителя по ним сдавали экзамен: установка плёнки, эксплуатация аппарата»²⁰.

С первого года работы приходилось решать много бытовых вопросов. Ветеран школы, учитель начальных классов Тамара Фёдоровна Скутарь вспоминает: «Здание школы строилось заключёнными, и при строительстве было допущено много недоработок. Всё это проявилось сразу, так как был октябрь месяц, резко похолодало на улице, и в здании школы тоже стало холодно. Батареи практически не грели. Туалеты часто выходили из строя. Ремонт вместе с рабочими занимался сам директор»²¹. В сентябре 1975 г. вся 17-я школа две недели учились во вторую смену в 4-й школе. Директор добился, чтобы школьную котельную с угля перевели на газ. После этого в школе стало теплее. Стоял вопрос и благоустройства территории вокруг школы. В сентябре следующего года школьники сами сажали тополя по периметру школьного участка. Как вспоминают выпускники, старшие классы работали лопатами, четвёртые классы им помогали²².

В типовом учебном плане по-новому решался вопрос о трудовой и политехнической подготовке учащихся. Содержание и характер этой подготовки определялись с учётом условий работы школы в современных условиях и перспектив её дальнейшего развития как школы, готовящей подрастающее поколение и к умственному, и к физическому труду. Директивы XXIII съезда КПСС и постановление 1966 г. «О мерах дальнейшего улучшения работы средней обще-

образовательной школы» определяли, что советская школа должна развиваться как общеобразовательная, трудовая и политехническая²³.

Политехническое образование предполагало ознакомление школьников с главными отраслями производства в процессе изучения основ наук. Программы по основам наук предусматривали показ учебных и научно-популярных кинофильмов и проведение производственных экскурсий. Общеобразовательные предметы не могли дать системы технических и технологических знаний и практических умений в обращении с широко используемыми в производстве орудиями труда и техническими устройствами. Для решения этой задачи в учебный план средней школы был включён специальный предмет – трудовое обучение.

С 1975 г. во всех школах города введено производственное обучение старшеклассников. Были определены профессии, по которым шли занятия в школах²⁴. В 17-й школе такими профессиями стали швея и электрик. Для обучения создана великолепная техническая база: мастерские для мальчиков и кабинет домоводства для девочек. Помимо основной профессии швеи, девочек с 5-го класса обучали основам домоводства. Большая часть времени отводилась на шитьё. Подготовка была очень серьёзной. Изучали теорию, начиная со строения швейной машинки, качества материалов, и каждый год шили какое-то изделие. Практический результат был таким, что девочки с гордостью надевали сшитое своими руками. После 9-го класса была производственная практика. В июне в школе открывалась швейная мастерская. Плата за работу была очень умеренная, поэтому обращалось достаточное количество клиентов. Мальчики проходили практику в цехах хлебозавода.

Весной, в конце 10-го класса, выпускники сдавали экзамен по профессии. Экзамен состоял из двух частей. Первая: тянули билет и отвечали теорию. Вторая часть: предоставляли комиссии для оценки своё изделие. Комиссия состояла из специалистов Горпромкомбината. Благодаря таланту учителя труда Е.В. Быковой, все девочки получали по специальности II или III разряды. Немалое количество выпускниц после школы работали в Горпромкомбинате, в швейных мастерских, некоторые поступили в вузы по аналогичным специальностям. Даже те, чья профессия не связана с полученной в школе специальностью, с благодарностью вспоминают уроки труда Е.В. Быковой. Выпускницы, с которыми нам удалось пообщаться, отмечают, что в жизни им эти знания и навыки пригодились. Таким образом, 17-я школа успешно выполняла задачи политехнической школы.

В условиях реализации всеобщего среднего образования обогащалось содержание воспитательной работы. Провозглашаемая «коммунистическая сознательность» включала формирование научного мировоззрения, воспитание коммунистического отношения к труду, социалистического патриотизма и пролетарского интернационализма, утверждение коммунистической морали, всестороннее и гармоничное развитие человеческой личности, развитие индивидуальных склонностей и способностей. Постановлением «О мерах дальнейшего улучшения работы средней общеобразовательной школы» в штаты средних школ введена должность организатора внеклассной и внешкольной воспита-

тельной работы с детьми (на правах заместителя директора школы). Первым организатором воспитательной работы в 17-й школе стала учитель истории В.Г. Ширяева.

Воспитательная работа осуществлялась по направлениям, заданным правящей партией. Но выпускники отмечают, что это была интересная жизнь, которая для некоторых учеников определила будущую профессию. Так, перед школой стояла задача: воспитание патриотизма и интернационализма. Формы её осуществления были различными. Направляемые учителями, школьники сами легко решали поставленные задачи. Милитина Владимировна Клапиюк вспоминает: «Накануне 9 мая классная руководительница даёт задание: надо бы на классный час пригласить ветерана. Собрались дружной компанией, человек 6, и отправились в военкомат. Объяснили серьёзным военным, что нам от них надо, они дали нам адрес места работы ветерана. Мы тут же отправились к ветерану на работу. Он выслушал наше приглашение и дал согласие прийти на классный час. Это был великолепный классный час. Слушали ветерана 45 минут, затаив дыхание»²⁵. Для конкурса инсценированной песни актив решал, какую выбрать песню. Сами осуществляли постановку; нужна была форма – сами договаривались в военном городке или ехали в речное училище. Милитина Владимировна отмечает доверие взрослых людей к ним, школьникам. Лучшему классу доверяли выступать на городском смотре инсценированной песни.

Любимым мероприятием всех школьников была военизированная игра: для старших школьников – «Орлёнок», для среднего звена – «Зарница». Сохранившаяся летопись школы за 1969-1975 гг. показывает, что эти игры стали традицией. В их проведении помогали подшефные – солдаты военного городка. В «Летописи» за 1972 г. читаем: «20 февраля проводилась общешкольная игра "Зарница". Выиграла рота зелёных. Штабом руководили Баландин Вася, Горячих Вова, Чирочкин Валера, Паламодов Женья»²⁶. Василий Баландин после школы поступил в военное лётное училище и воевал в Афганистане на вертолёте. Владимир Горячих закончил общевоинское училище, служил в Германии, закончил академию Генерального штаба, сейчас преподаёт в Уфе. Евгения Паламодова не пропустила медицинская комиссия, но он в качестве директора школы в Верхней Тойме проводил подобные игры.

Многие классы совершали поездки по местам воинской славы. В рамках интернационального воспитания в школе из детей, изучающих немецкий язык, был создан «Клуб дружбы с ГДР». Дети двух стран вели дружескую переписку. Одна из участниц этого клуба, Ольга Анатольевна Просужих, сейчас работает в 17-й школе учителем немецкого языка.

Прочно вошёл в жизнь школы общественно полезный труд в самых разнообразных его формах. Это самообслуживание, сбор металлолома и макулатуры, концерты агитбригад, благоустройство территории школы, работа в лесхозе, помощь совхозу в уборке урожая... Выпускники вспоминают, что в те годы дежурство по классу включало мытьё полов. Школьников привлекали к различной физической работе в школе. Активисты-физкультурники сами ремонтировали спортзал. Школа была построена в болотистой местности, на спортивной площадке было сыро. Старшие мальчики таскали шлак от котельной, подсыпа-

ли стадион и дорожки²⁷. Сейчас эта площадка – любимое место школьников, они и не подозревают, что когда-то здесь было болото.

Школьники под руководством старшей вожатой Р.А. Стрельцовой обсаживали деревьями Лимендское шоссе, около школы посадили берёзовую аллею. Помогали совхозу «Родина» в уборке урожая. Организовывали концерты и ходили поздравлять с праздниками шефов и подшефных (военный городок)²⁸. В «Летописи школы № 17» за 15 апреля 1973 г. зафиксировано: «Участвовали во Всесоюзном Ленинском коммунистическом субботнике. Перечислено в фонд пятилетки 120 рублей 42 копейки»²⁹.

Во внеклассной и внешкольной работе по физкультуре большое место отводилось спортивным соревнованиям. Анализ информации «Летописи школы № 17» показывает, что ежегодно проводились осенний кросс, лыжные соревнования, соревнования между классами по баскетболу. Баскетбольная команда мальчиков неоднократно становилась победителем либо призёром городских соревнований. Сборная команда школы по лёгкой атлетике ежегодно успешно участвовала в городской эстафете 9 мая.

Своеобразным мероприятием был Ленинский зачёт, который ежегодно проводился в апреле ко дню рождения В.И. Ленина. Отличники Ленинского зачёта награждались почётными значками. Школы коснулись и новые веяния жизни. Большой интерес вызвала игра в КВН. Соревновались между классами, старшеклассники с выпускниками, между школами. В 1971 г. команда 17-й школы получила кубок, завоевав звание чемпиона города.

В 1978 г. ряды учителей и учеников 17-й школы значительно пополнились. Прекратила своё существование восьмилетняя школа № 8. Её педагогический коллектив и ученики были поделены между 4-й и 17-й школами. В «Расчёте на суммы разногласий по контрольным цифрам бюджета на 1979 г. по отделу народного образования» приводится следующая информация: «выделить 20 тысяч рублей на переоборудование здания школы № 8 под учебно-производственный комбинат»³⁰. Однако открытие межшкольного многофункционального учебно-производственного комбината состоялось только в 1986 г.³¹

Итак, появление школы № 17 явилось закономерным результатом политики правящей партии и государства, проводимой в образовании. В соответствии с директивами XXIII съезда КПСС, постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах дальнейшего улучшения работы средней общеобразовательной школы» 17-я школа развивалась как общеобразовательная, трудовая, политехническая. И на этом пути были достигнуты значительные успехи. Первый ученический коллектив сформировался из учащихся школ № 4, 8, 14 и начальной школы № 9 в Антонове. Огромную роль в становлении и развитии 17-й школы сыграл её первый директор, Александр Александрович Мыррин. Он завоевал доверие и уважение детского коллектива, родителей, педагогов, шефов. С их поддержкой директор успешно решал стоявшие перед школой задачи. Не зря школу № 17 в то время называли «Мырринская школа».

Нередко о советской школе говорят как о школе авторитарной системы, подразумевая какой-то негатив. Выпускники первого десятилетия существования школы № 17 с этим не согласятся. Они отмечают, что школа дала им не

только знания: они получили определённый жизненный опыт, который пригодился в дальнейшем.

¹ Подробно см.: Народное образование в СССР. М., 1967.

² МБУ «Архив МО "Котлас"». Ф. 231. Оп. 1. Д. 61. Л. 125.

³ Там же. Л. 6.

⁴ МБУ «Архив МО "Котлас"». Ф. 47. Оп.1. Д. 227. Протокол № 7 от 18.04.1969 г.

⁵ МБУ «Архив МО "Котлас"». Ф. 231. Оп. 1. Д.61. Л. 147; Ф. 231. Оп. 1. Д. 77. Л. 9.

⁶ МБУ «Архив МО "Котлас"». Ф. 47. Оп. 1. Д. 227. Протокол № 16 от 22.08.1969 г.

⁷ Цит. по: Десяткин О.[В.] Для нас всегда открыта в школе дверь! // Двинская правда. 2004. 15 октября.

⁸ Архив музея «Макариха» СОШ № 17. Воспоминания Митиной Ю.Я.

⁹ Цит. по: Десяткин О.[В.] Указ. соч.

¹⁰ МБУ «Архив МО "Котлас"». Ф. 231. Оп. 1. Д. 61. Л. 128.

¹¹ МБУ «Архив МО «Котлас». Ф. 47. Оп. 1. Д. 227. Протокол № 18 от 19.09.1969 г.

¹² Архив музея «Макариха» СОШ № 17. Воспоминания Лукинской Л.П.

¹³ Информатор Клапиюк М.В., г. Котлас, 14.01.2019 г.

¹⁴ Фёдоров Н. Здравствуй, школа-дворец // Двинская правда. 1969. 22 октября.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Архив музея «Макариха» СОШ № 17. Воспоминания Лукинской Л.П.

¹⁷ МБУ «Архив МО "Котлас"». Ф. 231. Оп. 1. Д. 215.

¹⁸ Информатор Митяхина Л.В., г. Котлас, 12.10.2018 г.

¹⁹ Информатор Большакова Л.В., г. Котлас, 15.10.2018 г.

²⁰ Цит. по: Десяткин О.[В.] Указ. соч.

²¹ Архив музея «Макариха» СОШ № 17. Воспоминания Скутарь Т.Ф.

²² Информатор Булакова О.Г., г. Котлас, 20.08.2018 г.

²³ Народное образование в СССР. М., 1967.

²⁴ Нюхина В.[А.] Образование // Котлас: Очерки истории. Архангельск, 2001. С. 138-139.

²⁵ Информатор Клапиюк М.В., г. Котлас, 14.01.2019 г.

²⁶ Архив музея «Макариха» СОШ № 17. Летопись 17-й школы.

²⁷ Десяткин О.[В.] Указ. соч.

²⁸ Информатор Карпова Т.П., г. Котлас, 10.12.2012 г.

²⁹ Архив музея «Макариха» СОШ № 17. Летопись 17-й школы.

³⁰ МБУ «Архив МО "Котлас"». Ф. 231. Оп. 1. Д. 215. Л. 13.

³¹ Нюхина В.[А.] Указ. соч. С. 139.

Часть II. СЕВЕР В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

М.Ю. Данков

О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ ВОЛОКЕ МАЛЫХ ФРЕГАТОВ ОТ БЕЛОГО МОРЯ К ПОВЕНЕЦКОМУ РЯДКУ В 1702 г.

Событие августа 1702 г., когда пять батальонов лейб-гвардии Преображенского и Семеновского полков за 8 ходовых дней преодолели 170-верстный маршрут¹ от берега Белого моря до стратегической линии Ладога – Нева – Балтика, поражает интригой и грандиозностью факта. Между тем, многие секреты сухопутного рейда через «Повенецкий рядок» в Ингрию граничат с исторической мистификацией и требуют дополнительного анализа. Армейский путь к шведской цитадели Нотебург (с 1323 г. русский Орешек) в истоке р. Нева на Ладоге, названный поморами «Осударева дорога», по прежнему вызывает жаркие дискуссии современных исследователей².

В этом смысле, пожалуй, наиболее интригующим сюжетом войсковой акции является традиционно декларируемый волок по «мостовой настилке» малых фрегатов «Сошествия Святого Духа» и «Скорый гонец», построенных весной 1702 г. на «Соломбонской верфи» голштинца И.Э. Избранта, под присмотром солдат бомбардирской роты Преображенского полка И. Немцова, Ф. Пальчикова и Л. Верещагина.

«Мифологический взгляд» о сухопутной переволоке кораблей, возведенных на Северной Двине, ныне ошибочно называемых «Св. Дух» и «Курьер»³; сыгравших якобы знаковую роль при атаке Нотебурга, а впоследствии будто бы вошедших в состав военно-морских сил на Балтике, как ни странно, основан лишь на основе глухих единичных сведений⁴.

Речь идет о фольклорных преданиях середины XIX столетия, сведениях из «Старинных записок в Двинских церквах найденных», опубликованных в 1783 г., а также отдельных архивных документах, введенных в научный оборот современным историком П.А. Кротовым. Кроме того, исследователи обращают внимание на текст 1790-х гг. петрозаводского Соловецкого летописца, упоминающего, что после того, как Петр I «от той Ньюхоцкой пристани» «отпустил корабли к Архангельскому городу, а сам изволил шествовать к Повенецкой пристани», здесь «лошади были под фурманами, а люди тянули две яхты на себе до Повенецкой пристани»⁵.

Однако в действительности российским исследователям по прежнему недоступен ни один подлинный архивный документ, принадлежавший руке царя Петра или кого-либо из его фаворитов, принявших участие в походе, которые смогли бы подтвердить факт перемещения фрегатов по карельской тайге и «амбаркадирование» кораблей по р. Свирь в Ладожское озеро.

Современных специалистов интригует известна, но «немая» в дни похода переписка государя с Б. Шереметьевым, Ф. и П. Апраксинами, а также союзни-

ком в борьбе со шведами – польским королем Августом Сильным, которая полностью игнорирует перетаскивание морских кораблей⁶.

В депеше «с Повенца, августа в 28 день 1702» «her voevode» П.М. Апраксину, монарх лишь замечает: «мы чаем немедленно быть в Ладугу»⁷. В другом письме от 28 августа 1702 г. графу Ф.М. Апраксину «с Повенца» боярин Ф.А. Головин отмечает: от «пристани Нюхчи что близко Онежской губы верст полтора море... пошли... сухим путем близко 200 верст к Онежскому озеру»⁸. А в корреспонденции от 18 сентября 1702 г. князю Г.Ф. Долгорукову он оценивает марш от Белого моря: «войска Царского Величества никаких праздностей сего лета не делали, но в непристанных истинно трудех были. Также и сами мы от города непроходимыми местыми прошли и топеря обретаем в Ындрии... и к тому конец благополучен»⁹.

Кроме того, историкам неизвестны печатные издания петровского времени, в которых хотя бы упоминался волок боевых кораблей. «Журнал или Поденная записка...» кабинет секретаря А.В. Макарова просто указывает: государь прошел «сухим путем до... Повенца, чрез пустые места и зело каменистые»¹⁰. Другой уникальный источник – «Походный журнал Петра Великого» – описывая события августа 1702 г., сюжет «проводин» морских фрегатов полностью отрицает¹¹. Более того, возможную переволоку судов абсолютно умалчивает «Журнал Государя Петра...» барона Ф. Гизена¹², а также сводный трактат, изданный в 1717 г. об обстоятельствах Северной войны: «Рассуждения...» П.П. Шафирова, участника похода по «Осударевой дороге»¹³. Предполагаемый волок морских кораблей почему-то не вдохновил даже иностранных резидентов, преодолевших путь на Повенецкий рядок: голландца Г. Фан-дер-Гульста, австрийского дипломата А.О. Плейера и саксонского посла Ф.Э. Кениксека¹⁴.

На самом деле, «перспектива» к Балтике возводилась по «Наказу подлинному» от 8 июня 1702 г. для «описи и проведывания дорожного водяного и сухова путей...»¹⁵, который подписал глава Посольского приказа генерал-адмирал Ф.А. Головин. «Проведывание» пути осуществлял сержант М. Щепотев с «со товарищами» И. Мухановым, А. Головкиным и М. Волковым. После 20 суток работы бомбардир М. Щепотев, проявив немислимую распорядительность, рапортовал государю: «дорогу всю отделал июля в 14 день»¹⁶. Реально ли подготовить в такие сжатые сроки трассу в тайге для волока морских фрегатов? Однако суть в том, что задание на обустройство пути в тайге Карелии о возможной переволоке кораблей просто умалчивает. Как ни парадоксально, но обнаруженные П.А. Кротовым в Российском государственном архиве древних актов и введенные в исследовательское поле депеши строителей трассы, отправленные на Повенец из района «Осударевой дороги», также не оговаривают сюжет о подготовке трассы для предстоящего волока кораблей¹⁷.

Действительно, непонятно, как можно пытаться организовать волок морских кораблей по «новопостроенной» дороге, если «Наказ» полностью умалчивает о предстоящей невиданной акции. В этом смысле не удивляет тот факт, что российские и зарубежные историки не владеют подлинной информацией об участии соломбальских судов «Сошества Святого Духа» и «Скорый гонец» («Курьер») в Нотебургской операции в октябре 1702 г.

Между тем, «непримиримые» сторонники волока по-прежнему приводят глухие и неубедительные аргументы присутствия фрегатов на Ладоге. В качестве доказательства версии нахождения кораблей Избранта на Ладоге приводится двойная перепечатка 2 января 1703 г. русской газетой «Ведомости» зарубежного анонимного известия: «царь московский... часть... артиллерии... на корабли по-ставить велел». Тем самым скоропалительно утверждается, что пушки якобы могли быть установлены лишь на архангельские палубные фрегаты¹⁸.

Другим «мутным» источником является сомнительное изображение двух безымянных парусников на анонимной гравюре «Prospect von der Belagerung Notheburg»¹⁹. П.А. Кротов утверждает, что по очертаниям суда «сходны с внешним видом половинчатой модели "Курьера"»²⁰. Однако можно ли считать доказательством присутствия трехмачтовых морских фрегатов «Сошествия Святого Духа» и «Скорый гонец» в акватории Ладоги гравюру без даты, на которой изображены одномачтовые суда? И опираться на то, что «по описи» какая-то корабельная модель лишь в 1809 г. поступила на музейное хранение²¹?

Между тем, основной отечественный печатный источник о виктории у Нотебурга, «Юрнал или поденная роспись, что в мимошедшую осаду под крепостью Нотебурхом, чинилось...»²², даже не упоминает о каких-либо русских морских кораблях, шедших на приступ. К тому же гравюрные и карандашные листы на «александрийской бумаге» голландского гравера А. Шхонебека, участника похода по «Осударевой дороге» и очевидца победы на Ладоге, отрицают факт присутствия архангельских палубных судов²³.

О фрегатах, якобы идущих на приступ крепости в истоке Невы, умалчивают печатные листовки²⁴ и рукописная реляция «Аллакюлле» от 31 октября 1702 г., находящаяся среди документов оборонной комиссии (defensionskommissionen) в Национальном архиве Швеции в Стокгольме, которая принадлежит руке очевидца события шведского майора Х.Г. Лейона. Специальный том коменданта шведской цитадели Г.В. фон Шлиппенбаха, который включает 5 папок материалов военного суда над ним, содержит, в частности, реляцию Шлиппенбаха, цветные рисунки и прочее, свидетельств об участии русских морских кораблей в атаке Нотебурга в октябре 1702 г. также не обнаружено. В этой связи автор выражает признательность шведскому исследователю Б. Нильссону (Bengt Nilsson) за совместные поиски материалов о русских судах в Riksarkivet²⁵. Однако не менее важно, что историки по-прежнему не владеют сведениями о нахождении фрегатов соломбальской верфи, после предполагаемого волока от Белого моря и якобы участия в приступе Нотебурга, в составе Балтийского флота.

Напротив, устойчивое заблуждение о легендарной переволоке «по суху» малых фрегатов серьезно конфликтует с пластом архивных документов, доказывающих устойчивое присутствие этих военных кораблей на Северной Двине²⁶. До 1710-х гг. загадочные суда, первыми капитанами которых стали англичанин Я. Валронт и голландец П. Памбурх, определенно находились в акватории Белого моря и, следовательно, не могли принимать участие ни в волоке на «Осударевой дороге», ни в боевых действиях на Балтике. Во всяком случае, И. Избрант, на верфи которого весной 1702 г. возводились эти суда, 2 сентября 1705 г. сообщает государю, что «шняв-корабль Меркуриус» («Скорый гонец»

или «Курьер») с «кумпанейщиком» С. Копьевым в сентябре 1705 г. ходил на промысел к Новой Земле²⁷. В 1708 г. архангельский воевода П.А. Голицын в своей «Отписке» указывал, что «шнявы «Меркурьус» и «Святой Дух», находятся в боевом дозоре «на взморье... при Двинских устьях... в урочище Няме... для проведыванья... неприятелей и отпору»²⁸.

П.А. Кротов, наиболее последовательный защитник непонятной с точки зрения здравого смысла идеи транспортировки фрегатов «от моря к морю», в последние годы ввел в научный оборот целый ряд свежих документов, названных «архивом Осударевой дороги», которые комментируют сюжет «взлома балтийского вала». Так, едва ли не единственным сохранившимся свидетельством, вскользь оговаривающим переволоку кораблей по тайге Карелии, он считает «Челобитную крестьян Нюхоцкой волости в Соловецкий монастырь» от 15 сентября 1702 г. Архивный документ, повествующий о строительстве трассы к Онежскому озеру, «ради его, государева, путного шествия с полками... сухим путем к Повенцу» действительно мимоходом отмечает: «А как... великого государя путное шествие учинилося, и тогда и их, нюхоцких, лошадей в подводы и с людьми побрали». И далее: «а людей, что было в волосте, всех, головами болши ста человек, взяли судов провожать сухим путем к Повенцу»²⁹. Однако интересный текст, в полуфразе указывающий «провождение» каких-то безымянных судов, безусловно, требует дополнительного и всестороннего анализа.

Другим неоднозначным документом, который приводится в качестве неоспоримого доказательства стратегического многоверстного волока малых фрегатов в 1702 г., является «Сказка поморов Нюхоцкой волости», составленная в 1709 г. от имени выборных³⁰. Выдержки из текста архивной реляции, связанные с волоком кораблей, впервые были опубликованы морским историком Ф.Ф. Веселаго³¹ в конце XIX столетия. Поводом для «Сказки» послужила попытка капитана «заморской яхты» урядника И. Балтрукова заставить поморов в июле 1709 г. перетащить этот парусник «через Нюхоцкую пристань до Санкт-Питербурха»³².

Помимо сведений о «работных людях» 1709 г., документ упоминает «Государеву новопостроенную дорогу», и что «в прошлые 702-й и 703-й годы... к работе тое дороги... люди браны... со всего Поморья». Но, главное, «по тое дороге наперед сего провожали буяры всем Поморьем» и «буяры поднимали, а под всякою буярою ходило подвод-лошадей по сту с подвотчки, да сверх ходило работных пеших человек по сту для тяги буяр»³³. Однако здесь корабли, относимые исследователем к 1702 г., именуются «буярами», а не «малыми фрегатами», как их определил сам царь. 5 июня 1702 г. Петр I сообщал Ф.М. Апраксину: «Два малые фрегаты...; имена: один "Святаго Духа", на нем Памбурх, другой "Куриер", на нем Вальронт»³⁴.

Неужели «выборные» путают не только даты, но ошибаются в принципиально разных типах судов? Ведь буеры, скромные одномачтовые суда, никак не соотносятся с малыми фрегатами – военными трехмачтовыми морскими кораблями с орудийной палубой, какими являлись соломбальские корабли «Сошествия Святого Духа» и «Скорый гонец».

Защитники идеи судового волока продолжают считать, что информационный «сбой» 1709 г. связан якобы с некорректным указанием типа судов петровской эпохи 1702 г. Утверждается, что морские корабли называли «буярами» потому что «по сухой настилке» в тайге они перемещались без мачт, такелажа и пушек³⁵. Однако такое объяснение выглядит облегченным, к тому же поморов трудно обвинить в пренебрежении к наименованию государевых кораблей.

В этой связи многое проясняет одно выдающееся обстоятельство. Оказывается, «Сказка», отмечая «прошлые 702-й и 703-й годы», причудливо объединила два разных по времени, но схожих по сути сюжета: поход в августе 1702 г. по «Осударевой дороге» армии Петра и марш по «Осударевой дороге» в августе 1703 г. полка М.М. Бордовика, солдаты которого действительно волочили легкие 9-метровые «буяры»³⁶.

О рейде к Балтике сообщает Двинский летописец: «послать... полковника Матвея Бордовика... Повенец в поход под Шлюсеньбурх». Для этого воевода В.А. Ржевский «того же августа» 1703 г. отправил «его полковника со всем полком» из Новодвинской крепости «на кораблях морем до Нюхотцкой пристани»³⁷. Об экспедиции Бордовика свидетельствует также приказ М.Я. Волкова, одного из устроителей «Осударевой дороги». Именем А.Д. Меншикова гвардеец 1 июля 1703 г. из Нюхчи указал жителям Сумского посада «в готовности» держать «двести человек крестьян для выгрузки ис караблей под Вардегору». Волков требовал от сумлян «проводин заморских судов... и всяких потреб от морской пристани до Повенецкого рядку»³⁸.

В результате рейда М. Бордовика, организовавшего волок кораблей, поморы в челобитной от 21 октября 1703 г. сообщили архимандриту Фирсу: «а мы на Повенец не один путь ходили и буеры сами на себе до Повенца тянули»³⁹. Однако еще в XIX в., с подачи уважаемого Ф.Ф. Веселаго, реальный волок «буяр» по «Осударевой дороге» в 1703 г. по ошибке был соотнесен с более ранним армейским рейдом царя⁴⁰. Вывод очевиден: в августе 1703 г. «ис полку ево (М. Бордовика – М.Д.) всем салдатом»⁴¹ в реальности пришлось волочить от Белого моря до Повенца голландские «суденки». Сами поморы, не оговаривая волок 1702 г. малых фрегатов «Сошества Св. Духа» и «Скорый гонец», подробно рассказывают о перетаскивании крестьянами «на себе» каких-то «буяр».

Между тем, две безымянных одномачтовых буяры голландского происхождения являлись подарком русскому царю и губернатору «ново завоеванного края» А.Д. Меншикову от голландских купцов и торговцев оружием К. Брантса и И. Люпса, имевших коммерческие интересы в Архангельске⁴². Иноземцы в депеше государю от 16 сентября 1703 г. «в глубочайшей покорности» доносили, что «приказанная провизия... благополучно дошла, також 2 буера». И далее: «Мы уповаем, что оные вам, государю, угодны будут; и посланные... с кораблями (М. Бордовика – М.Д.) к господину губернатору Шлотбурскому... дабы... вам Государю именем нашим поднести»⁴³.

Новоманерные «летучие» беспалубные буеры, безусловно, по «розмерениям» уступали малым фрегатам «Сошества Св. Духа» и «Скорый гонец», имевшим около 20 метров по ватерлинии⁴⁴. «Роспись фригату караблю...» отмечает размеры судов: «длиною 70 фут шириною 18 фут галанских глубиною 9 фут»

(19,81 x 5,09 x 2,55 м), при этом амстердамский фут, равняется 0,283 м. Благодаря обнаруженным архивным документам, удалось установить и подлинные размеры «галанских суденок». В письме от 2/13 апреля 1716 г. К. Брантс из Амстердама сообщал царю Петру, что им послан в Петербург буер «длиною около 32 фут (9 м. – М.Д.) и в протчем во всем наподобие того, который в 1702-м году к Городу послан»⁴⁵.

Размеры голландских лодок хоть как-то подтверждают возможность волока подобного класса судов, хотя практическая необходимость акции по-прежнему непонятна. Ведь в Южной Карелии уже строились мощные боевые корабли на Олонецкой и Сясьской верфях. Таким образом, даже предварительный анализ документа позволяет в который раз усомниться в традиционной аргументации историков, пытающихся объяснять факты героической эпохи царя Петра в мифологической канве.

В ночь на 17 августа 1702 г., после десанта гвардии и разгрузки трюмов с «зельем и пушечными припасами», когда петровские войска встали на волок малые фрегаты «Сошествия Св. Духа» и «Скорый гонец» вне сомнения в составе эскадры К. Крюйса взяли курс на Архангельск. Всего через неделю Ф. Головин, находясь в тайге Карелии на «Осударевой дороге», получил от вице-адмирала депешу с текстом: «Царского Величества поверенная мне флота слава Богу в 26 день сего месяца сюда в целости уцеленна пришла и стоит ныне от Двинки в 5 верстах за погодую противною»⁴⁶. Тогда же дьяк Посольского приказа М.И. Родостамов сообщил Ф.А. Головину о благополучном возвращении «из похода Государского» всей флотилии: «А он вице-адмирал в устье со всеми кораблями пришел сего августа 26 числа»⁴⁷. Двинский летописец также беспристрастно бытописал, что от Вардегорского мыса часть войск «возвратились к городу на тех же кораблях»⁴⁸.

Позже, 30 августа 1702 г., М. Родостамов еще раз подтвердил: «корабли Транспорт («The Transport Royal» – М.Д.) и прочие («Сошествия Св. Духа», «Скорый гонец» – М.Д.) благополучным ветром пришли» и встали на якорную стоянку где обычно, «при радостной пушечной стрельбе во всяком здравии»⁴⁹.

Итак, завершая исследование, признаем инерционные представления о возможном таинственном перемещении по «Осударевой дороге» в 1702 г. морских кораблей войсковой группой Петра I. По нашему мнению, они являются вековой фантастической мифологемой, в которой патриотические неувязки явно продолжают конфликтовать с реальными фактами. Интрига предполагаемого перетаскивания кораблей из одного конца страны в другой по-прежнему изумляет, но одновременно приглашает исследователей к новому архивному поиску и резонному размышлению о прошлом.

¹ [Игнатий]. Воспоминание о Высочайших пришествиях Великого Государя Петра Первого, коими осчастливлен край, составляющий ныне Олонецкую губернию. Петрозаводск, 1841. С. 7-10, 15; Данков М.Ю. Загадки «Осударевой дороги» // Север. № 7. 1996. С. 106.

² См. например: Данков М.Ю. Тайный марш по «Осударевой дороге» 1702 года и современная дискуссия вокруг нее // Культурные инициативы Петра Великого. СПб., 2011. С. 202-211; Кротов П.А. Осударева дорога 1702 года: пролог основания Санкт-Петербурга. СПб.,

2011. 309 с.; Гриппа С.П., Потахин С.Б. Дендрохронологические исследования района трассы «Осударева дорога» в 1995 году // Историко-географические исследования и краеведческая работа в ВУЗе и школе. Петрозаводск, 1996. С. 29-30; Ларионов А.Л. Малые фрегаты «Св. Дух» и «Курьер» (К истории Осударевой дороги 1702 г.) // Русский Север и Западная Европа. СПб., 1999. С. 221-228; Брызгалов В.В. Какие корабли перетасили по «Осударевой дороге» // Защитники Отечества. Архангельск, 2003. С. 1-14; Дуров И.Г. Провиантское обеспечение экипажей малых фрегатов «Курьер» и «Святой Дух» в 1702 г. // Нидерланды и Северная Россия. 2003. СПб., 2003. С. 181-194.

³ Российский государственный архив военно-морского флота (далее – РГАВМФ). Ф. 177. Оп. 1. Д. 21. Л. 140. См. также: Кротов П.А. Осударева дорога 1702 г. // Русский Север и Западная Европа. СПб., 1999. С. 186.

⁴ Данков М.Ю.: 1) В поисках «Осударевой дороги» // ЭКОхроника. 2002. № 1. С. 24-25; 2) Об организации на «Осударевой дороге» таинственного волока «буяр» полковником М. Бордовиком в 1703 году // Изучение памятников морской археологии. Вып. 5. СПб., 2004. С. 121-133; 3) «Осударева дорога» в контексте геополитики нового времени // Приневье до Петербурга. СПб., 2006. С. 85-93; 4) Об интерпретации артефактов «Осударевой дороги» 1702 года // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст. СПб., 2008. С. 273-278; 5) Мифы и реальность волока фрегатов по «Осударевой дороге» 1702 года // Проблемы изучения и сохранения морского наследия России. СПб., 2010. С. 151-153.

⁵ Криничная Н.А. Предание Русского Севера. СПб., 1991. С. 195, 203, 209; Новиков Н.И. О высочайших пришествиях Великого государя, царя, и великого князя, Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белья России самодержца, из царствующего града Москвы на Двину к Архангельскому городу, троекратно бывших... М., 1783. С. 96-97; 209; Отдел редкой книги Национальной библиотеки Республики Карелия. Инв. № 45614 р. «Соловецкий летописец. Второе пришествие великого г[осу]д[а]ря». 1790 г.

⁶ Письма и бумаги Императора Петра Великого (далее – П и Б). Т. II. 1702-1703. СПб., 1889. С. 74, 75-77, 79, 80.

⁷ Там же. С. 81.

⁸ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф.160. Оп.1. 1702 г. Д. 27. Л.1.

⁹ П и Б. Т. II. С. 409. См. также: Шидловский А.Ф. Онего-Беломорский водный путь; его государственное и экономическое значение // Известия Общества изучения Олонецкой губернии. 1915. № 2-3. С. 83.

¹⁰ Журнал или Поденная записка, блаженные и вечнодостоинья памяти Государя императора Петра Великого с 1698 года до заключения Нейштадского мира. Ч. 1. СПб., 1770. С. 50.

¹¹ Походный журнал Петра Великого (Юрнал 1702 года) // Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. IV. Ч. II. Прил. V. СПб., 1863. С. 512.

¹² Гизен Ф. Журнал государя императора Петра I с 1695 по 1709 гг. // Туманский Ф.С. Собрания разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого. СПб., 1787.

¹³ Шафиров П. П. Рассуждения, какие законные причины его царское Величество Петр Первый, царь и повелитель всероссийский, к начатию войны против короля 12, шведского в 1700 году имел. СПб., 1717.

¹⁴ Плейер О.А. Донесения цезарю; Фан-дер-Гульст. Донесения Соединенным Штатам Нидерланды // Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. IV. Ч. II. Прил. VII. СПб., 1863. См. также: Данков М.Ю. Гульст (Хульст, Фандергульст) Андрей (Генри, Генрих) Фан (Ван) Дер (Houlst Andrey Van Der) // Голландцы на Русском Севере в XVI-XX веках. Библиографический справочник. Архангельск, 2007. С.129-134; Данков М.Ю. Иноземцы и «Осударева дорога» // Немцы и Русский Север. М., 2000. С. 32-43.

¹⁵ РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1702 г. Д. 70. Л. 1-5 об. Здесь и далее сохраняется графологическое прочтение подлинника.

¹⁶ РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1702 г. Д. 109. Л. 16-16 об.

¹⁷ Кротов П.А. Осударева дорога 1702 г.... С. 178-220; Кротов П.А. Осударева дорога 1702 года: пролог... С. 206-263; Данков М.Ю. Таинственный архив мегапроекта XVIII века (малоизвестные письма строителей «Осударевой дороги» 1702 года) // Труды Государственного Эрмитажа. 2007. [Т.] XXXVIII: Петровское время в лицах – 2007. С. 76-89; Труды Государственного Эрмитажа. 2008. [Т.] XLIII: Петровское время в лицах – 2008. С. 83-87.

¹⁸ Кротков А.С. Взятие шведской крепости Нотебург на Ладожском озере Петром Великим в 1702 году. СПб., 1896. С. 145.

¹⁹ Кайзер Я. (?) Вид осады Нотебурга (Prospect von der Belagerun Notheburg).

²⁰ Кротов П.А. Новые материалы об Осударевой дороге 1702 г. (Пролог основания Санкт-Петербурга) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2007. С. 300.

²¹ Ларионов А.Л. Указ. соч. С. 223.

²² Журнал или поденная роспись, что в мимошедшую осаду под крепостию Нотебургом чинилось, сентября с 26-го числа в 1702 году // Книга Марсова или военных дел от войск царского Величества российских во взятии преславных фортификаций, и на разных местах храбрых баталий учиненных над войсками его королевского величества Свейского. СПб., 1766.

²³ Данков М.Ю. Адриан Шхонебек и «Осударева дорога» // Нидерланды и Северная Россия. СПб., 2003. С. 174-180; Шхонебек Адриан // Голландцы на Русском Севере в XVI-XX веках. Библиографический справочник. Архангельск, 2007. С. 329-334.

²⁴ Шаскольский И.П. Шведский источник об осаде Нотебурга Петром I // Библиотека Академии наук СССР: Материалы и сообщения по Фондам Отдела рукописной книги. Л., 1985. С. 222.

²⁵ Riksarkivet M 1376. Handlingar rörande Nöteborgs försvar från åren 1700-1703.

²⁶ Данков М.Ю. Архангельские фрегаты 1702 г. // Выборг и морская археология. Археологические изыскания. Вып. 45. СПб., 1997. С. 78-80.

²⁷ РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 41. Л. 204 об. См. также: Кротов П.А. Соломбальская верфь в начале XVIII столетия // Архангельск в XVIII веке. СПб., 1997. С. 80.

²⁸ РГАВМФ. Ф. 160. Оп. 1. 1708 г. Д. 9. Л. 43 об.

²⁹ РГАВМФ. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 1704. Л. 43-43 об. См. также: Кротов П.А. Осударева дорога 1702 года: пролог... С. 227-228.

³⁰ РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1709 г. Д. 10. Л. 21 об.-22. См. также: Кротов П.А. Осударева дорога 1702 года: пролог... С. 260-261.

³¹ Веселаго Ф.Ф. Очерк русской морской истории. СПб., 1875. Ч. 1. С. 154.

³² РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1709 г. Д. 10. Л. 21. См. также: Кротов П.А. Осударева дорога 1702 года: пролог... С. 260.

³³ РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1709 г. Д. 10. Л. 21 об.-22.

³⁴ П и Б. Т. II. С. 65.

³⁵ Брызгалов В.В. Указ. соч. С. 1-14; Кротов П. А. Новые материалы... С. 299.

³⁶ Данков М.Ю. Об организации по «Осударевой дороге» таинственного волока... С. 121-133; Данков М.Ю. Матвей Бордовик и поход по «Осударевой дороге» в 1703 году // Знаменитые люди Севера: от М.В. Ломоносова до наших дней. Архангельск, 2006. С. 57-59.

³⁷ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Холмогорская летопись. Двинский летописец. Т. 33. Л., 1977. С. 164.

³⁸ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 1704. Л. 134 об. См. также: Кротов П.А. Новые материалы... С. 299.

³⁹ РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 4843. Ч. 1. Л. 154.

⁴⁰ Веселаго Ф.Ф. Очерк русской морской истории... С. 154.

⁴¹ ПСРЛ. Холмогорская летопись. Двинский летописец... С. 163.

⁴² Вагеманс Э. Царь в Республике. Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды (1716-1717). СПб., 2013. С. 52-65.

⁴³ П и Б. Т. II. С. 619.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 9. 1706 г. Отд. 2. Д. 12. Л. 611.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Д. 26. Л. 13 об. См. также: Кротов П.А. Осударева дорога 1702 г.... С. 203.

⁴⁶ Елагин С.И. История русского флота. Период Азовский. Приложения. Ч. 2. Прил. 19. Выписки из писем дьяка Родостамова к Головину о найме иноземцев и об отправлении за границу русских матросов из Архангельска. 2. СПб., 1864. С. 254.

⁴⁷ Там же. С. 253-254.

⁴⁸ ПСРЛ. Холмогорская летопись... С. 201.

⁴⁹ Елагин С.И. История Русского флота... Ч. 2. Прил. X: Сведения о яхте, подаренной Петру I английским королем Вильгельмом III в 1697 году. Пп.1-8. СПб., 1864. С. 254.

А.И. Бурменский, Н.А. Хребтов

ОРГАНИЗАЦИЯ МЕДИЦИНСКОЙ СЛУЖБЫ В АРХАНГЕЛОГОРОДСКОМ ГАРНИЗОНЕ В XVIII в.

История военных гарнизонов Российской империи XVIII в. до недавнего времени была достаточно слабо освещена в историографии. Благодаря работе исследователей из разных регионов России, таких, как Н.Н. Гарунова, Н.Д. Чекулаев-Братчиков, М.Е. Проскурякова и А.В. Дмитриев¹, в течение последнего десятилетия вопросы повседневной жизни военнослужащих начали получать всестороннее освещение. Однако такие проблемы, как медицинское обеспечение служащих гарнизонов и состояние их здоровья, остаются еще недостаточно изученными. Историков военной медицины чаще всего интересовали проблемы создания соответствующих государственных структур и работа столичных госпиталей, в то время как на уровне локальной истории тема изучена слабо. Здесь важно подчеркнуть, что исследование качества медицинского обеспечения солдат позволяет сформировать представление об условиях службы военных и представить наиболее целостную картину повседневности военнослужащего Архангельского гарнизона в XVIII столетии.

Создание в России системы медицинского обеспечения широких слоев населения связано с организацией Петром I регулярной армии. Лекарские должности вводятся сначала в полках, несущих службу в столицах и задействованных в военных походах, а затем и в провинциальных гарнизонах. Заботясь о «народном здравии», Петр I повелевал открывать в городах богадельни, приюты для подкидышей, аптеки. Высшим органом управления медицинским делом с 1721 г. стала Медицинская канцелярия, заменившая Аптекарский приказ царя Алексея Михайловича. В 1763 г. она была преобразована в Медицинскую коллегию. Так медицина стала одной из значимых социальных функций государственного управления.

Месторасположение. В начале XVIII столетия первая медицинская помощь больным и раненым солдатам оказывалась в «лечебных избах» в местах расположения полков. В последующие годы в городах возвели слободы с полковыми дворами, складами, избами для солдат, медицинскими лазаретами. При каждом таком заведении обязательно должен был находиться огород, поскольку для скорого выздоровления больных и раненых требовались, помимо чистого воздуха, свежие овощи. Госпитали рекомендовалось строить «на здоровом и отчасти высоком положении места при реке и на плодородной земле»².

Госпиталь Архангелогородского гарнизона располагался на территории солдатской слободы, расположившейся на берегу реки Кузнечиха. Сейчас эта территория ограничена современными улицами Гагарина, Суворова, проспектом Ломоносова и Набережной Северной Двины. Вполне возможно, что госпиталь занимал сразу несколько помещений: например, в гарнизоне Тобольска на три батальона было построено шесть госпитальных помещений.³

Обеспечение кадрами. Потребность во врачах была велика, а собственные подготовленные медицинские кадры в первые десятилетия петровского царствования отсутствовали. Как и в случае с другими отраслями, эту проблему решали путем широкого привлечения иноземцев. Наем военных врачей на русскую службу осуществлялся преимущественно в Голландии, Англии, Франции, Дании и немецких государствах⁴. Архангелогородский гарнизон в сложившейся ситуации находился в привилегированном положении, так как сюда могли приглашать на службу лекарей из числа жителей Немецкой слободы, располагавшейся на южной окраине солдатской слободы. Возможно, именно поэтому иностранцы занимали врачебные должности в гарнизоне на протяжении всего XVIII в. В 1730-е гг. лекарем Устюжского полка (впоследствии переформирован во 2-й Архангелогородский гарнизонный батальон) был Яган Крумгар⁵. Известно имя и его коллеги из Архангелогородского полка – Валбрехт, которого с 1734 г. сменил Кристиан Мартин Граф⁶. В середине 1770-х гг. в гарнизоне работали Герман Струкгоф и Иоганн Видеман, занимавшие должности лекарей 1-го и 2-го батальонов соответственно⁷. Только в конце века их заменили медики из русских – лекари Крапивин и Потапов⁸.

С целью повышения престижа профессии лекаря по указу Военной коллегии от 29 марта 1727 г.⁹ полковые лекаря переводились в ранг поручиков с соответствующим жалованием и включались в так называемый «унтер-штаб» полка – в частности, потому, что жалование лекарей было ниже офицерского (в 1730-е гг. подпоручики получали 54 рубля, сержанты – 36). С 1728 г. полковые лекари должны были содержать при себе и обучать ремеслу двух учеников из школьников, солдатских детей. Однако основной объем работы по лечению больных ложился на плечи фельдшеров, обычно набиравшихся из числа солдат или ротных цирюльников. Помимо них, командование гарнизона направляло на различные работы по госпиталю рядовых, унтер-офицеров и младших офицеров¹⁰.

Оплата труда. Как следует из приходно-расходных книг, жалование военнослужащих выдавалось «по третям»: в сентябре, мае и январе¹¹. Годовой оклад лекаря во второй половине XVIII века составлял 40 руб. (для сравнения: пре-

мьер-майор – 48 руб. 75 коп.)¹². Лекарь также получал дополнительные деньги «за пользование» каждого больного. Например, за лечение солдат из артиллерийской команды, не входящих в состав полков, Ягану Крумгару полагалось по 6 и 1/20 копейки на одного больного¹³. Из-за несовершенной системы сбора налогов и постоянных недоимок периодически возникали задержки с выдачей жалования. Ученики лекаря и фельдшеры получали жалование, соответствующее их солдатскому или сержантскому окладу.

Круг обязанностей. Порядок работы военных медиков определялся «Уставом воинским» 1716 г., а содержание и обращение с больными в лечебных учреждениях всех уровней – «Регламентом... об управлении Адмиралтейства и верфи» 1722 г.¹⁴ Полковому медперсоналу было необходимо «не токмо знать по рецептам лекарства, готовить и составлять, но и прилежать свежия и добрыя лекарства при себе иметь. И при расходе оных благовременно инья припасти»; «лекари повинны ротных фелшеров не толко для одного бритья салдацкого употреблять, но и учить их лекарскому делу и чтоб со тщанием ходили за больными и за ранеными. Також не надлежит полковому лекарю, ежели прилучитца тяжкая болезнь или отсечение руки или ноги, или какой тяжелой операции, без доктора или штап лекаря самому собою лечить или отсекаль, но должен он с их совету, как болящаго лутче лечить»; «докторы и лекари повинны лечить всех в войске пребывающих, от вышних даже и до нижних, без платежа, ибо они за то получают себе жалованье»¹⁵.

Финансирование госпиталя. По указу Петра I, с 1721 г. из оклада военных чинов вычитался небольшой процент – «по копейке с рубля» (1-2% с фактического оклада), на медикаменты и госпиталь¹⁶, чтобы у военных не было большого желания залеживаться в госпитале: «ибо уже некоторые явились, которые выздоровели, чтобы им спать и праздные дни иметь, а к своим полкам не идти»¹⁷. С 1732 г. выплаты разделили: со штаб- и обер-офицеров стали вычитать не только на госпиталь по копейке, но и на медикаменты по полторы копейки с рубля. Унтер-офицеры и нижние чины за медикаменты платили только по копейке с рубля¹⁸. По-видимому, бывали и экстраординарные выплаты. Так, аудитор Архангелогородского гарнизона с годового оклада в 27 руб. должен был выплачивать: на госпиталь – 26 ¼ коп., на медикаменты – 75 коп.¹⁹ Всего из средств подушного сбора на полк полной штатной численности 1732 г. необходимо было перечислить за год «на медикамент с гарнизонными чинами» 84 руб. 92 ¾ коп., «в полк на гошпиталь» – 17 руб. 20 коп.²⁰

Вычитаемые деньги из жалованья больного за пребывание в госпитале направлялись в комиссию полка. Военным чинам после выписки из госпиталя выдавался аттестат с указанием сроков больничного²¹. Если больных не было, то собранная сумма хранилась до тех пор, пока в лазарет не доставят военных. Так, например, в гарнизонном госпитале больных артиллерийских служителей в 1739 и 1740 гг. не было, поэтому и средства лекарю не выдавались²². Из сохранившихся документов лазарета 2-го батальона Архангелогородского гарнизона нам известно, что в 1769 г. количество больных варьировалось от 10 до 17, что составляло примерно 2-3 % от общего состава²³ (в одном батальоне служило около 600 военнослужащих).

Обеспечение и лечение пациентов. В соответствии с нормами Адмиралтейского регламента 1722 г., на каждого пациента ежедневно полагалось полтора фунта хлеба и один фунт мяса. Помимо этого, три дня в неделю – по полтора фунта овсяной крупы, в остальные дни – по полтора фунта ячменной крупы. В течение всей недели на каждые восемь пациентов должно было отпускаться по фунту масла. Регламентом предписывалось ежедневно выдавать военным одну кружку пива и одну чарку вина. При этом в документе оговаривалось, что «пиво, вино и квас пить надлежит давать по рассуждению доктора или главного лекаря, которые усмотреть могут, кому за трудностию болезни вина или пива давать невозможно».²⁴

В ходе реформы гарнизонных войск 1764 г. в помощь медицинскому персоналу была учреждена должность «надзирателя за больными», занимаемая сержантом с окладом 2 руб. 50 коп (за треть года). Этот человек должен был вести документы о приходе и расходе госпитальных припасов. Из сохранившихся ежедневных отчетов надзирателя за больными Ивана Воеводина и документов предыдущей эпохи мы можем судить о размерах и характере подобных трат.

Помимо обычного солдатского пайка, состоявшего из разных круп и соли, больной должен был получать усиленное питание. Так из Архангелогородского питейного двора в лазарет поставлялось: пиво (ведро – 10 коп.), которое варилось из «яшного солоду и важеского или московского хмеля»; ржаная мука (пуд по 27 коп.); вологодский уксус (т.е. поставлявшийся вологодскими купцами – 45 коп. за ведро); «спиртус» (по всей видимости, производился в качестве антисептика); белужье или ворвань сало – топленый жир, добываемый из сала морских млекопитающих, белого медведя или рыб, шедший на освещение для лампад (брали у местных купцов за один пуд 81 коп.); вино, настоянное с травами, в частности, для «мазания от цыготной болезни» (за ведро 2 руб. 54 коп.)²⁵.

Пивом запивали горькие лекарственные настойки («на прием с лекарством пива кружка»), оно давалось как общеукрепляющее средство при простудных заболеваниях. Один гарнец (четверть ведра) ячменя уходил «на варение декокта» (лекарственный отвар, настоянный на травах посредством кипячения), который использовался как противовоспалительное средство. Из 5 фунтов ржи получалась бочка кваса («на квас муки ржаной 5 фунтов»). Персонал госпиталя должен был работать не только днем, но и в вечернее и ночное время. «Для свету на зажжение в ночное время в казармах» в неделю уходило от одного фунта сала. Итого в среднем в месяц уходило 3-4 ведра пива, 35 фунтов ржаной муки (для кваса), 2 гарнца ячменя, три бутылки уксуса, сала белужьего в ночное время 7 фунтов²⁶. Расход вина в некоторые периоды доходил до ведра. Так, в сентябре расход «вина простого одно ведро»²⁷. Расход зависел от количества больных и интенсивности их лечения.

За 1769 г. ушло вина – 3 ведра, пива – 71 ведро и 5 кружек, муки – 9 пудов 30 фунтов, уксуса – два ведра и 2 кружки, 6 бутылок, сала белужьего – 20 фунтов, ворваньего – 22 фунта, свеч сальных – 5 фунтов и бумаги белой – одна десть (24 листа)²⁸. «За весь 1770 год ушло 2 ведра вина, пива – 70 ведер и 5 кружек, муки ржаной – 8 пудов и 10 фунтов, сала варваньего – 37 фунтов»²⁹. В 1772 г. были выделены средства для «варения пива». За год было сварено 23

ведра³⁰ (меры емкости жидких тел в XVIII в.: 1 ведро = 12,3 литра; 1 бутылка = 0,62 литра; кружка (штоф) = 1,23 литра; меры веса в XVIII в.: пуд = 16,4 кг, фунт = 0,41 кг)³¹.

Паек для больного в Архангелогородском гарнизоне был скромнее, чем, например, в полевых полках, несших службу в Закавказье, где в лазарете выдавали мясо, сливочное масло, молоко, яйца, калачи, рыбу, а пищу приправляли чесноком и перцем³². И даже во второй половине XVIII в. паек в Архангельске не дотягивал до требований Адмиралтейского регламента 1722 г.

Медицинское освидетельствование. Помимо всего прочего, лекари проводили медицинское освидетельствование рекрутов при их присылке в Архангельск, действующих военных чинов для выявления больных и лиц, не способных к дальнейшей службе. В рапортах об отставке военнослужащих по старости и болезни писали: «имеются престарелые дряхлые, а некоторые имеют неисцеленные болезни, значит больше гарнизонной службы понести не в состоянии»³³.

В таблицах готовящихся к отставке военнослужащих отдельной графой прописывалось, какой именно болезнью тот страдает. Например, застарелая почечная болезнь, чахотка, «цынготная болезнь», «твердая печень», полная или частичная слепота («издали худо видит») и глухота («весьма глух»), головные боли, обмороки, припадки, «шум в голове», рвота, неработоспособность конечностей из-за ранений и старости («левая рука в локте не сгибается», «на правой руке неизличимая рана»), «французская болезнь» (различные виды ЗППП и опухолей, которые диагностировали по хрящу в губе, носу и т.п.), и прочие болезни, характеризующие качество и условия жизни той эпохи. В 1760-е гг. в России распространился сифилис, который называли тогда «щегольской болезнью»³⁴. Стоит отметить, что среди военных Архангелогородского гарнизона эта болезнь была не частой, видимо, в связи с отсутствием широкой коммуникации с населением более южных регионов.

Наименее крепкие здоровьем солдаты уходили в отставку в возрасте до 50 лет. Например, Семен Андреев сын Елагин, служивший в Пустозерском остроге, ушел в отставку в возрасте 48 лет. На его правой ноге была «порублена лодышка», из-за чего он страдал «трудным хождением и притом был корпусом слаб»³⁵. Если никаких особых болезней не было замечено, то просто писалось: «стар и дряхл», «всем корпусом слаб», «всегда в лазарете лежит», с такого-то года «службу не справляет». Это, по всей видимости, были наиболее крепкие и здоровые люди, так как в столбце «лет от роду» возраст «старых и дряхлых» варьировался от 60 до 77 лет, что на тот момент существенно превышало среднюю продолжительность жизни³⁶. Особенно характерной для Архангелогородского гарнизона эта картина стала во второй половине 1770-х гг., когда батальоны стали насыщаться инвалидами (ветеранами) Семилетней и русско-турецких войн.

Судебно-медицинская экспертиза. Лекарям иногда приходилось исполнять обязанности судебно-медицинских экспертов, работая в связке с офицерами, которым поручали расследование. Так, например, в 1728 г. лекарь Архангелогородского гарнизонного полка Валбрехт вместе с командиром артиллерийской команды штык-юнкером Кривоперстовым осматривали тело фузилера Колото-

ва. По итогам экспертизы было установлено, что тот умер от сердечно приступа, вызванного сильным алкогольным опьянением: «...и по осмотру оной Колотов якобы умре от вина, а на левой щеке сине, на груди против сердца осарапано, на шее от галстуха якобы давлено сине ж, а больши того ради других язв и признаков не знато»³⁷.

До наших дней сохранился рапорт гарнизонного лекаря Струкгофа: «В найденном женою солдата Ивана Перепелкина в лавке в верхнем амбаре оказалось горло ножом резаное и рана шириною в ладонь, в глубину вершка полтора, в гортанице рана в перст, от чего дух из раны уже идет. Отправлен в батальонный госпиталь, в натуральное здоровье пришел. Ранее был в неоднократном пьянстве, за что был часто наказан. Расспрашивали, с какой причиной хотел себя умертвить. Он никаких притеснений и нападков ни от кого не видал, не боялся, а сие учинил в пьяном состоянии».

«Ежели кто себя сам убьет, то надлежит палаче тело его в бещестное место отвочь и закопать, волоча прежде по улицам». Перепелкина было приказано «нещадно высечь шпицрутенами». Если же повторится подобное его пьянство, то отошлют его тогда в батальон в качестве профоса³⁸. Здесь стоит отметить, что уровень медицинской квалификации лекарей был достаточно высок, что позволило спасти от смерти солдата, несмотря на тяжелое ранение. Но известны и случаи успешной попытки суицида. Так, в 1764 г. повесился каптенармус из первого батальона инвалидной роты Кузьма Притчин, который находился в секретном карауле³⁹. В данных случаях лекарям оставалось лишь констатировать смерть и выявлять ее причины.

«Гошпитальные» отчеты, как минимум в первой половине XVIII в., из Архангельска отправлялись в Военную коллегию нерегулярно, что неоднократно вызывало недовольство у центральных учреждений⁴⁰. К середине века этот процесс был налажен и подобной халатности не наблюдалось. Обеспечение медикаментами и довольствием также было налажено в полной мере.

В целом можно утверждать, что петровские реформы армии и флота дали ощутимый толчок для формирования системы здравоохранения широких слоев населения. В Архангельске, как и в целом по стране, на протяжении всего столетия ощущалась нехватка квалифицированных отечественных специалистов, поэтому в гарнизоне служили иностранные лекари, которые достаточно ответственно относились к своей работе. Об этом говорит тот факт, что процент больных в гарнизоне был достаточно низкий.

Стоит учесть, что природно-климатические условия Русского Севера не отвечали всем необходимым требованиям для здорового функционирования человеческого организма, поэтому цинга и многие другие болезни не были редкостью среди военных. Однако гарнизонные полки практически полностью формировались из местных жителей, привыкших к такому образу жизни. Низкий уровень заболеваемости и смертности был также обусловлен и другими факторами. Во-первых, в отличие от полевой армии, гарнизонные полки опирались на складывавшуюся в течение долгого времени военную и гражданскую инфраструктуру стрелецкой слободы, полковых дворов, городских домов. Во-вторых, в отличие от юга России, здесь реже распространялись эпидемии, вызванные

инфекционными заболеваниями. В-третьих, в отличие от приграничных крепостей Карелии и Ингерманландии, здесь не требовалось использовать солдат для фортификационных работ в неблагоприятных погодных условиях⁴¹.

Этим объясняется, что, хотя организация медицинской службы в Архангелогородском гарнизоне и совершенствовалась в соответствии с развитием всей системы военного здравоохранения в Российской империи, но до начала XIX в. так и не вышла на госпитальный уровень, фактически оставшись на уровне полковых лазаретов.

¹ Гарунова Н.Н., Чекулаев-Братчиков Н.Д. Российская императорская армия на Кавказе в XVIII веке: История Кизлярского гарнизона (1735-1800 гг.). Махачкала, 2011. 620 с.; Дмитриев А.В. Русская регулярная армия в Сибири (1725-1796). СПб., 2018. 528 с.; Проскурякова М.Е. «Из определенных к Остзею»: гарнизоны крепостей Выборга и Кексгольма в первой половине XVIII века. Петрозаводск, 2012. 180 с.; Чекулаев-Братчиков Н.Д. Низовой корпус на Кавказе: история гарнизона крепости Святого Креста (1722-1735 гг.). Махачкала, 2011. 206 с.

² Костюк А.В. Военно-морские госпитали в XVIII веке // Военно-исторический журнал. 2011. № 12. С. 48.

³ Дмитриев А.В. Указ. соч. С. 374.

⁴ Дуров И.Г. Пенсионное обеспечение военных врачей в Российской империи в XVIII веке // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Пятой Международной научно-практической конференции 14-16 мая 2014 года. Ч. II. СПб., 2014. С. 52-53.

⁵ Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). Ф. 1. Оп. 1. Т. 2. Д. 2859. Л. 1.

⁶ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 1. Д. 319. Л. 1; Д. 1293. Л. 1.

⁷ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 7. Д. 14038; Ф. 1538. Оп. 1. Д. 205. Л. 10 - 10 об.

⁸ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС). Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 3738. Л. 22.

⁹ Все даты в тексте приведены по Юлианскому календарю (старому стилю).

¹⁰ Чекулаев-Братчиков Н.Д. Указ. соч. С. 90-91.

¹¹ ГААО. Ф. 1538. Оп. 1. Д. 165. Л. 18, 54, 60 об.

¹² ГААО. Ф. 1538. Оп. 1. Д. 205. Л. 10 - 10 об.

¹³ ГААО. Ф.1. Оп. 1. Т. 2. Д. 2859. Л. 1.

¹⁴ Регламент благочестивейшаго государя Петра Великаго отца отечества императора и самодержца всероссийскаго о управлении Адмиралтейства и Верфи и о должностях Коллегии адмиралтейской и прочих всех чинов при Адмиралтействе обретающихся. Любое издание. Гл. 47-52: «Регламент о госпиталях и о должностях определенных при них комиссаров, докторов, писарей и прочих»; Устав воинский о должности генералов, фельд-маршалов и всего генералитета и прочих чинов, которые при войске надлежат быть, и о иных воинских делах и поведениях, что каждому чину чинить должно. Любое издание. Гл. 33: «Об аптеке, полевых докторах, аптекарях и лекарях и их должности»; Гл. 34: «О полевом лазарете».

¹⁵ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собрание 1-е. СПб., 1830. Т. 5. № 3006. С. 244-246.

¹⁶ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 1. Д. 1043. Л. 6.

¹⁷ ПСЗРИ. Собрание 1-е. СПб., 1830. Т. 5. № 3006. С. 247.

¹⁸ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 1. Д. 1041. Л. 2.

¹⁹ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 1. Д. 71. Л. 463 об.

²⁰ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 1. Д. 213. Л. 2.

²¹ Гарунова Н.Н., Чекулаев-Братчиков Н.Д. Указ. соч. С. 239.

²² ГААО. Ф.1. Оп. 1. Т. 2. Д. 2859. Л.3 об.

²³ ГААО. Ф.1. Оп. 1. Т. 7. Д. 14040. Л. 1.

-
- ²⁴ Проскурякова М.Е. Указ. соч. С. 108.
- ²⁵ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 4. Д. 7099. Л. 4; Т. 7. Д. 14038. Л. 5, 8, 11.
- ²⁶ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 7. Д. 14040. Л. 4 об.
- ²⁷ ГААО. Ф. 1538. Оп. 1. Д. 211. Л. 23.
- ²⁸ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 7. Д. 14040. Л. 45.
- ²⁹ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 7. Д. 14042. Л. 39 об.
- ³⁰ ГААО. Ф. 1538. Оп. 1. Д. 83. Л. 2 об.
- ³¹ Минаева Т.С. Вспомогательные исторические дисциплины. Архангельск, 2016. С. 42-43.
- ³² Чекулаев-Братчиков Н.Д. Указ. соч. С. 242.
- ³³ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 4. Д. 6256а. Л. 5.
- ³⁴ Джунджузов С.В. Организация медицинской службы в ставропольском калмыцком войске (30-е годы XVIII века – начало 40-х годов XIX века) // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. Вып. 51. С. 13.
- ³⁵ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 4. Д. 6256а. Л. 62.
- ³⁶ Там же. Л. 50-80.
- ³⁷ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 1. Д. 319. Л. 1.
- ³⁸ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 4. Д. 6878. Л. 137-138.
- ³⁹ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 4. Д. 6405. Л. 1 - 1 об.
- ⁴⁰ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 1. Д. 1125. Л. 156.
- ⁴¹ Проскурякова М.Е. Указ. соч. С. 104.

В.В. Попов

СУДЬБА КОРАБЛЯ В СУДЬБЕ ЛЯБЕЛЬСКОГО КРЕСТЬЯНИНА (XIX в.)

Отправной точкой данного исследования послужила запись в метрической книге Лябельской Спасо-Преображенской церкви Сольвычегодского уезда Вологодской губернии: «о бракосочетании 11 июля 1871 г.¹ отставного матроса 11-го флотского экипажа 1-й статьи Феофилакта Матфеевича Попова, 43 лет, вторым браком, с дочерью казённого крестьянина д. Кондратовской этого же прихода Якова Николаевича девицей Марфой, 23 лет, оба православного вероисповедания...»².

Отец Ф.М. Попова, Матфей Лукич (1782 г.р.), чернососный крестьянин деревни Путятинская (Ивановы) Сольвычегодского уезда, являлся представителем крестьянского рода красноборских Поповых в пятом поколении: [Лука (1754 – 1817) ← Иван (1706 – 1773) ← Филипп (1667 – ?) ← Никифор (? – ?)]. Путятинская входила в гнездо деревень с собирательным названием Лябла, расположенное по берегам рек Северная Двина, Лябла и Чёрного ручья в современном Красноборском районе Архангельской области.

«Дер. Путятино на речке Чёрной» зафиксирована ещё в «Переписной книге города Устюга и чёрных волостей Устюжского уезда переписи Алексея Ивановича Лодыженского и подьячего Алексея Ерофеева 1677-1678 гг.»³. О деревне из «Сказок о монастырских, архиерейских и церковных половниках, сказок половников посадских и купеческих людей и сказок государственных чернососных крестьян Архангелогородской губернии Двинской трети Устюжского уезда

Пермогорской волости 1719 года» узнаём: «Во дворе Филипп, Фёдор Никифоровы дети Поповых. Филипп 51 лета, у него три сына: Емельян 26 лет, Иван 14 лет, Фаддей 11 лет. Фёдор брат 40 лет»⁴. О Никифоре, как и его предках, ничего не известно. Неизвестны и точные даты возникновения тех или иных деревень на Лябле, ибо они не фиксировались. Но возможно предположить, что Путьятинская наряду с другими деревнями Красноборья возникла в XIV-XV вв.

Матфей Лукич 21 января 1814 г. в 32 года женится на крестьянской девице из д. Саулинская Настасье Минеевне Ширяевой, 17-ти лет⁵, и переселяется в близлежащую деревню Родионовская (Бебенино), где строит свой дом. Рождаются дети: Ларион (1815), Авдотья (1821), Параскева (1822)⁶. Однако 26 сентября 1826 г. М.Ф. Попов овдовел: в 28 лет умирает от горячки жена, оставив его с тремя детьми. 1 ноября того же года он женится на дочери солдатки Дарии Крохиной – Евфимии⁷. В этом браке 1 марта 1830 г. рождается сын, крещён 2 марта и назван Феофилактом, в честь священноисповедника Феофилакта Никомидийского. Позднее родились братья Иван (1833) и Василий (1839 – 1866), сестра Пелагея (1838).

Филат, Филя – так называли его родные и местные жители, с малолетства постигал азы нелёгкого крестьянского труда, рос обычным деревенским мальчишкой. В 19 лет, 25 января 1850 г., женился на дочери умершего крестьянина Фёдора Крохина из д. Коровинская этого же прихода, девице Татьяне, 19-ти лет⁸. Но недолгой была их семейная жизнь. В 1851 г. Феофилакта призвали в рекруты.

Рекрутская повинность для комплектования регулярной армии и флота России сформировалась в начале XVIII в. Основные положения рекрутского набора в XIX в. определялись Уставом рекрутским (1831 г.). В рекруты забирали по жребию мужчин от 20 до 35 лет, здоровых и не страдающих явными физическими недостатками. Согласно Уставу, «рекрутской повинности подлежали в государстве все те сословия, кои платят в казну подать подушную или подушной соответственную, а именно: мещане, казённые крестьяне разных наименований, крестьяне удельные, крестьяне помещичьи и свободные хлебопашцы и другие...»⁹.

До отмены рекрутских наборов в 1874 г., основной формой учёта лиц, достигших призывного возраста, являлись рекрутские жеребьёвые списки. В фондах Государственного архива Архангельской области документов Рекрутского присутствия Сольвычегодского уезда за 1851 г. не имеется. Они есть по восьмому очередному частному рекрутскому набору, назначенному Манифестом императора Николая I от 18 августа 1849 г., когда в уезде призывалось из Тимошинской волости – 45, Малопинежской – 18 и Великосельской – 47, а всего 110 человек, из которых только четверо были грамотными¹⁰. Набор проводился с 1 ноября по 31 декабря 1849 г. В жеребьёвом списке крестьян Тимошинской волости, например, «под вторым номером жребия указан Иван Варфоломеевич Попов, родившийся в апреле 1829 г. в д. Трубинская Тимошинского общества. Жребий вынимали — его отец и старшина Худяков; холост, вероисповедание – русский (так в документе – В.П.), читать и писать – не умеет, ремесло не знает, по суду наказан не был. Мера роста и годность в рекруты по наставлению от-

датчика за неявкой призывника неизвестны. В рекруты не представлен за проживанием постоянно на кожевенном заводе в Усть-Сысольском уезде»¹¹.

Ф.М. Попову довелось попасть на военную службу двумя годами позже. Из набора 1851 г. 4000 рекрутов было назначено в Морское ведомство¹². В октябре Вологодским губернским присутствием сформированы две партии рекрутов для Архангельского военного порта. В составе одной из них был Феофилакт Попов. По прибытию в Архангельск списки партий подпоручиков Степанова и Дубровского и поручика Семёнова отношением Инспекторского Департамента Морского министерства № 5355 от 30 октября 1851 г. препровождены Главному командиру Архангельского порта¹³. Эту должность одновременно с должностью военного губернатора с 22 марта 1850 г. занимал потомственный морской офицер Роман Платонович Бойль, 8 апреля 1851 г. произведённый в чин вице-адмирала. Он и подписал отношение № 89 от 16 февраля 1852 г., адресованное Инспекторскому департаменту, об определении прибывших рекрутов: 200 человек в 1-й флотский экипаж, в команду фрегата «Диана», и 100 человек в 10-й флотский экипаж, в команду пароходофрегата «Палкань»¹⁴. 49-м во втором списке значился Феофилакт Попов.

Рекрутов разместили в казармах флотских и портовых команд, построенных в 1825 г. Начались суровые будни непривычной флотской жизни. Прежде чем попасть на корабль, каждый новобранец проходил четырёхмесячный курс строевой подготовки. Особое место занимала так называемая «словесность». Она заключалась в изучении уставов, прививании основ чинопочитания, включая зубрёжку имён августейших особ, а также фамилий флотского, экипажного и корабельного начальства. Матросы делились на несколько категорий. Сразу после призыва новобранец именовался «молодым матросом». В матросы второй статьи производили после первоначального строевого обучения в береговом флотском экипаже. Матросом первой статьи мог стать человек, прослуживший матросом второй статьи не менее восьми месяцев¹⁵.

Упомянутый фрегат «Диана» был спущен на воду 19 мая 1852 г. Этим кораблём на Соломбальской верфи завершалось строительство парусников, ибо во второй трети XIX в. начиналась эпоха парового морского флота. В 1832 г. в Великобритании появился первый военный пароходофрегат «Медея». Пароходофрегатами называли фрегаты, имевшие, кроме полного парусного вооружения, поршневого паровой двигатель (паровую машину) и гребные колёса либо гребной винт в качестве движителя. Первым построенным в России колёсным пароходофрегатом стал «Богатырь», сошедший со стапеля Санкт-Петербургского Адмиралтейства в 1836 г. На Охтинской верфи в Санкт-Петербурге 20 июля 1848 г. спущен на воду первый отечественный винтовой фрегат «Архимед», разбившийся в 1850 г. у датского острова Борнгольм¹⁶. А первенцем нового поколения кораблей на Соломбальской верфи стал винтовой пароходофрегат «Палкан» (в орфографии того времени – «Палкань») мощностью 360 лошадиных сил, вооружением 44 пушки, водоизмещением 2316 т, длиной 60,8 м и шириной 13,6 м¹⁷.

«Палкан» был заложен 9 сентября 1851 г. строителем Карповым, спущен на воду 21 мая 1853 г. При строительстве фрегата использовался проект «Архиме-

да», с увеличением длины корпуса на шесть метров и обшивкой подводной части медными листами. Первоначально планировалось установить на него и паровую машину с разбившегося «Архимеда», а для проводки фрегата через двинской бар построить в Архангельске пароход и плоскодонные боты¹⁸. В дальнейшем от этой затеи отказались, и 3 марта 1852 г. в Англии были заказаны механизмы для установки их в Кронштадте. При строительстве парохода приобретался необходимый опыт. Так, 5 января 1856 г. на верфи заложили шесть винтовых клиперов («Разбойник», «Стрелок», «Джигит», «Опричник», «Пластун» и «Наездник»), спустив их на воду с мая по июль того же года, а 13 июля 1859 г. спустили пароходофрегат «Соломбала»¹⁹.

Необычное название фрегата «Палкан» напоминает весьма распространённую в наши дни собачью кличку. Однако образ Палкана (Полкан, Полкановиц) – персонажа русской «Повести о Бове Королевиче», кентавра, обладающего огромной силой и быстротой, был широко известен в России XVII – начала XX вв. Побеждённый Бовой, он становится его верным другом. Зная о своей гибели от львиных когтей, тем не менее, защищает жену и детей Бовы от этих хищников. Одной из главных традиций флота, заложенных Петром I, являлась преемственность названий кораблей. Недолгим был век деревянных судов, в результате образовывались целые династии «одноимёнен». Чаше других повторялись: «Надежда» – 22 раза, «Москва» – 18, «Нарва» – 14, «Меркурий» – 11... А «Палкан» не повторился ни разу.

Летом 1853 г. «Палкан» вышел из Архангельска и благополучно прибыл в Кронштадт, где началась установка механизмов, полученных из Англии. Работы продвигались успешно, хотя в феврале 1854 г. английские механики покинули Кронштадт. Летом 1854 г. «Палкан» вступил в строй, оставаясь единственным винтовым фрегатом Российского Императорского флота в течение всей Крымской войны 1853-1856 гг.

Весной 1854 г., в разгар Крымской войны на Чёрном море, начались боевые действия на Балтике. Основной задачей англо-французской эскадры являлось уничтожение Балтийского флота и морской базы в Кронштадте, далее прорыв к Петербургу. Русское командование, учитывая явное превосходство флота противника в паровых винтовых кораблях, применило оборонительный план боевых действий. В районе Кронштадта, впервые в истории вооружённой борьбы на море, была создана минно-артиллерийская позиция – основа обороны морских подступов к Санкт-Петербургу. «Палкан» входил в отряд паровых судов, развёрнутых на подступах к Кронштадту, находясь под защитой его батарей. Не решив поставленные задачи, англо-французский флот в конце ноября 1855 г. покинул Балтийское море.

Потерпев поражение в Крымской войне, Россия, тем не менее, незамедлительно возобновила своё постоянное военное присутствие в Средиземноморье. 8 октября 1856 г. из Кронштадта в Средиземное море вышла эскадра контр-адмирала А.Е. Беренса в составе паровых судов «Выборг» и «Палкан», а также парусников «Кастор» и «Филоктет»²⁰. Инспекторский департамент подготовил для судов экспедиции подробную инструкцию, учтены были и все надобности

дальнего похода. Эскадру на Кронштадском рейде осматривал сам император Александр II²¹.

В декабре 1856 г. эскадра пришла в Средиземное море, при этом часть пути парусные суда шли на буксире у паровых. Фрегат «Палкан» отправился в Грецию в распоряжение русского посланника, а бриг «Филоктет» для аналогичной функции – в Константинополь. В Кронштадт «Палкан» возвратился в июле 1859 г. Опыт его трёхгодичного плавания, выявленные недостатки и достоинства конструкции корпуса и вооружения стали основой для строительства последующих винтовых фрегатов. В 1860 г. после детального осмотра фрегата комиссия предложила «по совершенной ветхости» корпус разобрать, а паровую машину, отремонтировав на Кронштадтском паровом заводе, установить на строящийся винтовой корвет «Варяг». С 1860 г. «Палкан» в море не выходил, машины и котлы демонтировали, корпус подготовили к продаже с торгов. В 1863 г. корабль был передан Инженерному департаменту Военного ведомства и затоплен для заграждения фарватера у Кронштадта²².

Предположительно в 1860 г. матрос 1-й статьи Феофилакт Попов в связи с выводом винтового фрегата «Палкан» из боевого состава Балтийского флота продолжил службу в 11-м флотском экипаже. В формулярных списках рядовых этого экипажа за 1856 г. значатся его земляк «Иван Осипович Борисов из Вологодской губернии Сольвычегодского уезда Великосельской волости Алексеевского общества деревни Заболотье» и уроженец Устюжского уезда «Степан Васильевич Кузнецов... Шипицинской волости Забелинского общества дер. Ивановской»²³. Тогда 1-я бригада 2-й дивизии Балтфлота с входящими в неё 10-м, 11-м и 12-м флотскими экипажами базировалась в Санкт-Петербурге²⁴. К 11-му экипажу были приписаны линейный корабль «Полтава», корабли «Выборг», «Императрица Александра», «Прохорь», «Константин», фрегат «Амфитрида» и паруснофрегат «Олаф»²⁵.

Точной даты увольнения Феофилакты Попова в положенный бессрочный отпуск установить не удалось. Возможно лишь предположить, что состоялось оно в 1861 г. Начиная с 1851 г., рядовые и унтер-офицеры увольнялись в бессрочный отпуск 1 сентября каждого года²⁶ в соответствии с «Положением об увольнении нижних чинов Морского ведомства в отставку и бессрочный отпуск» от 14 августа 1856 г.²⁷ Заслуживающим доверия начальства дозволялось следовать на родину или в выбранные места самим по себе. При этом уроженцы некоторых губерний, включая Вологодскую, не имели права выбирать место жительства и возвращались только на родину. Учёт отпускников возлагался на городскую и земскую полицию по специальным тетрадам. Отпускники Архангельской и Вологодской губерний, в случае призыва на службу, приписывались к сборному пункту в Архангельске. Являясь людьми свободными, в церковных книгах они упоминались в соответствии с их воинским званием. Из метрических книг Лябельской Спасо-Преображенской церкви узнаём о бессрочно отпущенных матросах 1-й статьи Балтийского флота: 2-го флотского экипажа Фёдоре Зиновьевиче Бекряшеве, 41 год, д. Калинка Гридинская (1864), и 1-го флотского экипажа Стефане Егоровиче Щипакове, 41 год, д. Ляпуновская (1872)²⁸.

Феофилакт, возвратившемуся с многолетней флотской службы на родину к жене Татьяне Фёдоровне, безжалостная судьба уготовила череду смертей родных. В 1862 г. появляется первенец Максим, но он утонет в 17 лет, 9 августа 1879 г.²⁹ В три месяца не стало сына Семёна, родившегося 28 марта 1866 г.³⁰ В 1867 г. рождается сын Матфей, но 16 октября 1868 г. умирает от кашля³¹. 5 мая 1871 г. не стало и жены, в 40 лет³². Оставшись вдовцом с малолетним сыном Максимом, Феофилакт Матфеевич 11 июля 1871 г. в 43 года сочетается вторым браком с дочерью казённого крестьянина Якова Николаевича Шестакова из д. Кондратовской этого же прихода, девицей Марфой 23-х лет.³³ Были ли дети от этого брака и какова судьба Марфы Яковлевны – неизвестно. От третьего брака Феофилакта с Ульянией Семёновной рождаются два сына: Михаил (16.10.1876 – 20.12.1876) и Василий (1874 – 05.11.1939), позднее дочери: Александра (14.06.1878) и Афанасия (01.10.1880)³⁴. Известно, что Феофилакт портняжил: видимо, пригодились флотские навыки обращения с парусами. В возрасте 59 лет, 7 апреля 1889 г., его не стало: умер «от головной боли»³⁵. Сын Василий по его ветви стал единственным продолжателем рода Поповых.

¹ Все даты в тексте указаны по Юлианскому календарю (старому стилю).

² Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). Ф. 29. Оп. 28. Д. 593. Л. 327об. - 328.

³ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 15047. Л. 276 об.

⁴ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ч. 2. Д. 3744. Л. 409.

⁵ ГААО. Ф. 29. Оп. 23. Д. 112. Л. 21.

⁶ Справка ГААО, 6 марта 2012 г. № 06/21/693. С. 5. // Личный архив автора.

⁷ ГААО. Ф. 29. Оп. 23. Д. 112. Л. 89.

⁸ ГААО. Ф. 29. Оп. 28. Д. 591. Л. 44 об. - 45.

⁹ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собрание 2-е. Т. VI. Отд. 1. СПб., 1832. С. 501.

¹⁰ ГААО. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 1, 2.

¹¹ ГААО. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

¹² Российский государственный архив военно-морского флота (далее – РГАВМФ). Ф. 283. Оп. 3. Т. 1. Д. 3163.

¹³ РГАВМФ. Ф. 283. Оп. 3. Т. 1. Д. 3171. Л. 39 об.

¹⁴ Там же. Л. 35 - 40 об.

¹⁵ Манвелов Н.В. На вахте и на гауптвахте. Русский матрос от Петра Великого до Николая Второго. М.: Вече, 2014. С.35-39.

¹⁶ Веселаго Ф.Ф. Список русских военных судов с 1668 по 1860 год. СПб, 1872. С. 110-111.

¹⁷ Там же. С. 112.

¹⁸ РГАВМФ. Ф. 158. Оп. 2. Д. 1242.

¹⁹ Веселаго Ф.Ф. Указ. соч. С. 114, 182.

²⁰ РГАВМФ. Ф. 283. Оп. 3. Т. 1. Д. 69.

²¹ Там же. Д. 117.

²² Веселаго Ф.Ф. Указ. соч. С. 113.

²³ РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 5. Т. 2. Д. 406. Л. 66, 187.

²⁴ РГАВМФ. Ф. 283. Оп. 2. Т. 2. Д. 5494.

²⁵ РГАВМФ. Ф. 983. Оп. 1. Д. 4, 5, 6, 7.

²⁶ РГАВМФ. Ф. 283. Оп. 3. Т. 1. Д. 3157.

²⁷ ПСЗРИ. Собрание 2-е. Т. 31. Отд. 1. СПб., 1857. С. 688-716.

²⁸ Великоустюгский центральный архив (ВУЦА). Ф. 364. Оп. 3. Д. 1. Л. 177 об. - 178; Д. 7. Л. 1068 об.

²⁹ ГААО. Ф. 29. Оп. 28. Д. 593. Л. 95 об. - 96.

³⁰ ГААО. Ф. 29. Оп. 28. Д. 592. Л. 226 об. - 227, 247 об. - 248.

³¹ Там же. Л. 318об. - 319.

³² ГААО. Ф. 29. Оп. 28. Д. 593. Л. 333об. - 334.

³³ Там же. Л. 327об. - 328.

³⁴ Там же. Л. 49 об. - 50, 105 об. - 106, 169 об. - 170, 185 об. - 186; Справка Красноборского территориального отдела Агентства ЗАГС Архангельской области, 3 сентября 2017 г. № 12-78/374. С. 1. // Личный архив автора.

³⁵ ГААО. Ф. 29. Оп. 28. Д. 594. Л. 188 об. - 189.

В.И. Плотников

ГЕНЕРАЛ-ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИК ГРИГОРИЙ СТЕПАНОВИЧ ДУДНИКОВ

Среди северян – героических участников Гражданской и Великой Отечественной войн, не в последнем ряду стоит имя генерала-железнодорожника Григория Степановича Дудникова. Родился он 15 июня 1893 г. в крестьянской семье, в деревне Наледино Приводинской волости Велико-Устюгского уезда Вологодской губернии (ныне – муниципальное образование «Приводинское» Котласского района Архангельской области).

Окончил двухклассное училище в с. Забелино Забелинской волости Великоустюгского уезда (5 классов). В 1906 г. начал трудиться на лесопильном заводе Абрагамсона в с. Приводино. А с ноября этого же года почти два года служил мальчиком магазина головных уборов и готового платья у купца Н.А. Хохлова в Великом Устюге. Головные уборы этого предприимчивого устюжанина продавались и на ярмарках в Сольвычегодске, Лальске, Красноборске, Важгорте и других местах. Мальчик-подсобник-ученик продавца Григорий Дудников принимал в торговых делах самое непосредственное участие. Затем он, вплоть до призыва в царскую армию в сентябре 1915 г., работал продавцом в магазинах купца Н.С. Большакова в с. Котлас Велико-Устюгского уезда, торгового дома «Макеев И.В. и К^о» в с. Верхняя Тойма Сольвычегодского уезда, а также в Мануфактурном Товариществе г. Архангельска¹.

В армии Г.С.Дудников служил в 171-м пехотном запасном батальоне Петроградского военного округа и в 181-м запасном полку в Петрограде курсантом учебной команды и отделенным командиром. С июня 1916 г. по апрель 1917 г. он находится на Юго-Западном фронте «империалистической войны» в составе 80-го Кабардинского пехотного полка 20-й Кавказской пехотной дивизии в должностях командира отделения и взвода. В апреле 1917 г. заболел и оказался в военном госпитале. Некоторое время, до июня 1917 г., был дома «на излечении», как пишет в автобиографии.

С июня 1917 по апрель 1918 г. Григорий Дудников служит в 209-м пехотном запасном полку в г. Ярославле командиром взвода в звании младшего унтер-офицера, активно участвует в демократических преобразованиях армейской службы. Его избирают председателем ротного комитета солдатских депутатов и одновременно членом революционного комитета полка и Ярославского городского совета рабочих и солдатских депутатов².

В апреле 1918 г. он возвратился в Приводино, где активно участвовал в создании ячейки партии большевиков и комитета деревенской бедноты для борьбы с кулачеством. Его избирают председателем волостного исполнительного комитета первого состава, а вскоре по совместительству поручают выполнение обязанностей председателя волостного совета по народному образованию. 1 июня этого же года Григорий Степанович вступает в ряды Российской коммунистической партии (большевиков)³.

В октябре 1918 г. Григорий Степанович уже занимает должность товарища (заместителя) председателя Великоустюгского уездного исполнительного комитета недавно образованной Северо-Двинской губернии. С ноября он назначается членом Чрезвычайной Тройки при губернской Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, где работает по февраль 1919 г. Одновременно, до апреля 1919 г., он остается по совместительству товарищем председателя уездного исполкома, и в это же время командует коммунистическим вооруженным отрядом при Северо-Двинском губернском комитете РКП(б). Выполняет общественную работу как член губернского комитета партии, а с апреля 1919 г. по апрель 1920 г. избирается членом партийной комиссии Северо-Двинского губкома РКП(б). В те суровые годы назначать работника на несколько руководящих должностей и нагружать партийно-общественными поручениями было обычной практикой, продиктованной неотложностью дел и нехваткой преданных идеям Октября кадров.

В апреле 1919 г., в 25-летнем возрасте, постановлением Северо-Двинского губкома РКП(б) и губисполкома Г.С. Дудников направлен на службу в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию (РККА) и назначен военным комиссаром Северо-Двинской губернии. В подчинении губернского военкома Г.С. Дудникова находились уездные комиссары всех пяти уездов губернии: Велико-Устюгского, Никольского, Сольвычегодского, Усть-Сысольского, Яренского⁴.

Г.С. Дудников стал уже четвертым военным комиссаром Северо-Двинской губернии. Первый, Е.В. Михин, прослужил 1,5 месяца. Вторым губвоенкомом, двадцатилетний И.Д. Соболев, в октябре 1918 г. покончил жизнь самоубийством, пробыв на должности всего месяц. После него губернский военкомат возглавил И.С. Вяткин, ранее бывший уездным военкомом в Сольвычегодске⁵.

Круг деятельности Губернского комиссариата по военным делам включал в себя не только учет годного к военной службе населения и его призыв в армию, но также формирование и вооружение воинских подразделений, обучение их военному делу, материальное обеспечение – каждого надо было одеть, обути, накормить. Губвоенкоматы в те годы состояли из отделов по направлениям работы: общего, санитарного, обучения, формирования, инструкторского, агитационного, транспортного, вербовочного, снабжения и учета⁶.

Основное внимание губвоенкому пришлось сосредоточить на решении основных задач: военной и продовольственной. Он ежедневно докладывал о политическом положении в губернии, о настроении населения, о моральном состоянии войск в осведомительный отдел Ярославского окружного военного комиссариата, которому подчинялся, а также в Реввоенсовет 6-й армии Северного фронта, который находился в Вологде. Он отчитывался о своих действиях перед Народным военным комиссаром и начальником мобилизационного отдела в Москве, а также перед командующим Котласским укрепрайоном.

О положении в губернии хорошо видно из информационных сводок секретного отдела ВЧК. Из сводки за 1-8 августа 1919 г.: «Совершенно секретно... Северодвинская губ[ерния]. Устюжский у[езд] 30 июля. В Усть-Алексеевской вол[ости] произошло контрреволюционно-восстание населения и красноармейцев. Есть раненые и убитые. Усть-Сысольский и Яренский у[езды]. Продовольственное положение критическое. Сольвычегодский у[езд]. 6 августа. Настроение населения во всех волостях тревожное на почве сильного голода. Черевковская вол[ость]. 4 августа. Было контрреволюционное выступление крестьян против Советской власти. Афанасьевская вол[ость]. 6 августа. Настроение населения безразличное. Агитаторов не слушают, требуют хлеба. Выйско-Ильинская вол[ость]. Население питается суррогатами. Новиковская вол[ость]. Голод принял угрожающие размеры. Можно ожидать восстания...». Из сводки за 8-15 декабря 1919 г.: «Совершенно секретно. Настроение на местах ...Северо-Двинская губ. По случаю реализации урожая в В.Устюге под ружье поставлены все рабочие и партийные организации. Настроение населения к Советской власти враждебное, местами контрреволюционное»⁷.

В Северо-Двинской губернии в связи с гражданской войной и иностранной военной интервенцией еще в июле 1918 г. было объявлено осадное положение, усилилась роль губернского военного комиссара и военных комиссаров в уездах губернии, ставшей прифронтовой. В конце июля – начале августа проведены чрезвычайные заседания уездных исполкомов, на которых определялся круг экстренных мер в связи с высадкой англо-французских войск на Беломорское побережье и занятием Архангельска. Например, 5 августа 1918 г. такое заседание состоялось в Сольвычегодске. Решением Сольвычегодского уездного исполкома «все военные силы – красноармейцы и милиция поступают в распоряжение военного комиссара Вяткина», который был наделен «самыми широкими полномочиями»⁸.

Войска белых и интервентов продвигались вдоль Северной Двины, создавая угрозу захвата стратегически важной железной дороги Котлас – Вятка, и в дальнейшем – соединения с белочехами. Непокойно было и в уездах губернии – крестьяне были недовольны продрозверсткой и действиями продотрядов.

В каждом уезде формировались отряды для защиты своих территорий от 50 до 500 штыков. Военные комиссариаты проводили активную работу по мобилизации в Красную Армию не только рядовых, но и унтер-офицеров, и офицеров царской армии, которые приняли Советскую власть. Мобилизационная работа проходила трудно. Народ устал от «империалистической», крестьяне – ветераны войны – истосковались по земледельческому труду, по семье. Сочувст-

вужа им, активизировали пропагандистскую работу левые эсеры и анархисты, которые выдвигали лозунги: «Хватит, повоевали! Пора передохнуть!», и другие призывы подобного содержания.

В этот непростой период военкому Дудникову довелось пересечься по службе с военным комиссаром Никольского уезда, будущим Маршалом Советского Союза Иваном Степановичем Коневым. Иван Степанович, тогда двадцатилетний молодой человек, полный энергии и бурлящих сил, рвался на фронт, но не мог уйти даже добровольцем без разрешения губернского военкома. Вот как об этом рассказывает сам И.С. Конев в воспоминаниях «Записки командующего фронтом»: «...я должен был просить разрешения у Северо-Двинского губернского военного комиссара товарища Рябкина (видимо, И.С. Вяткина – В.П.) – очень хорошего человека, настоящего большевика. Но он мне решительно отказал на том основании, что я и так выполняю ответственное поручение партии в уезде, обеспечиваю набор в Шестую армию... Я не согласился с отказом и обратился с ходатайством непосредственно к окружному военному комиссару в городе Ярославле (Северо-Двинская губерния входила в Ярославский военный округ – В.П.), к Михаилу Васильевичу Фрунзе. Михаил Васильевич удовлетворил мою просьбу и разрешил отправиться на фронт»⁹.

В июне 1919 г. И.С. Конев получает разрешение отбыть на фронт и от губвоенкома Г.С. Дудникова, который предписывает ему мобилизовать из населения Северо-Двинской губернии маршевую роту. 13 июня 1919 г. И.С. Конев издает приказ о сдаче дел уездного военкома и своём отъезде на фронт. Путь И.С. Конева проходил из Никольска на Великий Устюг, далее Красавино, Приводино, Шипицыно, Усть-Курью и Сольвычегодск. Наконец, маршевая рота (в те годы они обычно составляли 200-250 красноармейцев) была сформирована. Вместе с ней он отправляется в Котлас, откуда поездом на Вятку¹⁰.

Тем временем Г.С. Дудникову довелось еще и командовать войсками Вычегодского боевого района. Весной и летом 1919 г. он проводит массовые партийные и комсомольские мобилизации на фронты Гражданской войны. Это были крайне срочные и необходимые меры, так как белая армия в январе 1919 г. захватила город Чердынь и вышла на верхнюю Печору. Для борьбы с наступлением белых создаётся Кай-Чердынский боевой район.

Затем военные события развивались следующим образом. В феврале колчаковцы вышли в верховья Сысолы, 21 марта соединились с белогвардейскими отрядами Северного фронта. Белые занимают Ижму, вытесняют красных на Вымь и Вычегду. К сентябрю белые формируют в Архангельске «особый вычегодский добровольческий отряд», который возглавляет капитан Н.П. Орлов. 29 октября отряд захватил село Айкино, а 6 ноября – город Яренск. На Вычегде ему противостояло около 1000 красноармейцев (войска Вычегодского района, подчинённые Северо-Двинскому губернскому военкому). Они двумя отрядами пытались охватить белых с двух сторон, но операция была провалена. Сложилась непосредственная угроза Котласу и тылам Красной Армии.

Военным комиссаром Дудниковым и уездными военкомами срочно формировались дополнительные подразделения из добровольцев и мобилизованных жителей Сольвычегодска, Красноборска, Котласа, Великого Устюга, Лальска,

других сел и деревень Северо-Двинской губернии, которые перебрасывались на Вычегодское направление. В ноябре белые взяли село Усть-Вымь и город Усть-Сысольск, продолжались бои под селами Чукаиб, Межадор и Лена. В одном из боев погиб произведенный в подполковники Н.П. Орлов¹¹.

Приказом начальника войск ВОХР Республики (войска внутренней охраны, подчиненные Наркомату внутренних дел) №1\оп К. Валуева начальнику Ярославского сектора «О задачах по обороне Вычегодского и Кай-Чердынского районов» от 27 декабря 1919 г. командование войсками на Яренском, Усть-Сысольском и Чердынском направлениях было передано начальнику Ярославского сектора М. Барандохину¹².

В этот же день М. Барандохин, находясь в Великом Устюге, своим приказом № 1 «О задачах по организации обороны Вычегодского – Кай-Чердынского края» передает оборону Вычегодского района от Г.С. Дудникова комбригу Парамонову: «...Северо-Двинскому губвоенкому т. Дудникову. Приказываю передать оборону Вычегодского района в означенное число комбригу 45 войск ВОХР т. Парамонову с указанием подробности и важных стратегических пунктов. Об исполнении сего мне немедленно донести по передаче района»¹³.

К этому времени красными уже был отбит Усть-Сысольск (2 декабря 1919 г.). В результате ноябрьских и декабрьских боев угроза тылу 6-й армии и железной дороге Котлас – Вятка миновала. В феврале – марте 1920 г. войска ВОХР завершили окончательный разгром белых в регионе. По окончании боевых действий оборона территорий Вычегодского края вновь была передана Северо-Двинскому губвоенкому Г.С. Дудникову.

В мае – октябре 1920 г. Григорий Степанович выполняет обязанности сначала помощника, а затем военного комиссара Беломорского военного округа, коменданта укрепрайона и начальника гарнизона г. Архангельска. С 28 августа по 18 сентября он даже временно назначается Командующим войсками Беломорского округ, который был восстановлен после освобождения Севера от интервентов и белогвардейцев Революционным Военным Советом Республики 24 марта 1920 г. Он включал территорию Архангельской, Вологодской, Северо-Двинской губерний и Мурманского края¹⁴.

Коротко о дальнейших перемещениях по службе, партийной и общественной работе Г.С. Дудникова:

Октябрь – декабрь 1920 г.: Южный фронт, военный комиссар оперативного управления штаба 2-й Конной армии, член армейской партийной комиссии.

Декабрь 1920 г – апрель 1921 г.: Кавказский фронт, военный комиссар инспекции кавалерии и по совместительству инспекции артиллерии штаба 2-го конного корпуса, член корпусной партийной комиссии.

Май – июнь 1921 г.: член партийного бюро штаба 10-й армии.

Июнь – сентябрь 1921 г.: Северо-Кавказский военный округ, с прикомандированием к Терскому губвоенкомату, в распоряжении Революционного Военного Совета.

Октябрь 1921 – август 1922 г.: Северо-Кавказский военный округ, 1-я Конная армия, 14-я Майкопская кавалерийская дивизия – военный комиссар штаба, председатель дивизионной партийной комиссии.

В августе 1922 г. Григорий Степанович поступает на учебу в военную академию Генерального штаба РККА имени Фрунзе. За время учебы выполняет общественное поручение председателя хозяйственно-кооперативной комиссии, члена курсового партийного бюро, агитатора Хамовнического райкома ВКП(б). В 1926 г. заканчивает Академию, и его направляют на службу в Северо-Кавказский военный округ.

Сентябрь 1926 – ноябрь 1927 г.: командир и политрук роты (стажер) 38-го стрелкового полка 13-й Дагестанской стрелковой дивизии Северо-Кавказского военного округа, председатель Осоавиахима полка, руководитель школы партийного просвещения 2-й ступени.

Ноябрь 1927 – сентябрь 1928 г.: помощник начальника 1-го отдела штаба Северо-Кавказского военного округа.

Январь 1928 – январь 1930 г.: выполняет партийное поручение агитатора горкома ВКП(б) в г. Ростов-на-Дону.

Сентябрь 1928 – декабрь 1929 г.: помощник начальника 2-го отдела штаба Северо-Кавказского военного округа. Избирается парторгом общежития командсостава Штаба округа, членом комиссии по чистке рядов ВКП(б).

Январь 1930 – март 1931 г.: начальник 1-й части штаба 22-й Краснодарской стрелковой дивизии Северо-Кавказского военного округа. Около 8 месяцев временно исполнял должность начальника штаба дивизии. В 1930 г. избирался членом партийного бюро штаба.

Март 1931 – ноябрь 1932 г.: помощник начальника Управления военно-транспортной службы в г. Киеве. С ноября 1931 г. по июль 1932 г., проходит обучение на курсах усовершенствования высшего командного состава при военно-транспортном факультете Ленинградского института инженеров путей сообщения. На военных курсах избирается парторгом факультета (январь – июль 1932 г.).

Ноябрь 1932 г. – июнь 1933 г.: адъютант кафедры тактики и тыла Транспортной Академии РККА. Избирается парторгом оперативно-тактического цикла кафедры.

Июнь 1933 – ноябрь 1934 г.: начальник 3-го сектора (боевой подготовки) учебного отдела штаба Военно-Транспортной Академии РККА. Избирается членом партийного бюро штаба академии, является агитатором Краснопресненского райкома ВКП(б) г. Москвы.

Ноябрь 1934 – октябрь 1938 г.: начальник штаба 2-й эксплуатационной железнодорожной бригады, с октября по декабрь 1938 г. временно исполняющий должность командира бригады, с 1939 г. – командир 2-й эксплуатационной железнодорожной бригады¹⁵.

В 1942 г. Григорий Степанович был назначен начальником железнодорожных войск Забайкальского фронта. 16 октября 1943 г. ему присвоено звание генерал-майора технических войск. В должности командующего железнодорожными войсками Забайкальского фронта он участвовал в разгроме милитаристской Японии в 1945 г.

Основной коммуникацией в Забайкалье была однопутная линия Карымское – Борзя – Баян – Тумен, пропускная способность которой составляла всего семь

пар поездов в сутки. Железнодорожные войска развернули в Забайкалье необходимые работы по увеличению пропускной способности дороги, развитию станций, усилению верхнего строения пути и водоснабжения, строительству паромных переправ, дублирующих мостовые переходы через реки, обходов железнодорожных мостов. Они построили в июне 1945 г. на этом участке 13 разъездов, что позволило увеличить пропускную способность линии до 18 пар поездов в сутки. В наиболее уязвимом месте, южнее озера Байкал, была построена обходная линия Иркутск – Слюдянка. Коллективы дорог доукомплектовывались людьми, имевшими большой опыт работы на фронтовых железных дорогах. В Забайкалье и на Дальний Восток возвращались все спецформирования, ранее отправленные на юго-западные дороги. Пополнялся паровозный парк, поступало новое оборудование¹⁶.

Г.С. Дудников принимал непосредственное участие в проведении уникальной операции по перегруппировке советских войск в малые сроки на расстояние от 9 до 12 тысяч километров. Только с мая по июль на Дальний Восток и Забайкальский фронт прибыло 136 тыс. вагонов с войсками и грузами. Все они прошли по Забайкальской магистрали. Особенно напряженными были июнь и июль, в течение которых на дорогу поступало с запада ежедневно от 22 до 30 поездов. Нередко эшелоны шли на расстоянии зрительной связи¹⁷.

После войны Григорий Степанович занимал воинские посты в Киеве и Москве. С апреля 1946 г. он – заместитель командира 2-го железнодорожного корпуса по тылу в Киеве. С октября 1950 г. по май 1955 г. – заместитель начальника Главного Управления железнодорожными войсками и начальник Управления материально-технического снабжения железнодорожных войск в г. Москве. С мая 1955 г. находился в запасе.

Г.С. Дудников награжден орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны I степени, медалями «За победу над Германией», «За победу над Японией», многими юбилейными медалями и знаком «Почетный железнодорожник». Скончался он 28 ноября 1958 г. в Москве, от инфаркта миокарда. Похоронен на Ваганьковском кладбище (участок № 57)¹⁸.

Заслуженный генерал не забыт на малой родине. Его имя присвоено одной из улиц поселка Приводино. 30 апреля 2014 г. на фасаде Приводинской детской школы искусств установлена памятная доска с текстом: «В 1972 году улице присвоено имя Дудникова Григория Степановича (1893-1958) в память генерал-майора железнодорожных войск, уроженца деревни Наледино Приводинского поссовета»¹⁹. В фондах Котласского краеведческого музея сохранились биография и фотография Г.С. Дудникова²⁰. Этот незаурядный человек достоин памяти земляков.

¹ Автобиография Дудникова Григория Степановича от 29 марта 1939 г. Машинопись на 3 л. (копия) // Архив МУК «Приводинская библиотека»; Дополнение к автобиографии Дудникова Г.С., составленное дочерью Дудниковой Н.Г. 14 апреля 1966 г., машинопись на 1 л. // Архив МУК «Приводинская библиотека»; Чебыкина Г.Н. Великий Устюг во второй половине XIX – начале XX века // Великий Устюг: Краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1995.

² Автобиография...; Дополнение к автобиографии...

³ Ракитин В.Ф. От солдата до генерала // Двинская правда. 1973. 6 ноября. С. 3.

⁴ Волков Д.А. Деятельность военных комиссариатов в первые месяцы Гражданской войны // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2014. № 2. С. 45-47.

⁵ Чебыкина Г.Н. Трагическая гибель северодвинского губвоенкома И.Д. Соболева // Двинская земля. Вып. 7. Котлас, 2013. С. 76-83.

⁶ Стрельцов Р.В., Бураков А.Ю., Синагатов Р.С. Становление войск внутренней охраны Республики РСФСР // Исторические исследования: Материалы IV Международной научной конференции (г. Казань, май 2016 г.). Казань, 2016. С. 40-43.

⁷ Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918-1939. Документы и материалы. В 4-х т. Т. 1. 1918-1922 гг. М., 2000. С. 165, 221.

⁸ Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 1084. Оп. 1. Д. 19. Л. 227 об. - 229.

⁹ Конев И.С. Записки командующего фронтом. М., 1991. С. 522-526.

¹⁰ Щепелин В.Н. И.С. Конев – первый Никольский военный комиссар // Авангард (газета, г. Никольск). 2003. 8 апреля. С. 2.

¹¹ Подробно см.: Жеребцов И.Л., Савельева Э.А., Сметанин А.Ф. История Республики Коми: научно-популярные очерки. Сыктывкар, 1996. Очерк «Коми край в годы Гражданской войны».

¹² Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 42. Оп. 1. Д. 885. Л. 1.

¹³ РГВА. Ф. 17545. Оп. 1. Д. 21. Л. 11-12.

¹⁴ Автобиография... ; Дополнение к автобиографии...; Военная энциклопедия. Т. 1. М., 1997. С. 415-416.

¹⁵ Автобиография...; Дополнение к автобиографии...

¹⁶ Германов Г.П. Работа железнодорожного транспорта при подготовке и проведении Маньчжурской операции // Военно-исторический журнал. 1995. № 8. С. 44-45.

¹⁷ Гордеев Н.В., Жданова Н.Н., Бугреев В.И. Забайкальцы в Маньчжурской стратегической наступательной операции // Военно-исторический журнал. 2004. № 7. С. 12-14.

¹⁸ Автобиография...; Дополнение к автобиографии...

¹⁹ Посельская Е. В Приводине увековечили память земляков // Двинская правда. 2015. 17 апреля. С. 4; Улица, на которой расположена Приводинская детская школа искусств № 32, носит имя Генерала Дудникова // Котласский курьер. 2014. 12 июня.

²⁰ Дудников Г.С. // Двинская правда. 1968. 23 февраля. С. 2.

Часть III. КУЛЬТУРА СЕВЕРА

А.Г. Едовин

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ДРЕВНОСТИ ВЕРХНЕГО ПОДВИНЬЯ

Как явствует из ранних письменных источников (Уставная грамота Святослава Ольговича 1136/37 гг.), пределом владений Новгорода вверх по Северной Двине был район рек Нижняя и Верхняя Тойма. Эти границы фиксируются и более поздними источниками XIV в.¹, поэтому мы должны признать ее стабильность на протяжении всего средневековья. Кто же проживал по Северной Двине выше Тоймы?

Обратимся еще к одному памятнику древнерусской письменности: «Слову о погибели русской земли». В описании территории Руси с указанием соседних народов читаем: «от Корелы до Устьяга, где тамо бяху тоймици погании и за дышючим морем, от моря до болгар»². Здесь мы не видим традиционных перми, печеры, югры, чуди, которые описаны в Повести временных лет. За корелой сразу следуют «тоймици поганые», предположительно локализуемые на берегах Северной Двины от рек Верхняя и Нижняя Тоймы до Устьяга.

Участок верхнего течения Северной Двины от Устьяга до Нижней Тоймы занимает около 250 километров. Археологически территория изучена неравномерно – гораздо больше известно о памятниках на Малой Северной Двине, ниже течение Северной Двины исследовано слабо. Обращает на себя внимание скопление находок древнерусской гончарной керамики на селищах Малой Северной Двины, имеются там и находки типичных для славян стеклянных бус и браслетов, навесных замков, шиферных пряслиц, тогда как вещей финно-угорского облика найдено очень мало³. Эта территория рано попала в зону древнерусского влияния в связи с тем, что являлась частью Сухоно-Вычегодского торгового пути.

Вниз же по Двине, от Котласа до Нижней Тоймы, археологические памятники представлены редкими могильниками финно-угорского населения, двумя поселениями с бедным культурным слоем, а также кладом западноевропейских денариев из района Красноборска⁴. Последний факт свидетельствует об ответвлении торгового пути Сухона – Вычегда на север по Двине. Материальная культура двух найденных здесь могильников (Юмиж и Вонгода) своеобразна. Обряд погребения представлен кремацией на стороне, в инвентаре представлены бубенчики и фрагмент бронзовой цепочки поволжско-финского происхождения⁵. Наиболее ярким примером является поселение на реке Демкина⁶. Здесь найден сосуд, характерный для поздневанвиздинских поселений. Напомним, что ванвиздинская культурная общность сыграла большую роль в складывании коми-зырянского этноса⁷.

Таким образом, несмотря на скудость археологических находок, намечается территория, где могли располагаться тоймици, по крайней мере, с XI-XII вв. –

это участок Северной Двины от Вычегды до Верхней Тоймы, а также бассейн Уфтыги на правом берегу Двины. Спорным вопросом до сих пор остается этническая атрибуция тоймичей. Одни авторы считают их группой пермского населения⁸, другие признают смешанный характер их культуры⁹. По мнению Л.Н. Жеребцова, тоймичи являлись «пермской по основному компоненту группировкой, но сложившейся на местной (допермской) основе и впитавшей большую примесь прибалтийско-финского этнического элемента»¹⁰.

Н.А. Макаровым были найдены поселения ванвиздинской культуры на реках Юг и Малая Северная Двина¹¹. Распространение ванвиздинских памятников вплоть до района Емецка¹² заставляет нас думать о ванвиздинцах как об основе для этногенеза финно-угорских племен Среднего Подвинья в эпоху раннего средневековья. Известно, что при смешении ванвиздинцев и пришлых прикамских (пермских) племен сложилась коми народность¹³. Это и дало основание Л.Н. Жеребцову считать, что жители Среднего Подвинья были пермянами. Налицо очевидное несоответствие – если сами коми-зыряне являлись синтезной группой, то влияние пермян на население Среднего Подвинья тем более проблематично. Следовательно, общим у тоймичей и коми была только автохтонная основа – ванвиздинцы (сами далеко не однородные в различных локальных группах – нижневычегодская, мезенская, пинежская, вымская и т.д.). У коми пермские черты возобладали, что проявилось в языковой близости с прародиной – Прикамьем (коми-пермяки и удмурты). То же самое о тоймичах мы сказать не можем. Вероятно, здесь ванвиздинская основа получила дальнейшее развитие под влиянием других групп финно-угров поволжско-финского происхождения¹⁴. Судя по ареалу расселения славян, данным антропологии и топонимики, влияние прибалтийско-финских племен было здесь не велико, зато активное проникновение сюда поволжских групп вполне вероятно.

Ниже мы приводим описание археологических памятников и случайных находок средневековых древностей на территории Верхнетоемского, Красноборского, Котласского и Вилегодского районов в порядке их обнаружения.

Могильник Вонгода (Сухой Бор). Расположен выше устья р. Вонгода на левом берегу Северной Двины в местности Сухой Бор. Памятник открыт в 1966 г. Г.М. Бурувым и в его отчете проходит как стоянка Нечаиха¹⁵. В 1972 г. его продолжили исследовать В.И. Канивец и И.В. Верещагина, которые назвали стоянки Вонгодой I-II и разбили вторую из них на несколько пунктов¹⁶. В инвентаре стоянки были зафиксированы фрагменты керамики эпохи раннего средневековья. Позже работы здесь проводились в 1977 и 1990 гг. И.В. Верещагиной¹⁷, однако средневековых материалов зафиксировано не было. В 1979 г. О.В. Овсянниковым были зафиксированы около десяти курганов, диаметром 4-6 м, и столько же западин, похожих на могильные. В отчете они проходят как курганы у д. Кузнецово (одна из деревень Вонгодского куста)¹⁸.

Дополнительно могильник исследован в 1985 г. О.В. Овсянниковым¹⁹. Были сделаны береговая зачистка и заложен шурф площадью 4 кв. м. Стратиграфия: дерн (до 10 см), белесый подзол (10-15 см), засыпка могильной ямы размерами 1,7 x 0,8 м и глубиной до 1 м от дневной поверхности. В яме на дне найдены кости человека и челюсти лошади. В нижней части ямы обнаружено бронзовое

литое звено, орнаментированное так называемой «косоцветкой»²⁰. Это типичное украшение финно-угорского круга древностей, его аналоги мы находим в Матигорах и Быстрокурье в нижнем Подвинье²¹, два экземпляра из могильника Кузомень I²². Из косоцветных звеньев составлена цепочка трубчатого игольника из находок на реке Печора в местности Поганский нос²³. Отдельные находки имеются и на других памятниках Заволочья, например, в могильнике Нефедьево²⁴ и в могильнике Минино I²⁵ на Кубенском озере. Изредка подобные украшения встречаются в Вымских могильниках и на Белом озере.

Красноборский клад. Найден в мае-июне 1969 г. в Красноборском районе на берегу Северной Двины при карьерных работах в деревянном ящичке. Помимо монет содержал крест. Определено 43 монеты, остальные разошлись по рукам. Хронологический диапазон монет – 1016-1090 гг. Клад зарыт в 1080-90-х гг.²⁶

№	Место происхождения	Суверен	Годы
1	Англия	Канут	1016-1035
2	Нижняя Лотарингия. Кельн	Архиепископ Герман II	1036-1056
3	Нижняя Лотарингия. Дуйсбург	Король Генрих IV	1056-1084
4	Фризия. Утрехт	Генрих III	1024-1039
5-7	Фризия. Утрехт	Епископ Вильгельм де Понте	1054-1076
8	Фризия. Утрехт. Подражание	Епископ Вильгельм де Понте	1054-1076
9-10	Фризия. Гронинген	Епископ Бернольд	1027-1054
11-14	Фризия. Гронинген	Епископ Вильгельм де Понте	1054-1076
15	Фризия. Ставорен	Граф Экберт II	1068-1090
16	Фризия. Доккюм	Граф Экберт II	1068-1090
17	Фризия. Ольдеборн	Граф Экберт I	1057-1068
18	Фризия. Эмниггейм	Граф Экберт II	1068-1090
19	Восточная Фризия. Эмден	Граф Герман	1-я пол. XI в.
20-29	Восточная Фризия. Евер	Герцог Ордульф	1059 – 1071
30-40	Восточная Фризия. Евер	Граф Герман	1060-1065
41	Саксония. Штаде	Граф Удо II	1057-1082
42	Саксония. Эрфурт	Архиепископ Зигфрид	1060-1084
43	Германия	?	?

Поселение Сойга I. Открыто и исследовано И.В. Верещагиной в 1973 г.²⁷ Расположено в устье р. Сойга в 5-7 метрах от края 7-метровой террасы, в 400-500 м к западу от пионерского лагеря. Заложен раскоп площадью 20 кв. м.²⁸ Стратиграфия: дерн – 3-5 см, белесый подзол, коричневатобурый песок – 8-16 см, рыжий песок (материк). Собрано 350 фрагментов керамики (от 10 сосудов) с примесью или дресвы, или органики.

В коллекции преобладают широкогорлые чашевидные плоскодонные сосуды с плавно отогнутым венчиком, орнаментированным зубчатым штампом, плоским или округлым дном. Орнамент только в верхней части – сдвоенные или строенные отпечатки шнура, вертикальные зубчатые штампы, группами по три, иногда в шахматном порядке. Примесь в тесте – дресва или органика. По мнению И.В. Верещагиной, сойгинская керамика близка посуде средневековых вымских памятников (форма венчика, орнаментация) и лепной керамике веси

(плоское дно, состав теста, орнаментация вертикальными сдвоенными или строенными отпечатками зубчатого штампа). Фрагменты плоских днищ и придонных участков стенок позволяют предполагать, что данные сосуды относятся к типу лепных плоскодонных сосудов горшковидной или баночной формы с максимальным расширением в верхней части тулова. Наиболее близкие аналогии сойгинская керамика находит на памятниках белозерской веси и Корбальского могильника на Ваге²⁹.

Кроме того, найдены 2 фрагмента витого бронзового браслета, обломок тигля, обломок плетеной бронзовой цепочки, обломок каменной литейной формы, дирхем Саманидов (Нух-ибн-Наसर) Бухара 952-53 гг. Ближайшие аналоги монете находим в могильниках перми вычегодской – Усть-Сысольском³⁰ и Кичилькосском³¹. Самые поздние находки датируются ранним средневековьем – X-XI вв.³²

Могильник Юмиж. Открыт в 1973 г. И.В. Верещагиной на левом берегу Северной Двины выше устья реки Юмиж в местности Малецкий Бор³³. Расположен в 250-300 м от западной оконечности Малецкого бора, в 20-30 м от края террасы, на высоте 15 м. Заложен шурф на вершине возвышения размерами 2 x 1,5 м. В сероватом гумуссированном песке на глубине 40-50 см собрано большое количество костей, обломки железных изделий, 3 бронзовых шаровидных бубенчика с крестовой прорезью, фрагмент челюсти человека, средневековая лепная керамика с дресвой, аналогичная Сойге I. Среди металлических изделий помимо бубенчиков определяются железный нож и пластинка из медного сплава с отверстием. Бубенчики относятся к типу грушевидных: один – грушевидный крестопорезной; два – грушевидных с Y-видной прорезью. Крестопорезные бубенчики наиболее характерны для курганов Северо-Западной Руси, по новгородской хронологической шкале бытуют до 1134 г., но встречаются и позднее – в XIII в. Бубенчики второго типа более редкие – известны в комплексах 2-й половины X – 1-й половины XI в. Вотчинского могильника на р. Сыsole и могильника Минино II на Кубенском озере³⁴.

В 1985 г. О.В. Овсянниковым был заложен раскоп на месте шурфа 1973 г. площадью 84 кв. м. Зафиксированы захоронения по обряду кремации на стороне с захоронением праха в небольших углублениях в слое песка. Между квадратами В-3 и Г-3 найдены кучка пережженных костей и обгорелые украшения: в небольшом углублении (до 50 см) – бронзовые грушевидные бубенчики крестопорезные (2), флаконовидные бусины (5), тройная лимоновидная буса синего стекла, двойная лимоновидная бусина желтого стекла, 2 одинарные бусы желтого стекла, фрагменты кальцинированных костей, фрагмент глиняного сосуда, оплавившаяся бронзовая пластинка, костяной наконечник стрелы, фрагмент розового шиферного пряслица. Датировка могильника – X-XI вв.³⁵

Поселение Демкина. Открыто И.В. Верещагиной на берегу одноименной речки в 1973 г. к западу от поселения Пермогорье, на правом берегу Северной Двины. В инвентаре имеется 7 фрагментов неорнаментированной керамики, точильный брусок и железистый шлак, собранные на обнажениях культурного слоя. Дополнительные исследования в 1985 г. произвел О.В. Овсянников³⁶ – найдены фрагменты керамики, которые реконструированы в банковидный со-

суд ванвиздинского времени³⁷. Датировка – 2-я половина I тыс. н. э. Нашей разведкой 2001 г. удалось зафиксировать в районе реки два поселения с полуземляночными жилищами, однако никаких новых средневековых находок сделать не удалось.

Могильник Марьин ручей. Открыт в 1976 г. И.В. Верещагиной³⁸. Расположен на левом берегу Уфтюги, напротив д. Иховолжа, в урочище Марьин ручей. Найдено одно захоронение с предметами древнего домашнего обихода.

Селище Сорга. Открыто в 1976 г. И.В. Верещагиной³⁹. Расположено на правобережье Уфтюги, в устье притока Енталы Сорги, на склоне боровой террасы. Здесь зафиксировано несколько длинных глубоких ям, собраны обломки лепной средневековой керамики.

Могильник (?) Косневский ручей. Зафиксирован в 1979 г. О.В. Овсянниковым⁴⁰. Расположен в Красноборском районе, на левом берегу Северной Двины, между деревнями Троицкая и Лобаново, на правом берегу Косневского ручья, справа от проселочной дороги на северо-восточной оконечности боровой террасы. Здесь отмечено от 7 до 10 могильных западин, ориентированных по оси север – юг.

Могильник (?) Пермогорье. Зафиксирован в 1979 г. О.В. Овсянниковым⁴¹. Расположен на южной окраине с. Пермогорье, справа и слева от дороги, на южном склоне речки. Здесь насчитывается несколько десятков западин, похожих на могильные.

Селище Байка. В фондах Котласского краеведческого музея содержится коллекция, относящаяся к средневековой археологии – железные предметы быта, найденные в 1980 г. на оз. Великом (левый берег Вычегды), расположенном между Котласом и Сольвычегодском. По сведениям сотрудников музея, вещи происходят из размытого культурного слоя, так как были подобраны на берегу озера на территории воинской части. В 2007 г. место находок было осмотрено археологическим отрядом Архангельского краеведческого музея. Коллекция насчитывает семь единиц. Обращает на себя внимание топор с прямым верхом и щекавицами, имеющий округлую выемку в основании. Железный наконечник стрелы имеет листовидную форму и длинный узкий черешок. Кроме того, в коллекции имеются рогатина, массивная стамеска, славянский нож без черешка с горбатой спинкой, железный сошник традиционной формы и желобчатое долото подтрапещевидной формы. По крайней мере часть этих предметов относится к эпохе средневековья – XI–XIII вв. (топор, нож, возможно рогатина)⁴².

Подробнее остановимся на топоре, так как он легко поддается классификации – это топор типа 5 по А.Н. Кирпичникову⁴³. Топоры этого типа представлены несколькими находками в разных частях Заволочья – Матигоры и Орлецы в Нижнем Подвинье⁴⁴, могильник Погостище на Мошинском волоке⁴⁵, могильники Корбала и Усть-Пуя⁴⁶, случайные находки в Хозьмино и Вельске в бассейне Ваги⁴⁷, Ленский могильник на Нижней Вычегде⁴⁸, могильник Попово на Каргополье⁴⁹. Такой тип топора – самый распространенный на Севере.

Селище Гостинское I. Открыто Великоустюжским отрядом Онежско-Сухонской экспедиции под руководством Н.А. Макарова в 1986 г.⁵⁰ Расположено в 1,5 км к югу от д. Первомайская на месте несуществующей ныне д. Гос-

тинское в пойме Северной Двины на западном берегу старицы, на террасе высотой 4-5 м. Площадь – 1200 кв. м. Заложен шурф. Стратиграфия: пашня – 20-30 см, темно-серая супесь – 40 см, угольная прослойка с печиной – 4-5 см, темно-серый слой с очажными камнями – 10-12 см, тлен от двух бревен и пятно золы четырехугольной формы 60 x 50 см, светлая супесь с золой – 4-10 см, темно-серая супесь с углями и очажными камнями – 20 см, материк – желтый песок. Общая мощность культурного слоя – 100 см. Около 500 фрагментов керамики – в верхнем слое 260 стенок, 41 венчик и 8 донцев сосудов, в нижнем 150 стенок, 31 венчик и 10 донцев, железный нож, костяные обоймица и кочедык, 94 кости животных (крупный и мелкий рогатый скот, свиньи, лось).

В 1988 г. раскопки были продолжены⁵¹. Для определения границ памятника заложены 3 шурфа размерами 1 x 1 м. Шурф 1 (в 30 м к югу от раскопа 1986 г.): темно-серая супесь – 30 см, суглинок того же цвета – 10-15 см, материк – светло-коричневая глина. Найдена поздняя керамика. Шурф 2 (в 20 м к северу от раскопа 1986 г.): дерн – 5 см, желтый песок – 5-7 см, темно-серая супесь с углем – 55 см, глина – 10-12 см, материк. Собраны несколько фрагментов древнерусской и 42 позднесредневековой керамики. Шурф 3 (в 270 м к северо-западу от раскопа 1986 г.): серая супесь – 30 см, желтый песок – 20 см, светло-серая супесь – 60 см, темная супесь – 10-12 см, материк на глубине 120 см. Найдено 18 фрагментов поздней керамики.

Раскоп площадью 112 кв. м. (размеры 16 x 8 м) выявил остатки наземного жилища. Находки по пластам располагались следующим образом:

- 1) монета, 6 железных предметов, железная пластина, стеклянная бусина;
- 2) нож, бусина и фрагмент бусины, 5 бронзовых предметов, ключ и обломок ключа, бронзовая накладка, подкова, 2 обломка косы, обломок топора, цепочка, игла, 2 петли железные, железная пластина, железное орудие, железное кольцо, деталь гармони;
- 3) вилка, петля, 3 железных предмета, костяная поделка, бронзовый крестик, 2 ножа и один обломок, шило, бронзовый предмет, подковка, бронзовая пластина, железное кольцо;
- 4) костяное острие, 5 ножей и 1 обломок, костяной гребень, обломок косы, 3 подковки, обоймица, точило, слюдяная оконница, сверло, бронзовый крестик;
- 5) нож, кольцо, 2 железных предмета, фрагмент ножниц, подковка, бронзовая пластина;
- 6) 3 железных предмета, 2 ножа, 2 бронзовых предмета, серебряная монета, костяная обоймица, 2 кочедыка, обломок железной шпоры, глиняное грузило;
- 7) 2 железные дужки, стержень, 2 ножа, фрагмент бронзового височного кольца и простого кольца, 5 железных предметов, крестик керамический, пробойник, костяное изделие, шиферное пряслице. Жилище 3: фрагмент бронзового кольца, 2 бронзовых пластины, нож, железный и бронзовый предметы;
- 8) 5 ножей, гребень костяной, обоймица, 2 железных предмета, опиленный рог, керамическая заготовка, крючок железный, игла, бронзовый предмет, 2 костяных поделки, 2 бронзовых пластины, обработанная кость;
- 9-10) кочедык, обломок ножниц, 3 железных предмета и пластина, 3 обломка стеклянного браслета, серебряная подвеска, керамическое грузило, 2 фраг-

мента обработанной кости, шлак, бронзовый крестик, железный наконечник стрелы, железная дужка.

Материковые ямы: №1 – нож и обломок стеклянного браслета, №3 – нож и 2 железных предмета, №5 – костяное орудие. В подъемном материале найдена бронзовая зооморфная подвеска-барашек.

Селище Гостинское II. Открыто Великоустюжским отрядом Онежско-Сухонской экспедиции под руководством Н.А. Макарова в 1988 г.⁵² Расположено на террасе, высотой 4 м, площадь 450 х 200 м. Заложено 3 шурфа. Шурф 1: культурный слой – 60 см, собрано 12 фрагментов поздней и 1 лепной керамики. Шурф 2: пахота – 15-20 см, серая супесь – 5-15 см, желтый песок с углем – 25-30 см, серая супесь – 15-30 см, материк – желтый песок. Найдено 22 фрагмента поздней и 10 древнерусской керамики, железное долото. Шурф 3: пахота – 20-25 см, уголь – 5-20 см, желто-серая супесь – 15-30 см, желтая супесь – 20-25 см, желтый слоистый мешаный песок – 50 см, глина – 1-2 см, серо-желтая супесь – 10 см, материк – желтый песок. Общая мощность культурного слоя – 130 см. Собрано 16 фрагментов поздней керамики.

Селище Вондокурье. Открыто в 1991 г. Великоустюжским отрядом Онежско-Сухонской экспедиции под руководством Н.А. Макарова⁵³. Расположено в центральной и западной части деревни, на берегу старицы, высотой 3-4 м над уровнем воды, в пойме левого берега Северной Двины. Над остальным пространством поймы возвышается на 1-2,5 м, площадь 3000 м. В западной части селища собран подъемный материал, у церкви заложено два шурфа площадью 1 кв. м каждый.

Шурф № 1 заложен в 20 м к северо-востоку от алтаря, на бровке берега. Стратиграфия: дерн, пахота, прослойки супеси, разделенные слоями аллювиального белого песка. На глубине 20-40 см собрано 9 фрагментов круговой керамики, в том числе стенка с линейным орнаментом и 3 куса слюды. На глубине 50-60 см зафиксированы следы угла сруба. На глубине 60-100 см – еще 9 фрагментов круговой керамики. Ниже располагался переотложенный слой кладбища – темно-коричневый песок с костями. Материк – плотный желтый песок – на глубине 120 см, здесь обозначился угол могильной ямы.

Шурф № 2 разбит в 15 метрах к востоку от алтаря. Под пахотным слоем располагался слой извести, далее слой переотложенной серой глины, слой супеси с пережженными камнями и суглинка с костями и камнями, разделенные аллювиальным песком. Материк на глубине 150 см – темная плотная глина. Собрано 24 фрагмента круговой керамики и несколько костей. В подъемном материале на огороде в центральной части деревни к востоку от оврага собрано 150 фрагментов сероглиняной керамики, в том числе 7 венчиков с профилировкой XII-XIV вв., а также днище с клеймом⁵⁴.

В фондах Котласского краеведческого музея хранится найденное здесь бронзовое украшение – плоская непрорезная подвеска типа V по Е.А. Рябини-ну. Украшения этого типа датируются XII-XIII вв., их чаще всего находили в Поволжье (более 30), встречаются они в Заволочье (17), в Белозерье (6), Приладожье (5)⁵⁵. За пределами Руси они известны в Прикамье, Волжской Булгарии, Костромском Поволжье⁵⁶ и на Вычегде (Ыджыдьельский могильник)⁵⁷, три

подвески происходят из Северной Швеции (Мертреск, Лилвикен и Валтьерн)⁵⁸. На территории Заволочья отметим украшения из Шевдениц, Маньшинской (2 шт.) и Самово (Важский бассейн)⁵⁹, два места в Двиноважье – Рочегда и Кургомень (7 ед.), а также находки из деревень Труфанова, Матигоры и Кехта в Нижнем Подвинье⁶⁰. Всего теперь в Подвинье насчитывается 17 подвесок этого типа. Их тулово с обеих сторон украшено рельефными жгутами, составляющими различные композиции. Подвеска из Вондокурья представляет второй вариант данного изделия – самый многочисленный и повсеместно распространенный.

Местонахождение Никольское. Краеведом В.З. Оноховым в с. Никольском на Виледи было найдено бронзовое украшение – конусовидная пронизка. Пронизка несколько отличается от обычных украшений шестого варианта – она оформлена двойным рельефным прерывистым жгутом, привески не сохранились. В Приладожье таких украшений найдено около десятка⁶¹, в Белозерье – единичные находки⁶², в вымских могильниках всего 9 экземпляров. Достаточно много таких украшений найдено в Костромском Поволжье – 47 штук (в 37 погребениях)⁶³, однако, это впечатление обманчиво – общее число документированных раскопанных курганов здесь – 1670, то есть конусовидные пронизки встречены только в каждом пятидесятом кургане (около 2 %). Серия из 20 пронизок на территории Заволочья выглядит гораздо более внушительно. Отсюда мы делаем вывод о местном характере подобного типа украшений, присущем северным финнам бассейнов Северной Двины и Онеги. Отдельные находки в Вологде, Новгороде, Северной Карелии, на Сухоне и Виледи, вероятно, отражают направление культурных связей населения Заволочья.

¹ Российское законодательство X-XX вв. Т. 2. М., 1985. С. 182.

² Цит. по: Рыбаков Б.А. Киевская Русь и Русские княжества в XII-XIII вв. М., 1982. С. 59.

³ Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI-XIII вв. М., 1997. С. 33. Рис. 10.

⁴ Потин В.М. Два новых клада западноевропейских денариев // Нумизматика и эпиграфика. XI. М., 1974. С. 151-153.

⁵ Ясински М.Э., Овсянников О.В. Взгляд на Европейскую Арктику. Архангельский Север: проблемы и источники. Т.1. СПб., 1998. С. 56.

⁶ Верещагина И.В., Овсянников О.В. Памятники X-XIII вв. в среднем течении р. Северной Двины // Древности славян и финно-угров. СПб., 1992. С. 138-143.

⁷ Савельева Э.А. Пермь Вычегодская. М., 1971. С. 166-176.

⁸ Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982. С. 33.

⁹ Тунгусов А.А. Откуда пошла Верхнетоемская земля // Слово о людях и земле поморской. Вып. 2. Архангельск, 1995. С. 142-152.

¹⁰ Жеребцов Л.Н. Указ. соч. С. 33.

¹¹ Макаров Н.А. Колонизация северных окраин... С. 24. Рис. 5.

¹² Буров Г.М. Древние поселения на берегах Пинежского озера в Северодвинском бассейне // Проблемы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1979. С. 156-167.

¹³ Савельева Э.А. Пермь Вычегодская. С. 166-176.

¹⁴ Тунгусов А.А. Указ. соч. С. 142-152.

¹⁵ Буров Г.М. Отчет об археологических исследованиях на Вычегде и Сев. Двине в 1966 году. Р-1. № 3347. Л. 23-24.

- ¹⁶ Верещагина И.В. Отчет о работе Средне-Двинского археологического отряда в 1972 г. / Архив Института археологии Российской академии наук (далее – ИА РАН). № 4748. С. 3-9.
- ¹⁷ Верещагина И.В. Отчет о работе Средне-Двинского археологического отряда в 1977 г. / Архив ИА РАН. № 7139. С. 1-4; Верещагина И.В. Отчет о работе Средне-Двинского археологического отряда в 1990 г. / Архив ИА РАН. № 15686. С. 1-5.
- ¹⁸ Овсянников О.В. Работы Северо-Двинского отряда в 1979 г. Отчет. / Архив Института истории материальной культуры (далее – ИИМК). Ф. 35. Оп. 1. № 106-107; ИА РАН. Р-1. № 7983. С. 12.
- ¹⁹ Овсянников О.В. Археологические работы на территории Архангельской области в 1985 г. / Архив Архангельского областного краеведческого музея (далее – АОКМ). Ф. III. Оп. 3. № 263. С. 11. Рис. 29-31.
- ²⁰ Ясински М.Э., Овсянников О.В. Указ. соч. С. 56-58; Верещагина И.В., Овсянников О.В. Памятники X-XIII вв. в среднем течении Северной Двины // Древности славян и финно-угров. СПб., 1992. С. 138-143.
- ²¹ Едовин А.Г. Средневековые древности Холмогор и округи XI-XIII вв. Находки в Быстрокурье // Труды Архангельского центра РГО. Вып. 6. Архангельск, 2018. С. 199. Рис. 3: 1, 9-10.
- ²² Ясински М.Э., Овсянников О.В. Указ. соч. С. 27. Рис. 4:1-2.
- ²³ Едовин А.Г. Средневековые древности Важского края // Важский край: источниковедение, история, культура. Вып. 2. Вельск, 2004. С. 195-196. Ошибочно отнесена к находкам в Воскресенском.
- ²⁴ Макаров Н.А. Колонизация северных окраин... С. 360. Табл. 148:6.
- ²⁵ Археология северно-русской деревни X-XIII вв.: Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 2. М., 2008. С. 115. Рис. 104:1.
- ²⁶ Потин В.М. Указ. соч. С. 151-153.
- ²⁷ Верещагина И.В. Новые памятники на Северной Двине // Археологические открытия 1973 г. М., 1974. С. 8.
- ²⁸ Верещагина И.В. Отчет о работе Средне-Двинского археологического отряда в 1973 г. / Архив ИА РАН. № 5006. С. 17-19.
- ²⁹ Кленов М.В. Археологические памятники Европейского Северо-Востока. Эпоха средневековья (неопубликованные материалы исследований ИЯЛИ Коми НЦ УРО РАН) // Материалы по археологии Европейского Северо-Востока (далее – МАЕСВ). Вып. 20. Сыктывкар, 2018. С. 139.
- ³⁰ Канивец В.И. Среднеазиатские и германские монеты на Северном Урале // МАЕСВ. Вып. 1. Сыктывкар, 1962. С. 151.
- ³¹ Савельева Э.А. Кичилькосский могильник // МАЕСВ. Вып. 5. Сыктывкар, 1973. С. 68.
- ³² Верещагина И.В., Овсянников О.В. Указ. соч. С. 138-143; Овсянников О.В. Разведки в Архангельской области // Археологические открытия 1985 г. М., 1987. С. 22-23.
- ³³ Верещагина И.В. Отчет о работе Средне-Двинского археологического отряда в 1973 г. / Архив ИА РАН. № 5006. С. 30.
- ³⁴ Кленов М.В. Указ. соч. С. 139-140.
- ³⁵ Овсянников О.В. Археологические работы на территории Архангельской области в 1985 г. / Архив АОКМ. Ф. III. Оп. 3. № 263; ИА РАН. Р-1. № 11221. С. 10-11; Ясински М.Э., Овсянников О.В. Указ. соч. С. 55-56.
- ³⁶ Овсянников О.В. Археологические работы на территории Архангельской области в 1985 г. / Архив АОКМ. Ф. III. Оп. 3. № 263; ИА РАН. Р-1. № 11221. С. 17.
- ³⁷ Верещагина И.В., Овсянников О.В. Указ. соч. С. 138-143.
- ³⁸ Верещагина И.В. Отчет о работе Средне-Двинского археологического отряда в 1976 г. / Архив ИА РАН. № 6339. С. 5.
- ³⁹ Там же.

- ⁴⁰ Овсянников О.В. Работы Северо-Двинского отряда в 1979 г. Отчет. / Архив ИИМК. Ф. 35. Оп. 1. № 106-107. ИА РАН Р-1 № 7983. С. 13.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Едовин А.Г. Отчет о разведках археологического отряда АОКМ на территории Архангельской области (Вельский, Котласский районы) и Ненецкого автономного округа в 2007 году. / Архив АОКМ. Ф. III. Оп. 3.
- ⁴³ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие // Свод археологических источников. Вып. 2. М., 1966. С. 26. Рис. 6.
- ⁴⁴ Едовин А.Г. Север эпохи Ярослава Мудрого (первая половина XI в.) // Материалы VIII международной научной конференции «Ярослав Мудрый. Проблемы изучения, сохранения и интерпретации историко-культурного наследия». Ярославль, 2017. С. 39. Рис. 2:4,6.
- ⁴⁵ Макаров Н.А. Колонизация северных окраин... С. 259. Табл. 47:1.
- ⁴⁶ Назаренко В.А. Овсянников О.В. Рябинин Е.А. Средневековые памятники чуди заволочской // Советская археология. 1984. № 4. С. 197-215.
- ⁴⁷ Вельский краеведческий музей. №№ 135, 137, 138.
- ⁴⁸ Савельева Э.А. Ленский могильник // Памятники эпохи камня, раннего металла и средневековья Европейского северо-востока // МАЕСВ. Вып. 17. Сыктывкар, 2005. С. 91-103.
- ⁴⁹ Макаров Н.А. Население Русского Севера XI-XIII вв. (По материалам могильников Восточного Прионежья). М., 1990. С. 193. Табл. XI. № 7.
- ⁵⁰ Макаров Н.А. Отчет о работах Великоустюжского отряда Онежско-Сухонской экспедиции в 1986 г. / ИА РАН. Р-1. № 11835. С. 44-45.
- ⁵¹ Макаров Н.А. Отчет о работах Великоустюжского отряда Онежско-Сухонской экспедиции в 1988 г. / ИА РАН. Р-1. № 12844. С. 25-70.
- ⁵² Там же. С. 71-72.
- ⁵³ Макаров Н.А. Отчет о работах Великоустюжского отряда Онежско-Сухонской экспедиции в 1991 г. / ИА РАН. Р-1. № 15968.
- ⁵⁴ Макаров Н.А. Средневековое селище Вондокурье в округе г. Котласа // Сольвычегодск в истории русской культуры. Сольвычегодск, 1992. С. 83-85.
- ⁵⁵ Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X-XIV вв. Л., 1981. С. 18-19.
- ⁵⁶ Голубева Л.А. Зооморфные украшения финно-угров. М., 1979. С. 94. Табл. 7.
- ⁵⁷ Савельева Э.А. Вымские могильники. Л., 1984. С. 96. Рис. 30.
- ⁵⁸ Макаров Н.А. Русский Север и Лапландия: торговые связи XI-XIII вв. // Российская археология. 1993. № 1. С. 64. Рис. 4:4-5,7.
- ⁵⁹ Едовин А.Г. Устьянский край в эпоху средневековья: археологический аспект (к постановке проблемы) // Заволочье. Устьянская земля. Вып. 1. Октябрьский, 2012. С. 93-99.
- ⁶⁰ Едовин А.Г. Бронзовые украшения как индикатор этнокультурных связей Нижнего Подвинья и Поважья в XI-XIII вв. // Важский край. Источниковедение, история, культура. Вып. 7. Вельск, 2016. С. 14. Рис. 5:1-4.
- ⁶¹ Кочуркина С.И., Линевский А.М. Курганы летописной веси. Петрозаводск, 1985. С. 107, 140.
- ⁶² Кудряшов А.В. Поселение и могильник Кривец на Нижней Суде // Древности Русского Севера. Вып. 1. Вологда, 1996. С. 191.
- ⁶³ Рябинин Е.А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л., 1986. С. 78.

**«ПЕРВЕЙШАЯ В СВЕТЕ»
(О БАБОЛОВСКОЙ ВАННЕ САМСОНА СУХАНОВА)**

В глубине Баболовского парка Царского села, среди руин небольшого одноэтажного дворца укрывается от людских глаз чудом сохранившаяся уникальная каменная ванна-бассейн, изготовленная знаменитым каменотесом Самсоном Ксенофоновичем Сухановым – выходцем из деревни Завотежица современного Красноборского района Архангельской области.

Изначально, при Екатерине II, в центральном восьмигранном павильоне Баболовского дворца, возведенного И.В. Нееловым по типу «холодных бань» в духе английской готики, была устроена круглая ванна, облицованная внутри мрамором и достигавшая 3,5 метра в поперечнике. Она наполнялась чистой проточной водой из Таицкого водопровода, считавшейся в те времена «самой здоровой»¹.

Взошедший на престол внук императрицы, Александр I, пожелал мраморную ванну заменить на цельную из гранита, точно такую же, как в Петергофе, высеченную Самсоном Сухановым. Известным каменотесом были уже вытесаны «для пользы и украшения» несколько цельных гранитных ванн, поражавших петербуржцев своей огромной величиной. Так, в 1812 г. мастером была изготовлена для Петергофского дворца ванна, «полированная внутри, вышиною в 2 аршина 12 вершков, а в диаметре 7 ½ аршина»². Позднее им сработаны ванны из серого сердобольского гранита для Царского села, Зимнего и Александровского дворцов. Судьба этих ванн неизвестна.

В Российском государственном историческом архиве сохранились документы, приоткрывающие завесу над историей создания гранитной ванны для Баболовского дворца. В 1811 г., как сказано в деле «О выдаче купцу Суханову 6 тыс. руб. за выделку ванны из гранита и перевозку оной в Баболовскую купальню к отпущенным ему уже 12 тыс. руб.», по повелению императора Александра I инженер «генерал-лейтенант А.А. Бетанкур заключил контракт с купцом Сухановым на выделку и перевозку гранитной ванны в Баболовскую купальню» за 16 000 рублей³.

Для поиска подходящего камня без трещин и «порушин» С.К. Суханов отправился на Финляндские острова. На собственной ломке, разработанной на острове Сумари в бухте Виролахти, им и его приказчиком, земляком С.В. Колодкиным, был выломан «цельный отруб огромной величины гранита» весом около 10 тысяч пудов (приблизительно 160 тонн)⁴. Позднее, в 1815 г., Сухановым на этой же ломке был вырублен колоссальный пьедестал для монумента Минину и Пожарскому в Москве⁵. Громадная глыба для ванны была доставлена на судне в Петербург и сгружена на пристань у Калинкина (ныне Старо-Калинкина) моста, затем перетащена на пустопорожнее место напротив Съезжего дома, которое мастер арендовал на протяжении долгого времени.

Здесь над обтеской, наковкой, шлифовкой и полировкой ванны Самсон Суханов вместе с помощниками трудился в течение семи лет. Работа требовала

точного расчета как пропорций, так и толщины стенок, способных выдержать вес наполненной водой чаши. Чтобы представить трудоемкость изготовления ванны, О.Н. Фишер произвел следующие расчеты: «Разделим внутренний ее объем (около 30 кубических метров) на объем гранита, отделяемого от блока одним ударом киянки по скампелю (в среднем от одного до трех кубических миллиметров). Результат: десятки миллиардов ударов только для придания блоку чашевидной формы. Тот же порядок имеет число ударов, нанесенных по блоку для придания ему идеально правильных, округлых внешних форм»⁶.

Высеченная ванна-бассейн весила 3 тысячи пудов (48 тонн) и вмещала 800 ведер воды. В 1818 г. она была перевезена из Санкт-Петербурга к Баболовскому дворцу в Царское село. За изготовление и доставку ванны Самсон Суханов получил 18 000 рублей. «В мае прошедшаго [1818] года, – сообщал в письме министру финансов Д.А. Гурьеву министр Императорского двора князь П.М. Волконский – ванна изготовлена и поставлена на место, и Суханову за выдачею ему в два срока 12 тысяч рублей следует ныне заплатить 4 тысячи, но как он по контракту понес некоторые убытки, то Государь Император Высочайше повелеть соизволили выдать ему из Кабинета шесть тысяч рублей ассигнациями»⁷.

В том же году издатель журнала «Отечественные записки» Павел Петрович Свиньин известил: «Наконец окончил Суханов нынешним летом прекрасную, единственную ванну для Баболовской бани. Она вышиною 2 аршина 12 вершк., глубиною 2 арш. 4 верш. и в диаметре 7 ½ аршина (в пересчете на современные меры длины высота 1 м 96 см, глубина 1 м 60 см и диаметр 5 м 33 см. – В.С.). Многие из петербургских жителей ездили нарочно посмотреть сие произведение Русского Ваятеля. Оно тем более заслуживает внимания, что со времен египтян неизвестно ничего столь огромного из граниту. Иностранцы не хотели верить, чтоб Суханов в состоянии был произвести сие чудо ваяния или ваятельного искусства, которое тем еще для него похвальнее и славнее, что не прибавил он нисколько цены, предлагаемой ему за таковую же ванну, составленную из четырех частей!»⁸. Высеченная из красного финского овоидального гранита рапакиви, исполинская ванна была особенно привлекательна в солнечные дни. «Во многих местах приметны на нем части лабрадора, что при солнечном сиянии делает его блестящим», – отмечал П.П. Свиньин⁹.

Для размещения ванны необычайной величины потребовалось увеличение ванного павильона Баболовского дворца. В ноябре 1823 г. архитектором В.П. Стасовым была составлена примерная смета работ и затрат на перестройку дворца на сумму 46 657 рублей¹⁰. В смете предусматривалось сооружение вокруг ванны просторной «овальной залы», над которой по высочайшему повелению следовало возвести «каменный купол»¹¹. Помимо прочих работ, в смете были также заложены: «постановка ванны на место, с лесами и инструментами» за 1000 рублей; «чугунные подпоры и бронзовые ножки в виде черепашек» за 1400 рублей, «краны и трубы для теплой и холодной воды, краны золоченые, трубы свинцовые» за 1500 рублей; «полировка ванны с наружной стороны и очистка внутренней» за 3500 рублей¹².

2 марта 1824 г. Высочайшим указом Александр I утвердил смету и «повелел работы по сему строению произвести в нынешнем [1824] году только самые не-

обходимые вчерне, а остальные окончить в будущем году», для чего отпустить из Кабинета Его Величества в 1824 г. 18 000 руб., а в 1825 г. – 28 657 руб.¹³

Весной 1824 г., согласно проекту В.П. Стасова, под руководством производителя работ архитекторского помощника В.М. Горностаева часть стен бывшей «круглой залы» павильона была снесена. Поденными каменотесцами Семена Копылова, племянника Самсона Суханова, в мае 1824 г. была разобрана старая ванна из мрамора и снят плитный пол¹⁴.

7 июня состоялись торги на «вынутие земли для постановления гранитной ванны в павильоне Баболовского дворца». Торги выиграл крестьянин Иван Молоков и 9 июня дал подписку, которой обязался в течение непродолжительного времени с 13-ю рабочими людьми «вынуть земли сколько нужно будет», «ценою за верхнюю сажень по 8 рублей, за нижнюю – по 13 рублей»¹⁵. Под фундамент был извлечен огромный объем земли. По расчетам архитектора В.П. Стасова, «вынутое пространство земли для строительства залы и помещения в ней гранитной ванны – глубиною 6 аршин 4 вершка, площадь которого составляет 45 квадратных сажень, а кубических 94 сажени»¹⁶. От этой ямы была проведена в «нижний пруд» (Большой пруд) свинцовая труба, для которой вырыт ров протяженностью 29 погонных сажень глубиною от 4,5 до 6 аршин¹⁷. После заложения фундамента были возведены кирпичные стены новой «овальной залы».

13 июня 1824 г. Царскосельским Дворцовым Правлением были организованы торги «на исправление каменотесной работы из собственных подрядчика материалов по увеличению залы при павильоне Баболовского дворца». В торгах на «поставку путиловской плиты с положением в дело с наковкою, обтескою и полировкой» участвовали мещане Семен Копылов, Авдей Авакумов, Феофан Гадов и купец Самсон Суханов «с товарищи»¹⁸. «Полировку по наружности ванны, вырубку дыр для прохода воды, очистку внутри заново и поставку на место на камнях подрядчика» Семен Копылов взялся сделать за 4000 рублей, а Самсон Суханов согласился произвести за меньшую сумму – 3975 рублей¹⁹.

В результате проведенных торгов 16 июня 1824 г. мраморных дел мастер Семен Копылов дал подписку, «приняв в обязанность для Баболовского парка около гранитной чаши одежды по внутренности кирпичных стен и выстилке полу из собственной своей путиловской плиты чисто полированной ценою одежды стен по 124 рубля, выстилку полу по 98 рублей с квадратной сажени»²⁰. Эти работы производились в течение 1824-1825 гг. Так, в «Щете» от 25 октября 1824 г. отмечено, что поденные каменотесцы от Семена Копылова в октябре 1824 г. на протяжении 14 дней обтесывали «спусковую и наугольную плиту»²¹.

Того же числа, 16 июня 1824 г. купец Самсон Суханов заключил контракт, в котором обязался «поставить на место с отделкою чистой полировки для Баболовского дворца гранитовой ванны за три тысячи девятьсот семьдесят пять рублей»²². Ванна заняла свое место в августе 1824 г. За ее установку Суханов получил 1000 рублей из общей суммы, причитающейся ему по контракту²³.

Это событие не осталось незамеченным для петербуржцев. Профессор российской истории Илья Федорович Яковкин в 1830 г. засвидетельствовал на

страницах своей книги «Описание села Царского, или Спутник обозревающим оное с планом и краткими историческими объяснениями, составленное Ильей Яковкиным»: «Ванна сперва была здесь мраморная, но Государь Император Александр I повелел сделать и поставить здесь, в 1824 году, <...> столь превосходную из гранита отделанную»²⁴. Эту же дату постановки ванны в павильон повторят через 59 лет Михаил Иванович Пыляев в сочинении «Забытое прошлое окрестностей Петербурга» и через 81 год Сергей Николаевич Вильчковский в историческом путеводителе «Царское село»²⁵.

С 10 сентября по 24 ноября 1825 г. около двадцати человек полировали черне «всю наружную часть [ванны] до самого на низу плинта»²⁶. Затем последовала «самая чистая отделка» ванны. Из сметы следует, что баболовская ванна, сходная по величине с ранее высеченной петергофской, первоначально была отполирована так же, как и петергофская, только изнутри, вероятно, еще в Петербурге. Полировка ее внешней поверхности была произведена позднее уже на месте, в Баболовском дворце. За двести лет ванна частично утратила свой зеркальный блеск, но современник Я.Г. Зембницкий отмечал в своей статье в 1834 г., что «поверхность ея снаружи и внутри от полирования совершенно гладкая и блестящая»²⁷.

Предусмотренные в примерной смете В.П. Стасова «чугунные подпоры и бронзовые ножки в виде черепах» не были изготовлены, вероятно, из-за того, что могли не выдержать тяжести ванны, и уже на торгах было заявлено установить ванну на четырех камнях²⁸. Ныне она покоится на четырех прямоугольных гранитных блоках.

Вода поступала в ванну по свинцовой трубе через центральное отверстие на дне ванны, просверленное С. Сухановым. Вот как об этом рассказывает профессор И.Ф. Яковкин на страницах своей книги в 1830 г.: «Вот вам и ванна в особом круглом покое! Когда немного откроют правый шлюз <...> у мостика, то вода с великим стремлением пустится по подземному каналу, и, наполнив ванну, стекает особым каналом в пруд, так что купающийся беспрестанно находится в воде проточной»²⁹. Вокруг ванны был устроен протяженный балкон на чугунных кронштейнах в виде галереи со спускающимися с него к ванне решетчатыми лесенками из чугуна³⁰.

Чудо-ванна вызвала всеобщее восхищение современников и «одобрение знатоков в сем деле». Историк И.Ф. Яковкин полагал гранитную ванну «из первейших в целом свете», а директор Императорского минералогического общества Я.Г. Зембницкий, повторяя П.П. Свинына, написал: «Сие произведение Русского Художника тем более заслуживает внимания, что со времени египтян неизвестно ничего столь колоссального из гранита»³¹. И сейчас, в XXI веке, баболовская ванна-бассейн остается одним из удивительных чудес, «самым крупным в мире сосудом, высеченным из камня», превосходящим по размерам чашу самой большой в мире колыванской вазы из ревневской яшмы, выполненную спустя четверть века после ванны³².

¹ Рубан В.М. Баболовский дворец и творение мастера Суханова. СПб.: Наука. 2003. С. 23; Пыляев М.И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга. Репринтное воспроизведение издания 1889 года. СПб.: Лига, 1994. С. 496.

² Свињин П.П. Приключения Суханова, русского природного ваятеля // Отечественные записки. 1818. Т. 1. С. 214-215.

³ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 519. Оп. 1. Д. 771. Л. 3, 3 об.

⁴ Северная Пчела. 1832. № 241/242. 17 октября; Свињин П.П. Указ. соч. С. 217, 218.

⁵ Северная Пчела. 1832. № 241/242. 17 октября.

⁶ Фишер О.Н. Есть памятник – есть проблемы, нет памятника – нет проблем? // История Петербурга. 2010. № 2 (54). С. 38-39.

⁷ РГИА. Ф. 519. Оп. 1. Д. 771. Л. 3, 3 об.

⁸ Свињин П.П. Указ. соч. С. 216-217.

⁹ Там же. С. 217-218.

¹⁰ РГИА. Ф. 487. Оп. 6. Д. 2716. Л. 4, 5.

¹¹ Там же. Л. 42; Рубан В.М. Указ. соч. С. 56-57.

¹² РГИА. Ф. 487. Оп. 6. Д. 2716. Л. 3.

¹³ Там же. Л. 4-6, 88.

¹⁴ Там же. Л. 90, 91.

¹⁵ Там же. Л. 22.

¹⁶ Там же. Л. 46.

¹⁷ Там же. Л. 45-46.

¹⁸ Там же. Л. 24.

¹⁹ Там же. Л. 24 об.

²⁰ Там же. Л. 129, 130.

²¹ Там же. Л. 90 об., 91.

²² Там же. Л. 131.

²³ Там же. Л. 40, 83.

²⁴ Яковкин И.[Ф.] Описание села Царскаго или спутник обозревающим оное, с планом и краткими историческими объяснениями. СПб.: Типография Департамента Народного просвещения, 1830. С. 111.

²⁵ Пыляев М.И. Указ. соч. С. 496; Вильчковский С.Н. Царское село. Репринтное воспроизведение издания 1911 года. СПб.: Титул, 1992. С. 185.

²⁶ РГИА. Ф. 487. Оп. 6. Д. 2716. Л. 131.

²⁷ Зембницкий Я.Г. Об употреблении гранита в Санкт-Петербурге. СПб.: Типография Н. Греча, 1834. С. 20.

²⁸ РГИА. Ф. 487. Оп. 6. Д. 2716. Л. 3, 24 об.

²⁹ Яковкин И.[Ф.] Указ. соч. С. 111.

³⁰ Рубан В.М. Указ. соч. С. 60.

³¹ Яковкин И.[Ф.] Указ. соч. С. 111; Зембницкий Я.Г. Указ. соч. С. 20.

³² Фишер О.Н. Указ. соч. С. 38.

**ХАЛЕЗСКАЯ ВВЕДЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ НИКОЛЬСКОГО УЕЗДА
ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ: ДАТИРОВКИ И МАСТЕРА
(ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕТЬ XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)**

О Халезской Введенской церкви ранее сообщалось в статье С.И. Добренького¹ и в издании Н.М. Македонской², а также в справке Великоустюжского центрального архива С.А. Красавцевой³. Однако вынесенная в заголовок тема в них не рассматривается, а в публикации С.Н. Ромашкиной⁴ мастера названы не в полной мере. Поэтому впервые сообщим о датировках и мастерах Халезской Введенской церкви Никольского уезда Вологодской губернии.

Церковь Введения во Храм Богородицы Халезская (Халежская) – в 1916 г. приходская церковь в Байдаровской волости Никольского уезда (ныне – Никольский район Вологодской области), каменная. Престолы: Введения во храм Пресвятой Богородицы (главный), прав. Прокопия и Иоанна Устюжских, свт. Николая Мирликийского, иконы Божией Матери «Милующая», сщмч. Власия и свт. Модеста⁵. Левый придел нижней церкви в 1916 г. был не освященным. В клировых ведомостях расположение Халезской Введенской церкви записано в дер. Большой Двор, согласно современному административному делению церковь находится в селе Лоха. Храм сохранился до настоящего времени.

О первоначальном существовании церкви в данном приходе в писцовых книгах за 1682 г. значится: «погост Введения Пречистыя Богородицы на реке Югу стал ново». В окладной книге монастырей и церковей Великоустюжской епархии 1755 г. названа церковь Введения во Храм Богородицы, что в Халезской волости Южской трети Великоустюжского уезда Архангелогородской губернии. В 1788 г. в приходе числилось 869 человек, в 1868 г. – 3813 человек⁶. В приходе было два храма. Теплый храм – каменный одноэтажный с колокольной, во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы, построен в 1796 г. по благословию Преосвященного Иеринея, Епископа Вологодского и Великоустюжского, иждивением и старанием приходских людей. Изначально каменный храм был строен двухэтажным, но без плана и рисунка фасадов, поэтому тогда же подвергся разрушению, о чем было доложено епархиальному начальству, которое и не дозволило строить двухэтажный, а оставило одноэтажный и однопрестольный. Холодный же храм был деревянный, одноэтажный во имя Св. Праведного Прокопия Устюжского Чудотворца с приделом Свт. Чудотворца Николая Мирликийского, построенный и освященный в 1777 г. по благословиению Преосвященного Иоанна, Епископа Великоустюжского и Тотемского⁷.

12 июля 1870 г. приходскими людьми был составлен приговор о построении новой каменной церкви с колокольной, о трех престолах, вместо старой теплой каменной, и лично подан 24 июля Преосвященнейшему Палладию, Епископу Вологодскому и Великоустюжскому, при обозрении им церковей епархии. Получив благословение, прихожане начали сбор денег и заготовку материалов для строительства. В 1872 г. «Никольскаго у[езда] в Халежском Введенском приходе вместо малопоместительнаго каменнаго теплаго и обветшавшаго холоднаго

храмов, постановлением Епархиального Начальства от 6/10 Мая, разрешено построить новую каменную двухпрестольную церковь с каменною же колокольнею по рассмотренному и утвержденному Губернским Начальством чертежу»⁸. План церкви составлял и чертил надворный советник П. Соколов.

Закладка нового Введенского храма была произведена по особому церковному чиноположению 7 октября 1873 г., в воскресный день, после Божественной литургии и крестного хода. Строительство осуществлялось тремя мастерами. 25 апреля 1874 г. заключили контракт на постройку новой каменной церкви с великоустюжским мещанином Львом Павловым Кушеверским (1837-1877) – первым строителем храма. Мастер обязался за 8800 руб. и 300 пудов ржаной муки построить церковь за 10 лет, а при недостатке материалов – за 12 лет⁹.

Львом Кушеверским с 8 сентября по 1 октября 1873 г. были посланы в приход 15 человек для производства первоначальных работ. Рабочие копали рвы под фундамент и клали в них камни, навезенные прихожанами. Камней для фундамента новой церкви «не достало», и на следующий год потребовалось столько же. В 1874 г. с июня по сентябрь вновь работали несколько рабочих, они закончили забутовку камнями фундамента и возвели стены до окон первого этажа, колокольня была возведена немного повыше. В лето 1876 г. работали до 30 человек, которые возвели вчерне первый этаж. После их ухода 21 сентября миряне покрыли церковь по сводам тесом, для предохранения свежей кирпичной кладки от непогоды.

При больших размерах храма и недостаточности церковных средств строительство шло медленно. Поэтому мастер мог одновременно взять несколько подрядов, выполняя работу по мере накопления приходами денег и материалов. Известно, что Лев Павлов Кушеверский летом 1876 г. начал возведение нового каменного двухэтажного Кобыльского Георгиевского храма в Никольском уезде, однако закончить не смог, так как умер, и строительство продолжил другой мастер¹⁰. Возникла необходимость найма нового строителя и в Халезском Введенском приходе.

Следующим был подряжен Лев Иванов Чебыкин, из крестьян, приписавшийся вместе со старшим братом в великоустюжское мещанство с 1873 г. Мастер представил в приход свидетельство своей профпригодности, которое ему было дано после постройки в 1877 г. каменного трехэтажного дома с мезонином в Великом Устюге, принадлежавшего мещанину Александру Дудникову, размером 10 x 8 саж. Контракт с Львом Чебыкиным заключали трижды. Первый раз – в 1878 г., когда он обязался за 5800 руб. достроить церковь в продолжении 8 лет, а за недостатком материалов и сумм – за 9 лет. По данному контракту Чебыкин с бригадой проработал только лето 1879 г., в том числе исправив в нижнем этаже непрочный свод над трапезой. Затем приход хотел сменить строителя. Послав официальное письмо от 10 февраля 1881 г., сговорились с крестьянином дер. Черниц (Черницы) Урковской волости Балахнинского уезда Нижегородской губернии Иваном Емельяновым Строевым, что работать он будет по тому же условию, какое учинено с Кушеверским, а Чебыкину отказать. В подтверждение намерений выслали 25 руб.

Однако, уже 11 марта Иван Строев обратился к благочинному, священнику Шарженской Михайло-Архангельской церкви Александру Александрову Прокошеву с покорнейшим прошением, в котором сообщил, что прибыл в приход по письму священника Халезской Введенской церкви Константина Ливеровского и церковного старосты Дмитрия Лешукова для заключения подряда строительства второго этажа каменной церкви, но причт и некоторые прихожане отказали ему в работе. Мастер, полагаясь на письмо священника и старосты, уже нанял в феврале пятерых рабочих каменных дел, поэтому просил взыскать с причта и прихожан Халезской Введенской церкви за путевые расходы в 900 верст и за задатки работникам 50 руб. В 1890 г. Иван Строев заключил контракт на постройку Казанского храма в Никольске¹¹. В итоге прихожане вновь обратились к Льву Иванову Чебыкину и заключили с ним в июне 1881 г. новый контракт, по которому мастер обязался за 5850 руб. достроить церковь в течение 5 лет, а за недостатком материалов и сумм – за 6 лет.

Его рабочие, проработав лето 1881 г., просили церковного старосту и попечительство рассчитываться непосредственно с каждым порознь за сделанную ими работу, а с их хозяином Чебыкиным вести особенный расчет, так как опасались, что если Чебыкина в приходе не рассчитают, то и они останутся без пищи и пропитания. При этом обещали работать, пока время позволяет и будут для этого необходимые материалы. В 1882, 1883, 1886 гг. кирпич для строительства готовил крестьянин дер. Редихина Домнинской волости Буйского уезда Костромской губернии Филипп Макаров Зайцев. Известь поставляли Иван Феокистов и Семен Никитин Шиловы из дер. Слуды. 28 февраля 1882 г. вновь было заключено «Условие» с мастером каменных дел Львом Ивановым Чебыкиным, с прописанием обязательств, видов работ и оплаты. С 1 мая 1883 г. уволенный в запас армии солдат Василий Васильев Попов, проживающий в Никольке, «подмазал» известью внутри храма, выбелил паперть и сторожку в новом храме. В сентябре 1884 г. он же подрядился на вновь строящейся церкви выкрасить крышу за два раза казенным материалом в два года, и в то же лето залил свинцом на церкви пять крестов. В сентябре 1885 г. сделали семь печей, по 19 руб. за каждую.

Непросто складывались отношения каменных дел мастера с приходом. 9 июля 1883 г. церковный староста Дмитрий Алфеев Лешуков подал в Великоустюжское уездное полицейское управление заявление на Льва Иванова Чебыкина, в котором сообщил, что, проработав три лета 1879, 1881 и 1882 гг., Чебыкин вместо 1 мая 1883 г. явился на работу в конце месяца и требовал денег. Ему было выдано наличными 700 руб., из которых 208 руб. – авансом. Истратив их, Чебыкин вновь стал просить выплат, но так как из рядной суммы им уже было выбрано 4650 руб., церковный староста отказал мастеру, считая, что работ по контракту осталось еще около половины. Но староста несколько преувеличил. В течение 1879 и 1881-1883 гг. Л.И. Чебыкин в основном закончил постройку храма. Остался не сведенным каменный свод трапезной, ее остропление, покрытие железом, недостроенная колокольня, побелка и покраска.

Через Великоустюжское уездное полицейское управление староста просил объявить Чебыкину, чтобы он или отказался от работы с прописанием причины

отказа, который предъявить старосте через Никольское уездное полицейское управление, и тогда они наймут другого подрядчика; или, если Чебыкин желает окончить работу, то должен явиться тотчас. Весной 1885 г. приходили рабочие-каменщики, немного поклади колокольню, да отступились, так как приход не пошел навстречу Чебыкину и не стал до окончания всех работ выдавать оставшиеся 1200 руб. даже частями, в результате с рабочими нечем было рассчитываться. Другому же подрядчику за оставшуюся работу заплатили больше, чем в два раза. В сентябре 1885 г. подрядили никольского мещанина Дмитрия Груздева сделать за два месяца из готового материала рамы с окраской, нарезкой стекол и вставкой на место, из них 10 окон сделать с форточками. Кирпича на постройку не хватало, поэтому в 1887 г. выломали среднюю часть (трапеzu) старого каменного храма.

Достраивать новую церковь порядили 1 мая 1886 г. за 2500 руб., 300 пуд. ржаной муки, 25 пуд. солода, 15 пуд. овсяной муки и 3 пуда коровьего масла, каменных дел мастера крестьянина дер. Черницы Стефана Емельянова Строева, брата Ивана Емельянова Строева. К этому времени Стефан Строев завершил строительство Кумбисерской Покровской церкви для пяти деревень, выделившихся из Халезского Введенского прихода. По контракту С.Е. Строев обязался в 1886 г. сравнять карниз верхнего этажа храма и колокольного столба, сделать свод и остропить трапеzu, в 1887 г. достроить колокольню, закрыть ее и поставить крест, в 1888 г. отбелить колокольню и стены трапезной за два раза, покрыть железом крыши трапезы и покрасить также за два раза. Деньги выплачивали по мере выполнения работ. В сентябре 1887 г. был освящен новосооруженный крест и водружен на достроенную колокольню. 8 мая 1888 г. в приход прибыли рабочие подрядчика Строева, чтобы остропить трапеzu, покрыть ее железом, выбелить трапеzu и колокольню. Рабочие уехали 11 июня вечером, не закончив отделку церкви, и поэтому не были полностью рассчитаны. 20 августа 1889 г. каменных дел мастер Стефан Емельянов Строев за проделанную по контракту работу получил с церкви и старосты полный расчет.

Оштукатурил верхнюю холодную церковь до трапезы с июня по сентябрь 1890 г. солдат Карп Егоров Кулигов, уроженец Орловского уезда Вятской губернии, проживавший в Тотьме, по подряду за 700 руб. и 50 пудов муки. Ему же в 1891 г. отдали подряд на побелку за два раза церкви и колокольни, и покраску также за два раза крыши на храме за 280 руб., 30 пуд. муки и 1½ пуд. скоромного масла. В тот же год, с марта по июнь, крестьянин дер. Розсохино Филипп Никитин Лешуков за 65 руб., 5 пуд. ржаной муки и 20 фун. скоромного масла поправлял крышу на храме, сделал вокруг крыши новые желоба и трубы, карниз между этажами покрыл железом¹². Построенная церковь – каменная двухэтажная, теплая внизу и холодная вверху, с каменной колокольной в одной связи, крыша покрыта железом и окрашена зеленой краской. Длиною церковь 24 саж., шириною 10 саж.¹³

По указу Великоустюжского духовного правления иконостас старой каменной церкви 20 августа 1891 г. был разобран и увезен прихожанами Носковской Христо-Рождественской церкви за 225 руб. С 1 сентября приступили к устройству в старом храме школьного помещения. В сентябре 1896 г., при строитель-

стве у храма каменного, покрытого железом крыльца, использовали половые каменные плиты из старого храма и кирпич от развалившихся столбов старой ограды. В 1905 г. окрашивал крыши великоустюжский мещанин Илья Буравкин. Колокол в 203 пуда заказали в 1915 г. на завод братьев Приваловых в Нижнем Новгороде, откуда по железной дороге его отправили до станции Шарья, с которой его привез подряженный крестьянин прихода Лаврентий Иванов Рыжков за 113 руб.

Одновременно со строительством шло оформление интерьеров. После возведения и перекрытия первого этажа новой церкви приступили к разломке старой деревянной церкви, и в течение 1885-1889 гг. почти вся она была использована на полы и рамы. Никольский мещанин Михаил Николаев Дмитриев¹⁴ 5 мая 1885 г. подрядился устроить иконостас из казенных материалов в трех приделах нижнего этажа нового храма за 700 руб., 60 пуд. ржаной муки, 10 пуд. солоду и 5 пуд. овсяной крупы. Мастер обязался поставить иконостас на место и вложить в него иконы, сделать престолы и жертвенники во всех трех приделах, а в старой деревянной церкви разломать иконостас и поставить куда потребуется. Он же изготовил деревянный иконостас с резьбой и позолотой в новую Казанскую церковь Никольска за 1700 руб.

23 июня 1886 г. благочинным 2-го округа Никольского уезда, священником Халезской Богородской церкви Александром Образцовым, был освящен новый престол церкви – средний в нижнем этаже во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы. Согласно описанию, предалтарный иконостас столярной работы с резьбой и такими же колоннами заканчивался крестом столярной работы. Над киотами, отделяющими средний главный алтарь от боковых приделов, – заветы резные с облаками. Царские врата столярной работы с резьбой, вверху резное сияние и в нем изображение Св. Духа в виде голубя, с пятью клеймами: Благовещение и Евангелисты. По правую сторону Царских врат иконы: Господь Вседержитель; храмовая – Введение во храм БМ в медной отбеленной ризе; Живоносный источник на золотом фоне; БМ «Достойно есть». По левую сторону: БМ; северные двери вмч. Пантелеимон; Собор Архангела Гавриила; Спас Нерукотворный в киоте с позолоченной резьбой по серебряному фону, за стеклом. Икона написана по золотому фону, лучшей работы. Над Царскими вратами – Тайная вечеря. Справа от нее иконы: Сергей Радонежский и Соловецкие Зосима и Савватий; Симеон Столпник. Слева иконы: Феодосий и Антоний Киевопечерские и Феодосий Тотемский; Константин, Елена и вмч. Димитрий. Над третьими иконами от Царских врат первого яруса: справа – в клейме икона Вход Господень в Иерусалим, над ней в резном клейме Вознесение Господне; слева – в тех же местах в клеймах икона Сретение, а над ней икона Преображение. В третьем ярусе: справа от Царских врат – Молитва Иисуса Христа в саду Гефсиманском; слева – в таком же клейме Лобзание Иуды.

В январе 1888 г. было получено новое паникадило, пожертвованное в храм крестьянином дер. Петряева Георгием Тропиным за 78 руб. 12 июня 1888 г. проживающий в Никольске кологривский мещанин, живописец Павел Иванов Котлов, взял подряд написать в правом приделе Царские врата и 9 икон, в том числе иконы св. Власия и Модеста, за 110 руб.; а в среднем приделе написать 10

икон и Царские врата, подобно им же ранее написанной иконе БМ «Живоносный источник». За все рядил 215 руб., работу обязался закончить к 1 октября. В начале мая 1889 г. была торжественно встречена икона со Св. Горы Афонской, подлинный список с Чудотворной иконы БМ «Достойно есть» или «Милующая». Эту святыню пожертвовал в храм крестьянин дер. Шалашнева Андрей Терентьевич Лешуков, ходивший в 1889 г. на Св. Гору и получивший эту икону от Св. иноков в благословение не только себя, но и всей данной местности.

В конце мая 1889 г. нижний этаж храма внутри был отбелен, арки выкрашены желтой краской, киоты с постарелой позолотой подкрашены масляной краской. 12 июня 1889 г. благочинным 2-го округа А. Образцовым был освящен в нижнем этаже второй престол справа – первый придел храма, в честь сщмч. Власия, епископа Севастийского, и свт. Модеста, архиепископа Иерусалимского. По описанию иконостас был такой же, как в центральном престоле. По правую сторону Царских врат иконы: Господь Вседержитель, сидящий на престоле; храмовая – мч. Власий, епископ Севастийский и Модест, архиепископ Иерусалимский. По левую сторону Царских врат иконы: БМ с Превечным младенцем; северная дверь – Николай Чудотворец. Над Царскими вратами – Воскресение Христово. По правую сторону от него двойной ряд: в первом две иконы двенадцатых праздников – Рождество Иисуса Христа и Благовещение; во втором в арке икона Георгия Победоносца и Великих князей Константина Ярославского и Александра Невского, а вторая икона в резном клейме – Явление Воскресшего Господа Ап. Клеопе и Луке. По левую сторону от Воскресения Христова двойной ряд: в первом – две иконы двенадцатых праздников: Рождества Пр. Богородицы, Введение во храм Пр. Богородицы; во втором – в арке икона Иоанна Предтечи, Мефодия и Кирилла словенских учителей, и вторая икона в клейме с резьбой – Явление воскресшего Господа Марие Магдалине.

В 1915 г. подрядили золотых и серебряных дел мастера, мещанина города Никольска Алексея Иванова Семенова позолотить резьбу в правом придельном иконостасе нижнего храма, а столярную работу посеребрить алюминием при готовом золоте, выписанном причтом в счет подрядчика Семенова, 10-золотникового достоинства. Работу он должен был произвести за 350 руб., 20 пуд. ржаной муки и 20 фун. скоромного масла. В апреле 1916 г. прихожане остались довольны работой Семенова и изъявили согласие отдать ему же позолоту в среднем иконостасе нижнего храма хозяйственным способом за 750 руб., из которых 150 руб. пожертвовал крестьянин дер. Селиванова Николай Федоров Берсенов, а церковный староста Иван Баданин на позолоту Царских врат – 90 руб. Но в октябре мастер-позолотчик А.И. Семенов был призван из запаса на военную службу. Работы он немного не доделал, и по обоюдному согласию за недоконченную работу приходом с мастера было удержано 150 руб., и золота осталось у старосты на руках на 60 руб. По доверенности мастера для расчета приезжал его родной брат Павел Семенов.

В «Описи церковного имущества Халезской Введенской церкви Никольского уезда» содержатся записи, выполненные двумя почерками. Основной текст написан в 1891 г., скорее всего священником. К тексту имеются уточнения, сделанные вторым почерком – священника Леонида Хохрякова. Архивисты да-

тировали документ 1891-1915 гг. Уточнить время записей, выполненных вторым почерком, стало возможным после проведения сравнительного анализа событий в разных документах. Так, в Описи сделана приписка вторым почерком о том, что в среднем приделе первого этажа «резьба в предалтарном иконостасе вызолочена золотом по мардану». Выше были приведены архивные сведения о позолоте данного иконостаса в 1916 г., больше никаких записей о работах в храме в этом году нет. В Описи также содержится описание, сделанное вторым почерком, состава икон левого придела нижнего этажа церкви. Следовательно, левый придел устроили и освятили после 1916 г., скорее всего, в 1917 г. Судя по храмовой иконе, придел был освящен во имя Ильи Пророка. По описанию иконостас был такой же, как в центральном престоле. По правую сторону Царских врат находились иконы: Спасителя; Пр. Ильи. По левую сторону Царских врат иконы: БМ; северная дверь – Архидиакон Стефан. Над Царскими вратами – Покров Богородицы. Во втором ярусе: Мч. Иулиан(ния); Успение Богородицы; Троица; Мч. Иоанн и Татьяна. В третьем ярусе: Воздвижение Креста Господня; Мч. Павел и Леонид; Мч. Екатерина и Евдокия; Крещение Господне.

Великоустюжский мещанин Николай Алексеев Шумилов с июля по сентябрь 1906 г. выполнил штукатурку нижнего храма за 600 руб. с алебастром на попечительские средства. Ему же в 1909 г. отдан подряд на настилку пола в нижнем теплом храме из «пирогранитной метлахской плитки» в течение четырех лет за 3500 руб. В декабре, согласно условиям, заключенным с Торговым Домом «А.И. Шумилов с сыновьями и К^о», получены плитка и цемент, а также куплена и доставлена известь. Пол выстлала плиткой в 1910 и 1912 гг., а летом 1913 г. работа была закончена. Доставленная метлахская плитка была неодинаковых размеров, поэтому пол получился не гладкий, даже с провесами между плитами. Несмотря на это, 14 сентября работа Николая Алексеевича Шумилова была принята, и он рассчитан согласно заключенного с ним условия.

К отделке интерьеров второго этажа храма приступили с 1889 г. К концу октября настлали полы и сделали лестницы наверх. 4 декабря 1889 г. отдали подряд на столярную и резную работы во все трех приделах николюскому мещанину Михаилу Николаеву Дмитриеву по его рисунку за 750 руб. и 50 пуд. ржаной муки¹⁵. 2 августа 1892 г. осмотр и освидетельствование столярной и резной работы в верхнем этаже храма проводил прибывший благочинный 2-го округа Никольского уезда А. Образцов в присутствии причта, церковного старосты, председателя церковно-приходского попечительства, его членов и некоторых почетных прихожан. Было отмечено, что в общем работа выполнена удовлетворительно, но имеются следующие недостатки: 1) клейма на столбах, отделяющих боковые приделы от среднего, оказались не годными; 2) полуколонны числом 6 во втором ставе иконостаса лучше заменить колоннами; 3) в боковых приделах над Царскими вратами нет симметрии в резных кругах; 4) в некоторых местах тех же приделов уменьшена резьба против мест, в каких ей должно быть, и сделаны не согласующиеся с резьбой вставки; 5) икона Благовещение БМ на Царских вратах в среднем иконостасе не пристроена как следует, и обложка ее не соответствует по чистоте обработки. Мастеру было предписано привести все по пунктам в подобающий вид.

14 декабря 1892 г. та же комиссия приняла исправления, вся столярная и резная работа вызвали одобрение. Мастер М.Н. Дмитриев получил полный расчет. По описанию трехалтарный иконостас столярной работы с резьбой и резными колоннами, в три яруса, заканчивается крестом столярной работы с резным сиянием. Над киотами, отделяющими боковые приделы от среднего, резные клейма для икон. Царские врата столярной работы с резьбой, вверху резное сияние и в нем изображение Св. Духа в виде голубя, с пятью клеймами: Благовещения и четырех Евангелистов с их символическими изображениями.

17 ноября 1891 г. тотемский мещанин Иван Павлов Кузнецов – мастер живописной работы¹⁶, обязался за 500 руб. написать иконы в средний придел верхнего этажа во имя Милующей БМ «Достойно есть», числом 25, при том Царские двери считать за одну икону, все иконы на золотом чеканном фоне, с выполнением работы к 1 мая 1892 г. Он же выполнил стенную живопись и 4 иконы за 175 руб. Средний престол был освящен 23 июня 1892 г. Согласно описанию, в 1-м ярусе иконостаса по правую сторону Царских врат иконы: Господь Вседержитель; храмовая – БМ «Достойно есть» или «Милующая», написанная на кипарисе масляными красками, привезенная с Афона; трех Святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста; Равноап. Кирилл и Мефодий. По левую сторону иконы: БМ; северная дверь – Архидиакон Стефан; Зосима и Савватий Соловецкие. Над Царскими вратами – Тайная вечеря. Во 2-м ярусе справа: Благовещение; Вход Господень в Иерусалим; Преображение, Сошествие Св. Духа на Апостолов; в клейме над киотом, отделяющим приделы, Избиение Архидиакона камнями. Слева: Сретение Господне; Крещение Господне; Рождество Христово; Введение во храм Пр. Богородицы; в клейме над киотом, отделяющим приделы – Избиение Вифлиемских младенцев. В 3-м ярусе: в середине над Царскими вратами – Господь Вседержитель; справа – Иоанн Предтеча; Ап. и Евангелисты Матфей, Марк и Лука; Усекновение главы Иоанна Предтечи; слева – БМ; Ап. Иоанн Богослов, Петр и Павел; Зачатие Св. Пророка и Предтечи Иоанна.

10 мая 1895 г. был освящен левый придел во имя свт. Николая Мирликийского. По описанию, в 1-м ярусе иконостаса по правую сторону Царских врат иконы: Господь Вседержитель; Николай Чудотворец, венец на нем медный позолоченный, в киоте за стеклом. По левую сторону – БМ; Архистратига Михаила. Над Царскими вратами икона Моление о чаше. Во 2-м ярусе справа: Святых, празднуемых церковью 17-го октября; Князя Владимира и Ап. Павла. Слева: Святых, празднуемых церковью 29-го апреля; Алексея митрополита Московского и Сергия Радонежского. В 3-м ярусе над Царскими вратами икона Спаса Нерукотворного, справа: Свт. Порфирия и Александра Невского; Вмч. Георгия и князя Михаила Московского. Слева: Ап. Филиппа и Марии Магдалины; Пр. Ксении и Равноап. Ольги. В 4-м ярусе справа – Пр. Пахомия; слева – Мч. Федота. Иконостас заканчивается клеймом с изображением Саваофа.

В августе 1896 г. подряд живописи иконостаса правого придела верхнего этажа храма в честь св. Прокопия и Иоанна Устюжских чудотворцев отдан живописцу, крестьянину Вознесенской волости Никольского уезда Александру Яковлеву Второву за 259 руб. Живопись исполнялась на средства крестьян де-

ревень Шалашнева, Петряева и Розсохина, собранные за три года. Мастер обязался написать в иконостас 17 икон и пять клейм на Царских вратах на золотых по полименту с чеканкой фонах в греческом стиле, на запрестольной тумбе две иконы, и на кресте – аналойную икону Спасителя со Св. Угодниками. Закончить работу он должен был к 1 мая 1897 г. 28 мая произведенную Второвым работу приняли, и мастера окончательно рассчитали. Предел освятили 27 октября 1897 г. По описанию, в 1-м ярусе иконостаса по правую сторону Царских врат иконы: Господь Вседержитель; Прокопий и Иоанн Устюжские. По левую сторону: БМ; Архидьякон Гавриил. Во 2-м ярусе по правую сторону Царских врат – Вмч. Екатерина и Чудотворец Роман; Пр. Илья и Пр. Агафий; по левую сторону – Мч. Конон градарь и вмч. Параскева; Мч. Гурий, Симон и Авив. В 3-м ярусе над Царскими вратами – Несение Креста. По правую сторону – Мария Египетская, Иоанн многострадальный и Моисей Угринский; вторая икона – Никита Переяславский, Нифонт епископ Кипрский и Свт. Маруф. По левую сторону – Мч. Лаврентий, вмч. Антип и Иоанн Предтеча; вторая икона – Конон Неазрейский, мч. Мирон и вмч. Артемий. В середине – Вознесение Господне. В 4-м ярусе справа – Прп. Паисий; слева – Прп. Онуфрий Великий. Иконостас заканчивается клеймом с изображением Отечества.

Тотемскому мещанину Михаилу Андрееву Сергачеву¹⁷ 7 марта 1902 г. был отдан с торгов подряд на окраску и позолоту иконостаса в верхнем холодном храме (скорее всего, всех приделов) за 1672 руб., 50 пудов муки и 1540 яиц, с обязательством закончить работу к 1 сентября 1903 г. Оплата разрешена на добровольные пожертвования прихожан. 9 сентября 1903 г. работа Михаила Сергачева признана выполненной добросовестно и согласно заключенным условиям, поэтому с ним произведен полный расчет.

В советский период Халезский Введенский храм был закрыт и подвергся разрушению. До наших дней из интерьеров ничего не сохранилось, кроме росписи в алтаре среднего храма второго этажа, выполненной Иваном Павловым Кузнецовым в 1891-1892 гг. В алтаре посередине стены находятся три высоких окна. Согласно описанию, стена алтаря была украшена стеной живописью масляными красками с текстами Св. Писания в должных местах. На своде алтаря изображено Сошествие Св. Духа на Апостолов. В простенке на правой стороне алтаря между средним и боковым окнами – изображение Св. Ап. Иакова, брата Господня. На таком же простенке между средним и боковым окнами на левой стороне алтаря – изображение Святителя Василия Великого. В простенке между боковым окном и дверями из среднего алтаря в правый предел находилось изображение Святителя Григория Богослова, в таком же простенке с левой стороны алтаря, перед жертвенником – Святителя Иоанна Златоуста. Живопись сохранилась частично. На своде апсиды роспись «Сошествие Св. Духа на Апостолов» очень плохой сохранности, видна только часть фигур, из них многие фрагментарно, с большими потерями и утратами красочного слоя, под слоем пыли. На стенах около окон алтаря и между ними видны следы только двух росписей ростовых изображений Святых, с почти полной утратой красочного слоя и штукатурки до кирпича.

С 2007 г. силами местных жителей, земляков и благотворителей Халезский Введенский храм восстанавливается. Сделаны новые крыши, снаружи церковь оштукатурена и покрашена, внутри храм вычищен от мусора. Отремонтирован первый этаж: сделаны рамы со стеклами, стены внутри оштукатурены и побелены, реставрирован плиточный пол. К сожалению, сделан только деревянный каркас иконостаса. Местные жители принесли разные сохранные храмовые и домовые иконы. Проводятся службы. Второй этаж и колокольня не отремонтированы. Если на втором этаже не будут сделаны окна, то даже незначительная часть сохранившейся авторской живописи со временем будет утрачена. Так как приход небольшой, своими силами ремонт церкви ему не завершить. Надеемся, что при поддержке Великоустюжской епархии и помощи неравнодушных земляков Халезский Введенский храм будет восстановлен.

Приложение¹⁸

Контракт

1874-го года, апреля 25 дня, я нижеименовавшийся Вологодской губернии Великоустюжскаго уезда мещанин Лев Павлов Кушеверской заключил сей контракт со священноцерковнослужителями, церковным старостою, в присутствии приходскаго Попечительства и приходских людей Халезской Введенской церкви Никольскаго уезда, и в присутствии местнаго Благочиннаго Священника Алексея Мудрова, по утвержденному Правительством проэку, касательно постройки каменной двухэтажной церкви на следующих условиях: 1. На постройку новой каменной двухэтажной церкви материалы должны быть казенные, а частью и общественные; рвы под церковь выкопать обществом, крепить же фундамент мне подрядчику со своими людьми вместе с обществом; вода всюду при постройке церкви должна быть доставляема моими рабочими, желоба же приготовить обществом, если где потребуется фундамент залить известкой. Я подрядчик должен это сделать. 2. Сверх буту продолжить кирпичную работу, не отступая от плана, выданного из Губернской Строительной Комиссии в 1872 году и утвержденного 7-го Апреля того же года. Также не отступая плана, фасада и разреза; особенно же на лицевую сторону не прозженнаго сыраго кирпича не класть. А также и плавуна. 3. Начать фундаментальную работу или фундамент крепить с 1-го Мая сего года, а кладку начать с 2-го Июня сего года. 4. Работы производить в продолжении десяти лет. А за недостатком материалов двенадцать лет. 5. В каждый год, по употреблении заготовленных материалов, я подрядчик должен объяснять приходу сколько нужно заготовлять материалов, чтобы кончать всю свою работу в условленное время. 6. Из готоваго железа обязуюсь я подрядчик сам-собою, посредством своих рабочих, сковать решетки, сварить связи, потребные при постройке новой каменной церкви, подстава подставить, а стропилить церковь при ее сооружении, покрыть ея железом, выкрасить самым лучшим крашением, а также на колокольне и осмериках. Кресты сковать из железа и поставить на церкви и колокольне, а если нужно будет и вызолотить обязуюсь я подрядчик Лев Кушеверский. Выстроенную церковь и колокольню снаружи выбелить в два раза. Леса убрать обязуюсь я подрядчик.

7. В продолжение все работы квартира, баня, погреб, анбар, равно и инструменты: топоры, шайки, лопаты железные и деревянные, ведра, ушаты и баки должны быть казенные. 8. Для подмостка лесов и кружал тес пильный и тесаный, гвоздья, ерши должны быть казенные. 9. Квартиру во время работы обязуюсь хранить строго. 10. За всю сию вышеозначенную работу рядил я Кушеверский восемь тысяч восемьсот рублей и триста пудов ржаной муки, в задаток при заключении сего контракта получил я, подрядчик, Кушеверский пять сот двадцать пять рублей. 11. Деньги за всю работу должен получать смотря по успеху работы и состояния церкви.

За честь поставляю себе я, мастер Кушеверский, вести себя добросовестно, почтительно и исправно, во всех делах наблюдать интерес, прочность и аккуратность строящейся церкви. Контракт сей с заключенным условием с обеих сторон хранить свято и ненарушимо. В чем Господь Бог да поможет нам.

К сему контракту подрядчик устюжской мещанин Лев Павлов Кушеверский руку приложил. Священник Халезской Введенской церкви Александр Иаковлев Воскресенский. Той же церкви Диакон Виссарион Рупышев. Той же церкви Диакон Арсений Ворошнин. Той же церкви Пономарь Федор Баданин. Той же церкви староста Гавриил Баданин. К сему контракту прошением председателя церковного Попечительства Ивана Нестерова крестьянин Онтон Тропин за него руку приложил. К сему контракту той же церкви Пономарь Стефан Лобанов. При заключении сего контракта находился Благодинный Священник Алексей Мудров.

¹ Добренский С.И. Церковно-приходские летописи Никольского уезда Вологодской губернии второй половины XIX – начала XX века // Никольская старина. Исторические и этнографические очерки. Вологда, 2000. С. 356-382.

² Македонская Н.М. Церковно-исторический атлас Вологодской области. Т. 1. Вологда, 2007. С. 74, 135.

³ Великоустюгский центральный архив (далее – ВУЦА). Архивная справка от 12.01.2009. [Электронный ресурс.] URL: <http://baydarovo-hram.ru/history.html> (дата обращения: 05.12.2015).

⁴ Ромашкина С.Н. Атрибуция росписей «живописца Кузнецова» в храмах Никольского уезда Вологодской губернии (конец XIX века) // Российский Север и Арктика: история, традиции, образы (к 150-летию А.А. Борисова). Архангельск, 2016. С. 287-295.

⁵ Халезская Введенская церковь // Православные приходы и монастыри Севера. [Электронный ресурс.] URL: http://parishes.mrezha.ru/parish_history.php?id=722 (дата обращения: 10.11.2015).

⁶ С-в Н. (Суворов Н.И.). Несколько топографических и статистических сведений о бывшей Великоустюжской епархии // Вологодские епархиальные ведомости (далее – ВЕВ). 1872. № 16. Прибавления. С. 474.

⁷ ВУЦА. Ф. 585. Оп. 36. Д. 18. Л. 1, 3 об., 4 об., 8, 9 об., 11 об., 17-18, 21-22 об., 26 об., 31, 34, 45 об.-46, 47 об.-48 об., 49 об.-50, 52 об.-53, 54 об., 55 об.-56, 59 об.-60 об., 63, 65.

⁸ Разные известия по епархии // ВЕВ. 1872. № 11. С. 253-254.

⁹ ВУЦА. Ф. 585. Оп. 36. Д. 3. Л. 4.

¹⁰ Летопись Кобыльской Георгиевской церкви 1868-1895 г. // Кичменгский край: Материалы Глубоковских чтений. Вып. 2. Кичменгский Городок, 2012. С. 23, 26, 62.

¹¹ Баева Е.В., Баев И.И., Гомзиков Н.И., Колчеев С.Ю., Папин И.В., Тихомиров С.А., Шалимова Н.Н., Шиловская Т.В., Шиловский М.Е., Щепелина Е.Г. Историческое путешествие по городу Никольску конца XVIII – начала XX века // Никольская старина. Исторические и этнографические очерки. Вологда, 2000. С. 291-293.

¹² ВУЦА. Ф. 585. Оп. 36. Д. 35. Л. 1-1 об., 7 об., 8 об.-9, 14-14 об., 16 об.-17, 18, 19 об., 38, 41 об.-42, 44 об., 47 об., 51 об.-54, 57, 58, 60, 61-62, 63-63 об., 64 об., 66 об.-68, 70, 72, 73.

¹³ ВУЦА. Ф. 585. Оп. 36. Д. 38. Л. 2-2 об., 5 об.-8., 10-11 об., 14-14 об., 25, 26-28 об., 33-35, 39-40 об.

¹⁴ Ромашкина С.Н. Иконописцы и иконостасные мастера в уездах Великоустюжского викариатства Вологодской епархии (1888-1918) // Страницы истории и культуры Великого Устюга. Вып. 1. Котлас, 2013. С. 60-63.

¹⁵ ВУЦА. Ф. 585. Оп. 36. Д. 3. Л. 38-38 об.

¹⁶ Кольцова Т.М. Росписи Покровской церкви с. Морозово Верховажского района Вологодской области // Важский край: источниковедение, история, культура. Исследования и материалы. Вып. 7. Вельск, 2016. С. 125-140; Притчина В.А. Иконописцы и стенописцы Тотемского края (XVII – нач. XX в.) // Русский Север – 2018: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия. Вологда, 2018. С. 20-21; Ромашкина С.Н. Церковные мастера Тотьмы (конец XIX – начало XX в.) // Русский Север – 2019: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия. Вологда, 2019. С. 66-70, 74.

¹⁷ Притчина В.А. Иконостасы в церквях Тотемского уезда, мастера и резчики по дереву (XVI – нач. XX в.) // Русский Север – 2019: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия. Вологда, 2019. С. 59-60.

¹⁸ ВУЦА. Ф. 585. Оп. 36. Д. 3. Л. 4-5.

В.И. Щипин

СКАЗИТЕЛЬНИЦА ИЗ ЧЕРЕВКОВА ОЛИМПИАДА ВАСИЛЬЕВНА АНТРОПОВА

Русский Север как будто специально создан как кладовая, скажем больше – сокровищница, где хранятся те духовные богатства, которые создал, накопил и продолжает создавать во многом непонятный чужеземцам русский народ. Здесь веками, как под спудом, хранились былины и старины, рождались протяжные, многоголосные песни, сочинялись удивительные сказы и сказки, бывальщины и небылицы.

Много родил Север сказителей и песенников: Аграфена, Гаврила и Марфа Крюковы из Зимней Золотицы, Марья Кривополенова – Махонька – из Усть-Ежуги, пинежанки Анна Гладкобородова и Ангелина Суховерхова; Маремьяна Голубкова с Печоры. Достойное место среди них занимает и Олимпиада Антропова из Черевкова.

Олимпиада Васильевна Антропова (в девичестве Копылова) родилась 1 августа 1898 г. по новому стилю в деревне Порозовская (Кулига) Фоминской волости Сольвычегодского уезда Вологодской губернии. Девочка росла в дружной, весёлой и работающей семье, где песня, музыка и труд всегда занимали достойное место. Как рассказывала сама Олимпиада Васильевна: «Помнится мне, что петь я стала с той поры, как начала говорить, а пяти-шести лет, сидя у отца

на коленях, распевала уже песни взрослых. Отец с матерью были у меня балагурами и шуточниками, золотых слов мастерами – как тут песню не переймёшь»¹.

Но отец маленькой Липы (а потом родилась ещё и сестрица Вивея) был не только «шуточником и балагуром». Умел он и хорошо работать – семья жила в достатке. Мало того, был он и благочестивым прихожанином, выполнял обязанности церковного старосты при Едомской Введенской церкви, пел в церковном хоре².

Любил отец, Василий Андреевич Копылов, попеть под гармонь-двухрядку вместе с братом Демидом, а чаще обходились и без неё. Как-то в конце весны 1902 г. произошла у братьев неожиданная встреча со знаменитой собирательницей фольклора Евгенией Эдуардовной Линёвой, которая путешествовала по Северу в поисках неизвестных фольклористам песен. Евгения Эдуардовна первая стала использовать изобретение Эдисона – фонограф – для записи исполнителей. 28 мая 1902 г. она вместе со своей племянницей Анной Галактионовой приехала на Сидорову Едому (так называется местность, где располагались деревни Фоминской волости) из Черевкова.

Остановившись в избе земской почтовой станции, путешественницы спросили у жены смотрителя о местных песенниках. Е.Э. Линёва записала потом в своём дневнике: «Она тотчас же сказала, что в соседней деревне есть два отличных певца, "каких на всю округу не сыщешь". За ними тотчас же отправили молодого паренька <...>. Аня исчезла – рисовать старую церковь, а я начала готовить всё для записей и по хозяйству. Вот что с ней за это время случилось. <...> Когда рисование было в самом разгаре, вдруг появился всадник на светлой лошади, который соскочил и, взяв лошадь под уздцы, направился прямо к ней. <...> Всадник подходит, расшаркивается, подаёт руку самым торжественным образом и выражает удовольствие, что нашлись люди, которые обратили внимание на их местность. <...> Всадник оказался церковным старостой и тем самым певцом, о котором говорили раньше. Аня осталась порисовать, а он пришёл к нам в избу, сияющий, радостный, отрекомендовался мне, сейчас же сел распивать чай и сказал, что очень рад петь, но страшно извинялся, что знает песни только деревенские. Я успокоила его, что мне именно они-то и нужны. Он очень интересовался машиной Эдисона и с нетерпением готовился петь. Пришёл его брат Демид, совсем другого характера, сначала очень застенчивый и молчаливый. Но пели они, как оказалось, замечательно дружно и хорошо, как настоящие артисты, относились ревниво к исполнению каждой песни. Обсуждали каждую песню, пробовали её на разные лады и, только когда добивались своего, говорили: "Ну, теперь её можно и в машинку". Когда запись особенно удавалась, Василий Андреевич с нежностью говорил: "Ах ты, Эдисон. Каково!" Потом они подобрали себе двух товарищей, племянника и ещё одного пожилого крестьянина, которые с ними постоянно пели, и стали петь с ними»³.

Итогом работы стали записи одиннадцати песен, исполненных братьями Копыловыми. Среди них «Ох, в лете калина» и «За реченькою было за Невагою». В Рукописном отделе Института русской литературы (ИРЛИ, Пушкинский Дом) в Санкт-Петербурге сохранились тексты записанных песен⁴, а в Фонограммархиве ИРЛИ остались пять восковых валиков фонографа Линёвой, на

которых записаны голоса братьев⁵. И сегодня, спустя более ста лет, мы можем слышать их голоса.

Много позже один из основоположников отечественной этномузыкологии Евгений Владимирович Гиппиус так оценивал творчество братьев Копыловых: «Становится всё более и более очевидной уникальная историческая и художественная ценность образцов местных стилей протяжной русской песни, записанных на фонограф Е. Линёвой <...>. Среди них – образцы мужских ансамблевых: "За реченькою было за Невагою"...». Далее он отмечал особенности так называемых «замкнутых» мужских дуэтов северных певцов-умельцев⁶: эти дуэты культивировали «своеобразную традицию "инвенционного" полифонического стиля протяжной песни. С певческой практикой таких ансамблей связаны виртуозные мелодические и многоголосные стили протяжной песни»⁷.

Была ли среди зрителей и слушателей этого концерта четырёхлетняя Липа, нам неизвестно, но вполне возможно, что отец взял её с собой посмотреть на невиданную машинку. О факте записи пения отца она хорошо помнила и, выступая в сентябре 1950 г. на Всероссийском слёте песенников – участников художественной самодеятельности, рассказывала: «Эту любовь к пению я унаследовала от отца, который был большим мастером русской песни. Ещё в старое время он напел тринадцать своих песен на граммофонные пластинки»⁸. Поэтому не случайно, что, научившись грамоте в Едомской церковно-приходской школе, овладев здесь же основами церковнославянского языка и церковного пения, она тоже стала по воскресеньям петь на клиросе вместе с отцом.

Время летело быстро, Липочка подросла, и в 1917 г., в самый разгар судьбоносных для страны событий, Липа Копылова стала Олимпиадой Антроповой, выйдя замуж за черевковского паренька Василия Антропова. В декабре 1918 г. Олимпиада родила первую дочь Евгению, а Василия тем временем призвали в ряды Красной Армии. Он провоевал всю гражданскую войну, вернувшись домой в 1921 г. целым и невредимым. Через год родилась вторая дочь – Ангелина.

А осенью 1924 г. произошло событие, которое изменило всю последующую жизнь Олимпиады. В то время она работала уборщицей в земельном отделе Черевковского райисполкома. Однажды вечером, едва она успела вымыть полы и стереть пыль со столов, в комнату ввалилась целая толпа: учителя, работники исполкома во главе с директором Черевковской школы крестьянской молодёжи Михаилом Дормидонтовичем Кусковым, который руководил драмкружком. Драмколлектив привела сюда агроном Черевковского райземотдела Манефа Николаевна Помелова, активная участница художественной самодеятельности. В местном клубе не было места для кружков, поэтому она и предложила помещение земельного отдела, чтобы провести репетицию. Олимпиада осталась посмотреть, что будут делать драмкружковцы, и неожиданно игра знакомых людей захватила её. Казалось, знает всех, а начали играть – преобразились лица, по-другому зазвучали голоса.

На следующий вечер она вновь осталась посмотреть репетицию. В этот раз не пришла одна из исполнительниц небольшой роли крепостной служанки, учительница Анастасия Николаевна Постоева, и вдруг Кусков предложил: «А ну-ка, Липа, попробуй сыграть!». Сыграла, и получилось! На следующий день

новая репетиция, тоже всё хорошо. Таким образом и вошла Олимпиада в драматический коллектив Черевковского клуба.

Премьера спектакля состоялась 6 ноября 1924 г. и стала сценическим крещением молодой артистки. Но Олимпиаде Антроповой драмкружка было мало, она стала посещать спевки хора, организованного учителем-словесником Александром Григорьевичем Цивилёвым. Олимпиада Васильевна стала полноправным членом хора, а через какое-то время А.Г. Цивилёв доверил ей и сольные выступления. С первых лет работы в хоре О.В. Антропова занималась и декламацией. Она читала со сцены произведения Крылова, Некрасова, Пушкина.

Всё бы хорошо, но малые дети связывали руки, сердился муж, не хотел пускать в клуб. Олимпиада Васильевна вспоминала: «Не раз ругался он:

– Не девчонка ты, чтобы подолами клубные полы подметать!

– Так ведь это хлеб для моей души! – отвечала я. – В хозяйстве всё у меня в порядке – никакого изъяна нет. А любимое дело не бросишь...

Так и настояла на своём. По несколько раз в неделю ходила я в родной клуб, участвовала в спектаклях, пела в хоре, читала со сцены наизусть стихи, а позднее и свои произведения»⁹.

С детства Олимпиада любила читать. Тут сказалось и влияние отца, и школьной учительницы Анны Александровны Невониной. О любви к чтению О.В. Антропова писала в своей книге «С песней – в народ»: «Читаю я много: до книг добираюсь, как пьяница до вина. Если книга интересна, глаза мои в ней завязнут и не могут оторваться. И кровать иногда окажется незаправленной на весь день, и суп весь выкипит, и куры не накормлены, вся чёткость в делах пропадает. На моём читательском формуляре в библиотеке чернила не просыхают. <...> Особенно запойно я читала "Тихий Дон" Михаила Шолохова, потому как считаю его нашим самородком-современником»¹⁰.

Спустя несколько лет в семье произошло несчастье. Погиб муж. Началась новая жизнь овдовевшей Олимпиады. И опять помогала, выручала песня, не давала опускать руки. Через какое-то время Олимпиада Васильевна вышла замуж за вдовца Якова Андреевича Квашнина, а в 1930 г. у них родилась дочь Лидия.

Время было бурное, шла коллективизация. Олимпиада одной из первых вступила в коммуну «Красный луч». В 1935 г. в соседнем колхозе «По пути Ильича» колхозный конюх Егор Иванович Сопляков, степенный бородач из деревни Дорожинская, организовал хоровой коллектив. В хоре пели его односельчане братья Колпаковы и их невестка, муж и жена Носовы, жители деревни Щелкудиновская и другие колхозники. В репертуаре преобладали старинные черевковские народные песни. С первых дней существования этого хора в нём стала петь и Олимпиада Васильевна, не оставляя при этом занятий художественной самодеятельностью в Черевковском доме культуры.

За несколько лет существования хор колхоза «По пути Ильича» достиг впечатляющих результатов. Так, в 1939 г. этот хоровой коллектив победил сначала на районном конкурсе, а затем завоевал первое место на областной олимпиаде художественной самодеятельности и был выдвинут кандидатом для участия в смотре народного творчества и художественной самодеятельности в рамках открытия Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве¹¹.

С началом Великой Отечественной войны культурная жизнь в Черевкове не затихла. Со сцен черевковских клубов стали звучать военные песни, стихи о войне. Продолжали работать хоровые коллективы районного дома культуры, совхоза «Черевковский», не стал исключением и хор колхоза «По пути Ильича».

В годы войны произошла историческая встреча Олимпиады Антроповой и художественного руководителя Северного народного хора Антонины Яковлевны Колотиловой. Вероятно, Антонина Яковлевна обратила внимание на талантливую исполнительницу из Черевкова в феврале 1944 г. во время областного смотра художественной самодеятельности.

К тому времени Олимпиада Васильевна познакомилась с творчеством знаменитой поморской сказительницы Марфы Крюковой, сказы которой публиковались в печати, звучали по радио. Решилась и она попробовать свои силы в сочинении новин. Под впечатлением победы Красной Армии в битве под Сталинградом родился её первый сказ «Красной Армии – слава!». В певучей новине звучала гордость сказительницы за нашу доблестную армию:

«Уж не день не два – много месяцев
Там сражается сила ратная,
Наша славная Красна Армия...
Пошатнулася и попятилася
Сила ворога непокорная,
Откатились фашисты вшивые,
Побросали всё на пути своём:
Всё оружие огнестрельное,
Пушки грозные-самоходные, –
Силы грозной они испугалися,
Целой армией в плен сдавалися...
Слава нашей родной Красной Армии,
Слава громкая прокатилася,
По всему миру разгласилася...»

Необычайный импровизационный дар Олимпиады Антроповой, способной облечь в стихотворную форму практически любую идею, оказался востребованным временем. На областном смотре художественной самодеятельности, выступив с этим сказом, О.В. Антропова заняла первое место и была выдвинута на получение республиканской премии. Хор колхоза «По пути Ильича» в составе двенадцати человек, в котором пела и Олимпиада Васильевна, под руководством бессменного Е.И. Соплякова тоже занял первое место. Хор исполнял северные народные песни «Экой ты, Ваня» и «Станем-ко, жёнушко, домик наживать». Пресса отмечала: «Старые колхозники вносят в хор фольклор русской деревни. В старинных песнях "Кого нет – того жаль", "У дяди за двором", "Век бы я у батюшки девушкой жила", в плясовой "Девушки по сеничкам ходили" они сохранили народный песенный стиль»¹².

В ходе смотра жюри решало и ещё одну задачу – оно отбирало лучшие номера для формирования фронтовой концертной бригады. В середине апреля 11 лучших исполнителей были вызваны в Архангельск, среди них оказалась и Олимпиада. Руководить бригадой поручили артистке Архангельской филармо-

нии Анне Михайловне Дмитриевой. Путь сначала лежал в Москву, а после просмотра репертуара представителями Главного политического управления концертная бригада выехала на фронт для обслуживания соединений и частей Первого и Второго Белорусских фронтов. Прибыв в штаб Первого Белорусского фронта, бригада получила путёвку на концертное обслуживание частей железнодорожных войск, которыми командовал генерал-майор технических войск Ф.Н. Доронин. Непосредственное руководство бригадой осуществлял начальник политотдела железнодорожных войск фронта полковник Н.И. Карганов.

Концертная бригада архангельских самодеятельных артистов пробыла в действующей армии почти три месяца: с 15 апреля по 6 июля 1944 г., дала 70 концертов. Выступать приходилось в самых разных условиях: попадали и под бомбёжки, и под артобстрелы противника. Позже Олимпиада Васильевна вспоминала: «Во всей моей жизни не было труда благороднее, чем этот. Что может быть почётнее поручения Родины – вносить в трудные боевые будни защитников Отчизны свежую струю искусства, посылить вдохновлять их на новые и новые подвиги!»¹³. По возвращении фронтовой концертной бригады в Архангельск всем её участникам военно-шефская комиссия при Архангельском областном комитете союза работников искусств объявила благодарность.

За время пребывания на Первом и Втором Белорусских фронтах, видя героическую работу военных железнодорожников, О.В. Антропова сложила новый «Сказ о военных железнодорожниках». В нём она поэтическим языком рассказала о подвиге железнодорожников, сумевших за 13 дней построить Дарницкий мост через Днепр в районе Киева:

«Ой, вы, гой-еси, храбры воины,
Как уж вами мир удивляется.
Нет в истории, не записано
Таких подвигов, таких славных дел,
Чтоб воздвигнуть мост за 13 дней
Через Днепр-реку, да широкою.
Уж не мало отличилоя
Храбрых воинов да строителей.
Дали подступы к славну Киеву»¹⁴.

Поездка на фронт дала новый импульс творчеству Олимпиады Васильевны – у неё открылось дарование создавать не только тексты песен, но и их напевы. Под впечатлением увиденного в действующей армии родилась песня «Материнский наказ».

В свою очередь, Антонина Яковлевна Колотилова внимательно следила за становлением самобытной сказительницы и песенницы из Черевкова. Она пригласила О.В. Антропову попробовать свои силы вместе с руководимым ею Северным народным хором. А.Я. Колотилова и композитор П.Ф. Кольцов, обработчик народных песен для Северного хора, приложили немало сил, чтобы за короткое время отшлифовать мастерство Олимпиады Васильевны.

Осенью 1944 г. хор отправился в Москву, где проходил Всероссийский смотр народных хоровых коллективов. На смотре Антропова исполнила свой сказ «Красной Армии – слава!». Это выступление стало триумфальным для

Олимпиады Васильевны, она разделила с хором лавры победного выступления на сцене Большого театра.

В своей книге «С песней – в народ» О.В. Антропова писала: «Могла ли я когда-нибудь даже подумать, что мне выпадет счастье выступить в Большом театре и читать своё произведение перед почётными людьми России, в том числе и перед руководителями партии и правительства? Сама я была спокойной, но чувствовала, как в эти минуты волнуются мои руководители – Антонина Яковлевна Колотилова и Пётр Фёдорович Кольцов. Когда раздался в зале грохот, будто горный обвал, я уже знала, что это аплодисменты... Пожатыя рук за сценой, благодарности, поздравления – разве можно забыть эти счастливые минуты?!»¹⁵

После триумфального выступления Олимпиаду Васильевну пригласили во Всесоюзный дом народного творчества имени Н.К. Крупской. Здесь с ней долго беседовала заведующая отделом народной поэзии Ангелина Константиновна Мореева. Творчество Антроповой было подвергнуто серьёзной критике. В частности, А.К. Мореева обратила внимание на то, что Антропова очень много использует устаревшие слова и выражения из старых песен и былин. «А многие старые выражения теперь уже не подходят: они безнадежно устарели. Новая жизнь требует и новой мысли...» – заявила она.

Мореева посоветовала Олимпиаде Васильевне писать песни. После этого разговора О.В. Антропова перестала интересоваться сказами, а взялась за песни. Сначала появилась песня «Ой, да ты соловушка», за ней – «Как на зорьке». Первыми исполнителями этих песен стали хор колхозников из сельхозартели «По пути Ильича» и хор при Черевковском Доме культуры. Обе песни пришлись по душе и в других районах Архангельской области, а песня «Как на зорьке» заняла прочное место в репертуаре Государственного Северного русского народного хора. За этими песнями последовали и другие. Тексты и ноты песен неоднократно переиздавались: песня «Как на зорьке» издавалась девять раз, «Во саду есть калина» публиковалась четырежды – Архангельским домом народного творчества, журналом «Советская музыка» и дважды в сборниках Музгиза. Так Олимпиада Васильевна стала песенницей-самоучкой.

В сентябре 1950 г. О.В. Антропова приехала в Москву в третий раз. Она была приглашена на Всесоюзный слёт песенников – участников художественной самодеятельности. Всего на слёте присутствовало 40 песенников. От Архангельской области в работе слёта принимала участие и А.Я. Колотилова. С самодеятельными песенниками работали такие известные композиторы и знатоки музыкального творчества, как В.И. Мурадели, С.В. Аксюк, А.П. Копосов, Д.С. Васильев-Буглай и другие. На совещании присутствовали и участвовали в обсуждениях видные писатели и поэты.

Участники слёта привезли в Москву свои новые песни. Вокруг этих песен и была организована работа слёта. Занятия проводились в четырёх бригадах под руководством вышеупомянутых композиторов. О.В. Антропова занималась в группе Сергея Васильевича Аксюка. Выразительность и правдивость образов, народность музыкальной речи, своеобразие, свежесть и доступность мелодии, полноценное раскрытие текста – вот те требования, которые предъявляли участники слёта при оценке песен.

Сначала Олимпиада Васильевна ощущала себя не в своей тарелке: «Я чувствовала себя на первых порах как-то неловко: будто я в чужих санях сижу... Не могла я понять...: для чего я нужна слёту. Чувствовала я себя маленькой капелькой в море»¹⁶. Но постепенно стала осваиваться. Особенно после того, как С.В. Аксюк после прослушивания одной из песен задал Антроповой вопрос: «Скажите, Олимпиада Васильевна, каково Ваше мнение об этой мелодии?» От неожиданности О.В. Антропова покраснела, но собралась и пропела тот кусочек мелодии, который показался ей неумело взятым из другой, известной песни, добавив: «Сравнивайте, Сергей Васильевич!» И композитор согласился с ней. С этого момента песенница стала чувствовать себя на слёте как дома.

На слёте Олимпиада Васильевна спела свою новую песню «Во саду есть калина». В журнале «Советская музыка» композитор Аксюк, рассказывая о работе слёта, писал: «Сказительница О. Антропова (Архангельская область) привезла в Москву свою песню "Во саду есть калина". Строгий, величавый распев этой песни был отмечен всеми участниками слёта»¹⁷.

Быстро пролетели дни слёта. Участники встречались с композиторами и поэтами Москвы. С большим интересом песенники выслушали выступления поэта Михаила Исаковского и композитора Исаака Дунаевского. В заключение были организованы радиоконцерт и выступления участников слёта и деятелей искусства Москвы. Предоставили слово и Олимпиаде Васильевне. Она выступала сразу же после поэта Сергея Михалкова. На весь Советский Союз прозвучали слова черевковской песенницы и сказительницы, произнесённые со сцены Всесоюзного Дома звукозаписи:

«Первые мои сказы были созданы во время Великой Отечественной войны. Они посвящены волнующим событиям под Сталинградом, отважным героям Красной Армии. Они были одобрены на смотре художественной самодеятельности Архангельской области в 1944 году и тогда же напечатаны в областной газете. Из участников этого смотра была составлена концертная бригада, которая много выступала перед воинами Красной Армии. Я также попала в эту бригаду и под впечатлением поездки на фронт сложила для хора с баяном песню "Материнский наказ".

Сейчас я продолжаю работать над новыми песнями и сказами. На смотре художественной самодеятельности нашей области были исполнены мои сказы о пятилетке, о лесонасаждении и орошении полей. Мои песни об уборке урожая – "Соловушка", "Как на зорьке" и "Во саду есть калина", сложенная к 70-летию товарища Сталина, исполняются нашим сельским хором колхоза "По пути Ильича" Черевковского района Архангельской области.

Вся моя жизнь тесно связана с песней. С детских лет любимая русская песня сопровождает меня всюду – в поле и в избе, в труде и на отдыхе. <...> К самостоятельному творчеству меня побудили замечательные произведения сказительницы М.С. Крюковой, под влиянием которых я сложила свои первые сказы.

Высокой оценкой моей работы явилось признание моего творчества профессиональными хорами русской народной песни. Свои сказы и песни я слышу в исполнении Северного хора под управлением Колотиловой и Архангельского областного хора. Почти все мои песни поёт колхозный ансамбль самодеятельно-

сти нашего села Черевково, в котором я принимаю участие уже 25 лет. Любовь и уважение односельчан – для меня высшая награда за мой песенный труд»¹⁸.

О.В. Антропова вернулась из Москвы окрылённая. Её тут же вызвал к себе секретарь Черевковского райкома партии Пётр Иванович Пуляев. «Ну, что, – смеясь, сказал он, – у вас в Москве, я слышал, соловьиный слёт был?» Песенница рассказала Пуляеву о слёте, о своих впечатлениях, а на прощанье тот сказал: «Раз ты, Олимпиада Васильевна, зарекомендовала себя соловьиной роднёй, помоги нам создать новую песню. И у нас в районе и по всему Северу великие дела творятся, новые люди растут, новая техника на Север пришла, а песни настоящей про это ещё не придумано».

Олимпиада Васильевна продолжила творческие поиски. Не всё получалось, были и ошибки, и неудачи, но на помощь всегда приходили самые разные люди, с уважением относившиеся к её творчеству. Это и черевковский учитель-словесник Василий Егорович Куделин, и сотрудница областного Дома народного творчества Александра Павловна Белозёрова, и певец Борис Аркадьевич Айзин, и композитор Пётр Фёдорович Кольцов, в обработке которого вышла большая часть песен Антроповой. При содействии и помощи этих людей родились песни «Лесная», «В лесном посёлке», «Девичья хороводная», «На большое счастье розу посадила» и многие другие.

Но в 1955 г. произошло событие, круто изменившее жизнь Олимпиады Васильевны. В октябре она была приглашена в Архангельск, в областной Дом народного творчества, на встречу самодеятельных композиторов с поэтами-песенниками и композиторами-профессионалами. Присутствовали композиторы П.Ф. Кольцов, В.А. Лаптев и С.А. Чернобай, поэты О.З. Думанский, В.П. Мусиков, Ф.П. Ширшов.

Композиторы советовали самодеятельным песенницам, как приступать к напеву мелодии, внимательно выслушали их рассказы о том, как они создают песни. Похвалили, что самодеятельные композиторы в своих напевах не отходят от традиций родного Севера. Общение с профессионалами оказалось весьма полезным для О.В. Антроповой и её коллег.

Но когда заговорили поэты, то Олимпиада, по её словам, «не знала куда и глаза девать». Оказалось, что творят песенницы, что бог на душу пошлёт, ограничиваясь простой рифмовкой. Как вспоминала позже Олимпиада Васильевна: «Так мне было стыдно, что я не знала, как на людей взглянуть... Всё, что я выдумала, писала, пела и читала со сцены, показалось мне столь мизерным, что у меня пропало всякое желание продолжать дело, которому я посвятила почти всю сознательную жизнь»¹⁹.

Так бесцеремонно и бестактно поэты далеко не первого и даже не второго ряда (достаточно сказать, что ни у одного из вышеперечисленных поэтов, участников совещания, не было никакого литературного образования) навсегда отбили у О.В. Антроповой охоту сочинять песни. Следует напомнить, что одиннадцатью годами ранее то же самое совершила и заведующая отделом народной поэзии Всесоюзного Дома творчества А.К. Мореева, подвергшая резкой критике сказы, сложенные Олимпиадой Васильевной.

Трудно сказать, чем мог бы обернуться сознательный отказ Олимпиады Васильевны от сложения сказов и сочинения песен, если бы она перестала заниматься пением в художественной самодеятельности колхоза и черевковского Дома культуры. Но в своей книге она писала: «Нет, видно, до последних сил не расстанусь я со своим любимым делом, с песней! Каждый вечер видят черевковцы, как в любую погоду – в грязную осеннюю распутицу и в студёный тридцатиградусный мороз – бредёт куда-то старая женщина. Но те же черевковцы-земляки видят чуть попозже, что бреду я не напрасно: на сцене я им такую паву изображу в хоре ли, в хороводе ли или в чтении, что сами же они снова и снова просят повторить тот или иной понравившийся им номер»²⁰.

Позже О.В. Антропова по состоянию здоровья была вынуждена переехать к дочери в Вологду, где и скончалась в возрасте 76 лет. Давно уже исчезли деревни Сидоровой Едомы, хотя по-прежнему стоит Едомская Введенская церковь, где когда-то в церковном хоре пели отец и дочь Василий и Олимпиада Копыловы. В Фонограммархиве Института русской литературы в Санкт-Петербурге бережно хранятся звукозаписи Василия Андреевича Копылова и его брата Демида, а в московской консерватории – магнитофонные записи более чем двадцати песен в исполнении Олимпиады Васильевны Антроповой.

¹ Антропова О.В. С песней – в народ. Архангельск, 1958. С. 24.

² Экспедиция Е.Э. Линёвой на Устью. Публикация Д.В. Смирнова. // Живая старина. 2009. № 1. С. 44.

³ Там же. С. 44-45.

⁴ Рукописный отдел Института русской литературы (далее – ИРЛИ). Р.5. Колл. 34.

⁵ Фонограммархив ИРЛИ. Колл. Линёвой. № ФВ-2547-01, 2548-01, 2549-01, 2550-01, 2595-01.

⁶ «Замкнутыми» специалисты-этномузыкологи условно называют ансамбли певцов, которые поют всегда в одном и том же составе и редко допускают участие других исполнителей

⁷ Двадцать русских народных песен в звукозаписях Е. Линёвой, М. Пятницкого, З. Эвальд, Е. Гиппиуса. Сборник. Составление, нотирование и общая редакция Е.В. Гиппиуса. М., 1979. С. 5-6.

⁸ Антропова О.В. Сказы о новой жизни // Советская музыка. 1950. № 12. С. 48.

⁹ Антропова О.В. С песней – в народ. С. 8.

¹⁰ Там же. С. 29-30.

¹¹ Стуков В. Хор колхозников готовится к поездке в Москву // Колхозный путь. 1939. № 55. 26 мая.

¹² Смотр народных талантов // Правда Севера. 1944. № 24. 4 февраля.

¹³ Антропова О.В. С песней – в народ. С. 12.

¹⁴ Железнодорожники в Великой Отечественной войне 1941-1945. / Под ред. Н.С. Конарева. М., 1987. С. 236.

¹⁵ Антропова О.В. С песней – в народ. С. 23-24.

¹⁶ Там же. С. 26.

¹⁷ Аксюк С.В. Песни художественной самодеятельности // Советская музыка. 1950. № 12. С. 46.

¹⁸ Антропова О.В. Сказы о новой жизни. С. 48.

¹⁹ Антропова О.В. С песней – в народ. С. 39.

²⁰ Там же. С. 40.

Часть IV. ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРИЯ СЕВЕРА

В.Г. Захаров

КОНСТАНТИН БОГОЛЕПОВ – ПОДВИЖНИК ИЗ ТОПСЫ

О священнике Топецкого прихода Константине Ивановиче Боголепове мне впервые довелось узнать из «Архангельских епархиальных ведомостей» начала 1890-х гг., в которых он неоднократно публиковался. А позднее там же я прочёл проникновенный некролог по поводу его безвременной кончины. Меня заинтересовала судьба этого неординарного человека, ушедшего из жизни в неполные 33 года и оставившего след не только в памяти современников. К.И. Боголепов принадлежал к интеллигентской части православного духовенства, проявлял интерес к этнографии и собиранию северного фольклора, являлся корреспондентом Русского Географического Общества.

Согласно записи в метрической книге Райбальского прихода, Константин Иванович Боголепов родился 15 сентября 1863 г. Его родителями были пономарь того же прихода Иван Поликарпович Боголепов и законная жена его Марфа Семёновна¹. К сожалению, автором статьи о нашем герое в пятом томе Поморской энциклопедии допущена ошибка: годом его рождения указан 1857 год. При этом ссылка на источник сделана правильно, но он невнимательно прочитан. Попутно замечу, что здесь же неверно указана дата выхода в свет сочинения К. Боголепова «Свадебный обычай крестьян Кургоминского правления Архангельской губернии Шенкурского уезда» в журнале «Живая старина». Оно было опубликовано в третьем выпуске журнала за 1899 г., а не в 1903 г., как значится в тексте работы².

В 1873-1879 гг. Константин Боголепов обучался в Архангельском духовном училище. В свидетельстве о его окончании записано, что «препятствий к поступлению в сельские учителя не имеется». Очень хорошие оценки ученик Боголепов имел по предметам: объяснение богослужения с церковным уставом, церковное пение. Далее он продолжил образование в Архангельской духовной семинарии, полный курс которой окончил в 1885 г. В октябре того же года был посвящён в сан священника и определён в Кодемский приход Шахановской волости Шенкурского уезда. Приход был небольшой, отдалённый и считался одним из самых бедных в уезде. 6 октября 1886 г. в нём была открыта церковно-приходская школа, законоучителем и учителем в которой безвозмездно стал служить Константин Боголепов³.

Общаясь с прихожанами, молодой священнослужитель начал интересоваться устным народным творчеством, записывать услышанные от местных крестьян сказки, загадки, свадебные и хороводные песни, заговоры, фиксировать наблюдения этнографического характера. Итогом этой работы стала рукопись «Разные сведения, заимствованные из местного быта жителей, населяющих Шахановскую волость Архангельской губернии в Шенкурском уезде» объёмом

117 листов. В 1887 г. её автор был отмечен серебряной медалью Русского Географического Общества. Н.Е. Ончуков в сборнике «Северные сказки» опубликовал 11 сказок, записанных священником К.И. Боголеповым. Среди них «Мужик и чёрт», «Иван Запечин», «Соломенный купец», «Сестрица просела», «Рыбы головы» и др.⁴

Последняя из названных сказок по-своему замечательна. В ней говорится о бедном мужике, который узнал о месте, где зарыт клад с золотом, но никак не мог до него докопаться. И вдруг некий голос сообщил ему, что он сможет получить желаемое, если отдаст голову, а чью, не уточнил. Надумав отдать голову сына, мужик рассказал всё жене и попросил приготовить на завтра рыбник. Та испекла его из мелких рыб. Добравшись с сыном до места клада, мужик решил подкрепиться. Рыбы головы из пирога он откидывал в сторону... пока не услышал: «Довольно мне, мужик, твоих голов, бери клад и иди домой»⁵. Мораль этой сказки можно истолковать по-разному. Вспоминается народная поговорка: голь на выдумки хитра.

В книге Н.Н. Виноградова «Заговоры, обереги, спасительные молитвы и прочее» помещены 8 заговоров из вышеупомянутого труда К.И. Боголепова. Они не новы: «Как унять кровь», «От ожогу», «Чтоб любили и уважали люди», «Присушивать, кто кого любит» и т.д.⁶

С октября 1888 г. местом службы К.И. Боголепова стал Топецкий приход того же уезда. В отличие от Кодемского, это был большой приход на правом берегу Северной Двины. На его территории находились 24 деревни и проживали около 1,5 тыс. жителей. В 5 верстах от Топсы находилось волостное село Кургомень.

В январе 1890 г. К.И. Боголепов закончил интересный этнографический материал. Его полное название «Свадебный обычай крестьян Кургоминского правления Архангельской губернии Шенкурского уезда на границе с Вологодской губернией, что на Северной Двине». Эта работа интересна тем, что автор подробно прослеживает цепочку событий, предшествующих бракосочетанию молодых людей в данной местности. Отдельно останавливается он на описании одежды девушек, пришедших на девичник, и отмечает такую местную особенность: «На ногах [у девушек] сапоги, как у мужиков, с высокими каблуками, каковые сапоги называются бахилами (сапожек здесь не носят совсем)»⁷.

А далее автор описывает поведение невесты в ожидании жениха и то, как обычно бывает организован его приезд. «Жених приезжает к невесте со всеми ребятами своего околотка: чем больше их, тем лучше считается свадьба, причём ребята всегда приезжают к жениху первыми на верховых лошадях и прямо едут к нему на поветь, где их встречает жених. По приезду к жениху уже в телеге посажёного отца и читается благословение родителей жениха к начатию дела, что всегда сопровождается выпивкой. После сего едут гусем к невесте, причём жених с посажёным отцом едут всегда позади»⁸.

Примечательно, что К.И. Боголепов, не раз наблюдая церемонию свадебного обряда, сумел подробно записать содержание плачей с особенностями местного говора. Вот как начинается плач, адресованный родителям невесты с просьбой о благословении: «Схожее ты солнышко, да сударь солнышко ба-

тюшко, дай ты мне благословеньице идти на чужую сторону, и твоё то благословеньице будет по воде правителем и по земле сохранителем».

И ещё два любопытных наблюдения. «После благословения родителей невесту ведут за стол к жениху, который берёт её за привязанный к её руке платок и, обведши её вокруг себя три раза, садит её между сватьей и собой. Теперь подходит к столу мать невесты, неся братыню воды и поверх её платок, который дарит жениху. Жених, взявши платок, сыплет в братыню деньги, после чего мать уходит с братыню в другую комнату, где, выпивши воду из братыни, снова подходит к жениху и отдаёт деньги, говоря: "У нас непродажно". После этого выходят из-за стола и, помолившись Богу, отправляются для бракосочетания. После венца сватьи окручают невесту, т.е. плетут ей две косы. При этом примечают, которая сватья раньше заплетёт косу – женихова или невестина: если женихова – то молодой будет большаком над молодой, а если невестина, то молодая будет управлять молодым»⁹.

Священник Константин Боголепов не был чужд и общественных проблем. Одним из человеческих пороков, требующих осуждения, он считал пьянство. Как известно, этот вопрос живо обсуждался в русской публицистике второй половины XIX в., и не удивительно, что представителям просвещённого духовенства была близка эта тема. В «Архангельских епархиальных ведомостях» К.И. Боголеповым было напечатано «Поучение о распространённости пьянства и пагубности его». В назидательной форме, на конкретных жизненных примерах автор показывает несовместимость пьянства с образом жизни истинно православного христианина. При этом он называет вещи своими именами и напрямую обращается к верующим в надежде, что будет услышан.

Поучение начинается так: «Кто ныне не пьёт вина? Пьют мужчины, пьют женщины, пьют старики, пьют взрослые, пьют даже маленькие дети. Пьяниц стало столько, что не сочтёшь. Многие приучились ныне пить вино везде и всегда. Где только и при каких случаях многие не напиваются ныне? Возьмём для примера обыденную жизнь и порядки. В последнее время завелось такое обыкновение, что ни в хозяйстве, ни в соседстве, ни в обществе почти никакое дело не обходится без вина. Вот купил один сосед у другого скотину, хозяйственную вещь какую, или что другое; помолились Богу и сейчас же за вино! И что же? На водку израсходуют столько, что и сама купленная вещь иногда того не стоит!»¹⁰.

Может показаться, что автор намеренно обостряет проблему. Но, возможно, он уловил общественную тенденцию. В чём нельзя усомниться, так это в искренности пишущего. «Оглядитесь, православные, на себя и на всех, кто пьянствует! До добра пьянство никого не довело, до худа всех, а кого если ещё не довело, навверное доведёт. Сколько людей честных сделались плутами, обманщиками? Сколько людей стало уродами, калеками? Сколько пьяниц опилось, помёрзло? Сколько людей сидит в тюрьмах и работает в страшных каторжных работах? И всё это из-за того, что стали пьяницами...»

Известно, что часть населения Топецкого прихода составляли старообрядцы. И священник Боголепов не преминул по долгу службы упрекнуть их в несоблюдении благочестия: «...Где ревнителю старого благочестия – староверы?

Они небось, в этих случаях первыми ползут к водке со своими глубокими чашками!..» Хотя известно, что семьи старообрядцев отличались строгостью нравов, и именно из их среды, как свидетельствуют записи в метрических книгах конца XIX в., было больше всего долгожителей.

Далее автор продолжает: «Пьянство так расстраивает здоровье человека, что может даже считаться медленным самоубийством. Пьяница не только расстраивает своё здоровье, но и оказывает вредное влияние на здоровье своих детей, внуков и всего рода. Пьянство, как и многие другие болезни, иногда передаётся родителями детям. Таким образом, пристрастившиеся к водке не только губят себя, но и после себя оставляют детей, которым придётся страдать от наследственной расположенности к пьянству»¹¹. Эти написанные 125 лет назад назидательные строки, увы, и в наше время не потеряли своей актуальности.

В июле 1896 г. священник Топецкого прихода К.И. Боголепов получил указ о перемещении в Лисестровский приход Архангельского уезда, но уехать туда ему не довелось. 29 июля отец Константин в очередной раз стал отцом: жена родила ему двух дочерей. Роды, по всей видимости, прошли не вполне благополучно. А в начале августа пошатнулось здоровье главы семейства. С ним случился эпилептический припадок, который повторялся потом много раз. 17 августа К.И. Боголепов скончался, и 19 августа был погребён «в церковной ограде прямо алтаря Николаевской церкви»¹².

Однако на этом трагедия семьи Боголеповых не заканчивается. На следующий день «от слабости» умирает дочь священника Раиса, трёх недель от роду, а 23 августа та же участь постигла её сестру-близнеца Серафиму. В довершение несчастий 15 сентября от родильной горячки умирает вдова священника Галина Яковлевна Боголепова, 29 лет. Сиротами остались пятеро детей, старшему из которых было 10 лет.

Без малого 8 лет священник К.И. Боголепов служил в Топецком приходе, являясь законоучителем Топецкого сельского училища и заведующим местной школы грамоты. Он был членом благочиннического совета V шенкурского благочиния, трижды избирался на епархиальный съезд духовенства. За усердие по службе имел набедренник и скуфью. И особенно потрудился над украшением топецких храмов¹³.

¹ Государственный архив Архангельской области. Ф. 29. Оп. 42. Д. 412. Л. 253 об.-254.

² Болгова О.Н. Боголепов Константин Иванович // Поморская энциклопедия. Т. 5. Города, районы, люди Архангельского Севера. Архангельск, 2016. С. 262.

³ Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Архангельск, 2015. С. 169.

⁴ Северные сказки (Архангельская и Олонецкая гг.). Сборник Н.Е. Ончукова (Записки Императорского Русского Географического Общества по Отделению Этнографии). Т. XXXIII. СПб., 1908. № 67-77. С. 177-198. В дальнейшем цитируем по новейшему переизданию: Северные сказки. Сборник Н.Е. Ончукова. СПб., 1998.

⁵ Северные сказки... № 72. С. 263.

⁶ Виноградов Н.Н. Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч. Вып. 3. СПб., 1910. С. 3-6.

⁷ Боголепов К.И. Свадебный обычай крестьян Кургоминского правления... // Живая старина. 1899. Вып. 3. С. 386.

⁸ Там же. С. 386-387.

⁹ Там же. С. 388.

¹⁰ Боголепов К.И. Поучение о распространённости пьянства и пагубности его // Архангельские епархиальные ведомости (далее – АЕВ). 1894. № 22. С. 646-647.

¹¹ Там же. С. 649-650.

¹² Виноградовский районный исторический музей. КП 642. Л. 144.

¹³ О[тец] Константин Боголепов [Некролог] // АЕВ. 1896. № 16. С. 450-453.

С.М. Соколов

СВЯЩЕННИК АЛЕКСАНДР ВЯЧЕСЛАВОВ: СУДЬБА МИССИОНЕРА

Вячеславы – известная династия православных священнослужителей Вологодской епархии в XVIII–XX веках. О семье священника Матвея Вячеславова из Верхней Уфтюги уже рассказывалось в одном из предыдущих сборников «Двинская земля»¹. Судьба же его старшего сына была настолько необычной, что заслуживает более подробного описания.

Александр Матвеевич Вячеславов родился 28 августа 1884 г. по старому стилю в Верхней Уфтюге Сольвычегодского уезда Вологодской губернии (ныне – Красноборский район Архангельской области). Его отец прожил недолгую жизнь (умер в 1900 г.), но за 16 лет службы священником оставил добрую память о себе среди местных жителей. Матушке Александре пришлось одной растить пятерых детей. Тем не менее Александр Вячеславов получил образование, традиционное для детей духовенства тех лет – в 1900 г. он заканчивает Устюжское духовное училище, а в 1906 г. – Вологодскую духовную семинарию, причем в первом разряде, то есть среди лучших учеников.

29 августа 1906 г. он был определен на диаконскую вакансию к Георгиевской Кобыльской церкви Никольского уезда. В этом не было ничего необычного: будущие священники после окончания семинарии обычно в течении одного-двух лет служили псаломщиками или диаконами. Перед рукоположением в сан диакона Александр Матвеевич Вячеславов женился на Вере Варфоломеевне Поповой, дочери священника Спасо-Преображенской Пырской церкви Сольвычегодского уезда. Ей тогда было 19 лет, она закончила Великоустюжское епархиальное женское училище² и работала учительницей Сольвычегодской церковно-приходской образцовой мужской школы³.

21 ноября 1906 г. Александр Вячеславов был рукоположен в сан диакона и начал службу в Георгиевской Кобыльской церкви Никольского уезда. Однако не прошло и полтора года, как его жизнь круто изменилась, о чем свидетельствует его послужной список⁴: «В 1908 г. 1 февраля указом Св. Синода определен на службу в Алеутскую Епархию. В 1908 г. 14 мая рукоположен в сан иерея с

назначением к Ситкинскому собору на Аляске и преподавателем Ситкинской Духовной Семинарии».

Видимо, было несколько причин такого решения. Жизнь сельского духовенства всегда была непростой, а в условиях всеобщего кризиса 1905-1907 гг. и снижения религиозности крестьян перспективы начинающего священника могли показаться туманными. Предположительно, возникли какие-то проблемы в семейных отношениях, так как жена не поехала с ним на Аляску. На решение стать миссионером мог повлиять пример Тихона Шаламова (отца известного писателя), служившего на Аляске в 1893-1904 гг., и чьи выступления в Вологде наверняка слушал семинарист Александр Вячеславов.

К тому времени Русская православная миссия в Америке имела богатую историю. С 1898 по 1907 гг. Алеутскую и Аляскинскую епархию возглавлял епископ Тихон (Белавин), будущий патриарх Московский и всея Руси. С его именем связывают начало быстрого развития русских православных приходов в Америке.

Александр Вячеславов служил под руководством епископа Иннокентия (Пустынского), уроженца Вологодской губернии. Свои впечатления о жизни на Аляске и интересные подробности о жизни православных миссионеров он описал в «Письме из Америки», опубликованном в Вологодских епархиальных ведомостях в 1911 г.⁵ Приведем несколько фрагментов этой статьи:

«Православная церковь в Аляске состоит главным образом из туземцев: алеутов, эскимосов, колош и др. инородцев, и отчасти из русских людей, оставшихся в Аляске со времени обладания ею Россией. Около церкви прихожан бывает обыкновенно очень мало. Приходится ездить священнику по приходу, раскинутому иногда на сотни миль и более, и совершать требы и службы церковные на месте жительства прихожан...

Пути сообщения в Аляске очень неудобные и притом единственно водные. В зимнее время пароходы в другие приходы заходят раз в месяц, а в некоторые и во всю зиму не заходят и держат через то жителей их отрезанными от всего цивилизованного мира. Немногим миссионерам выпадает на долю счастье пользоваться пароходами с их неправильными рейсами и готовыми оставить миссионеров на всю зиму на каком-либо острове, вопреки всякому желанию там остаться...

Но и такой пароходный способ, с опасными для жизни приключениями, кажется прекрасным и удобным для миссионеров, в сравнении с тем, каким пользуются обыкновенно миссионеры, а именно пешее хождение, езда на собаках и водный – байдарки или маленькие лодки. <...> Ходить приходится по горам, покрытым льдами и чаще снегом, или по вязким болотам и тундрам.

Спутниками иерея в таких путешествиях являются псаломщик, большую часть туземец, а иногда еще и переводчик, если эту должность не может нести псаломщик. Однажды местный благочинный Аляски получил рапорт от иеромонаха (вологодского уроженца) о совершении им пешком путешествия за 206 миль по ледяным горам, со многими приключениями и ушибами тела.»

С большой теплотой Александр Вячеславов отзывается о миссионерах-володжанах – епископе Иннокентии (Пустынском), протоиерее Александре

Кедровском, священнике Тихоне Шаламове: «Его Кадьякский бывший приход и теперь повторяет: "не было да и не будет у нас такого батюшки, как о. Тихон". Недаром, значит, живя с ним, они гордо и уверенно говорили: "у нас самый лучший батюшка в Аляске". Живое и огненное проповедывание слова Божия, в чем о. Тихон не имел равных себе в Аляске, защищение своею грудью чад духовных от притязаний американских кулаков торговцев, бодрость и неустрашимость при всех опасных миссионерских путешествиях, высоко подняло о. Тихона в глазах прихожан. Высшая власть справедливо и достойно оценила его труды на пользу миссии».

Автор отмечает такую важную особенность службы миссионеров, как независимость от подаяний прихожан: «Обеспечением духовенству служит казенное жалованье. Доходов нет никаких. Чувствуешь без них себя при исполнении треб прекрасно».

К моменту опубликования «Письма из Америки» Александр Вячеславов уже служил настоятелем Архангело-Михайловской церкви города Сент-Луиса (штат Иллинойс). Согласно послужному списку, в 1915 г. он был назначен благочинным Иллинойского округа. Был награжден набедренником (1910), скуфьею (1913), камилавкою (1915). В 1916 г. А. Вячеславов был представлен к ордену Св. Анны III степени «за самоотверженную ревность в устройении приходо-храмов и кладбищах в штате Иллинойс, за умелое руководство подчиненным ему духовенством и за полное бескорыстие». Для сравнения интересно отметить, что на родине таким орденом священников обычно награждали за 12-летнюю службу благочинным или 25-летнее законоучительство. Таким образом, продвижение по служебной лестнице еще довольно молодого священника было весьма быстрым.

Сохранилось свидетельство⁶, что Александр Вячеславов приезжал в Верхнюю Уфтюгу перед Первой мировой войной. После нескольких лет на чужбине он встретился с матерью, сестрой Марией и братьями. Он помог матери построить новый дом, нанял мужиков для постройки первого в Верхней Уфтюге тротуара, соединившего родительский дом с церковью.

Младший брат, Николай Матвеевич Вячеславов, в то время служил священником в местной церкви. В дальнейшем о. Николай был переведен в Троицкую Устьевдскую церковь рядом с Красноборском, был благочинным. В 1932 г. арестован, приговорен к пяти годам концлагерей. Дальнейшая его судьба неизвестна, домой он уже не вернулся.

После 1917 г. Александр Матвеевич Вячеславов фактически оказался в эмиграции. В 1917-1924 гг. он служил в Сиэтле, в храме Св. Спиридона. Этот период его жизни был для него, пожалуй, самым тяжелым. Революция в России стала катастрофой для всей православной миссии в Америке: священники перестали получать жалованье, практически оборвалась связь с церковным руководством.

В начале 1920-х гг. о. Александр помогал прибывающим из России многочисленным эмигрантам, число которых превышало 6 тысяч. Он оказывал им моральную поддержку, помогал найти жилье и работу. Прихожане очень любили и уважали своего пастыря. В 1923 г. они подали прошение митрополиту

Платону о награждении о. Александра золотым наперсным крестом. В этом прошении его называли выражением идеала православного священника Святой Руси. «Не ограничиваясь богослужениями, отец Александр... пожертвовал своей личной жизнью, чтобы помочь нам в наших разных повседневных нуждах... как адвокат, защитник, которого мы понимаем и кто понимает нас так, как не может самый мягкосердечный и гуманный иностранец»⁷.

Дальнейшая судьба Александра Матвеевича Вячеславова прослеживается уже не так детально. С 1924 г. (по другим данным – с 1923 г.) по 1931 г. он являлся настоятелем Свято-Троицкого кафедрального собора в Чикаго. В этот период возведен в сан протоиерея. А. Вячеславов известен как основатель и первый редактор ежемесячного журнала «Наш путь», выходившего в 1927-1943 гг. Также он принимал участие в работе Национального русского христианского студенческого союза в США⁸. С 1923 г. являлся администратором русских православных церквей в Канаде⁹.

Последним местом службы протоиерея Александра Вячеславова был Свято-Троицкий собор в Сан-Франциско (1931-1938 гг.). Этот собор являлся кафедральным собором штата и играл большую роль в жизни русских эмигрантов. В 1927-1931 гг. кафедрой занимал епископ Алексей (в миру Александр Аполлонович Пантелеев), земляк А. Вячеславова (он родился в деревне Новодворская Сольвычегодского уезда в 1874 г.), и наверняка он сыграл не последнюю роль в перемещении о. Александра на это место службы. К сожалению, каких-либо подробностей о службе А. Вячеславова в этот период найти не удалось, однако его имя упоминается в списке выдающихся настоятелей этого храма в XX в.¹⁰ Интересно, что в летопись этого храма он вошел под фамилией А. Vyacheslavov-Mattison. Остается только гадать о причинах такой смены фамилии.

Александр Матвеевич Вячеславов умер 7 апреля 1938 г. Его сестре Марии в Верхнюю Уфтыгу высылались документы на наследство, но она отказалась от него в пользу государства¹¹.

На сайте familysearch.org можно найти некоторые документы 1920-х гг., связанные с А.М. Вячеславовым, в частности, регистрационные карты. Свое семейное положение тогда он указывал так: женат, жена Вера Вячеславова живет в России. Конечно, вряд ли они к тому времени поддерживали какие-то отношения. Предположительно, до революции Вера училась в Санкт-Петербурге, затем где-то преподавала. Разорвать официальный брак тогда для нее было невозможно, да и не имело большого смысла, так как наверняка она получала от мужа материальную поддержку. Однако после революции сам факт брака со священником-эмигрантом пришлось тщательно скрывать даже от самых близких людей.

Вера Варфоломеевна вышла замуж за Феофила Филипповича Ахминова, уроженца Великого Устюга, и в этом браке в 1921 г. у них родился сын Герман. Жизнь его сложилась довольно необычно. В годы войны он попал в плен, участвовал в Русском Освободительном Движении генерала А.А. Власова, остался жить на Западе. Стал известным немецким журналистом и политологом, опубликовал сотни статей и более десяти книг по теории и практике коммунизма, социологии революций.

Согласно биографии Германа Ахминова, в начале 1920-х гг. их семья жила в Архангельске, а в 1923 г. переехала в Ленинград. Мать, Вера Варфоломеевна, работала учительницей в школе № 15 (бывшем Тенишевском училище, воспитанниками которого были О. Мандельштам, В. Набоков и другие известные люди). Герман Ахминов знал, что мать была дочерью священника, знал ее девичью фамилию (Попова), однако некоторые его утверждения выглядят очень спорно, например: «Очень одаренная, она была одной из немногих русских женщин, которые получили университетское образование при царе... И это даже не все, чего она достигла. Она была также, если я правильно информирован, одной из первых русских женщин, возведенных в дворянство, благодаря ей самой, а не благодаря замужеству, то есть за ее собственные достижения на гражданской службе»¹².

В.В. Ахминова умерла в 1948 г. в Ленинграде. Ее связь с Александром Вячеславовым так и остается тайной даже для ее родственников, о чем свидетельствует хотя бы родословное дерево Поповых на сайте myheritage.com.

¹ Лапина Г.Н. Уфтюга православная // Двинская земля. Вып. 7. Котлас, 2013. С. 282-283.

² Великоустюгский центральный архив (ВУЦА). Ф. 364. Оп. 1. Д. 502.

³ Адрес-календарь Вологодской губернии на 1904-1905 годы. Вологда, 1904. С. 124.

⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 436. Д. 1558.

⁵ Вячеславов А. Письмо из Америки // Вологодские епархиальные ведомости. 1911. № 16. Прибавления. С. 380-386.

⁶ Томилова Т. Мой православный род // Двиняне: Сборник докладов конференции «За веру пострадавшие». Красноборск, 2016. С. 16.

⁷ Historical Perspective Orthodoxy in Seattle // The Orthodox Vision. 2004. Vol. 10. № 1. P. 6-11. [Электронный ресурс.] Код доступа: <http://dowoca.org/files/vision/spring2004.pdf>

⁸ Протоиерей Александр Вячеславов. [Электронный ресурс.] Код доступа: http://zarubezhje.narod.ru/av/v_073.htm

⁹ Хисамутдинов А.А. Кто есть кто в истории русского Сан-Франциско. Владивосток, 2015. С. 26.

¹⁰ A Brief History of Holy Trinity Cathedral. [Электронный ресурс.] Код доступа: <https://holy-trinity.org/about/history.html>

¹¹ Томилова Т. Указ. соч.

¹² Дойков Ю.В. Немецкий социолог – Герман Ахминов. Архангельск, 2006. С. 36.

Н.Л. Перова

ДВА СВЯЩЕННИЧЕСКИХ РОДА: ОБРАЗЦОВЫ И ТРУБАЧЕВЫ

Данная работа является продолжением статьи «Священники Котласской земли, за Христа пострадавшие», опубликованной в 10-м выпуске сборника «Двинская земля»¹.

В 2014 г. Ольга Владимировна Григорьева, правнучка о. Иоанна Трубачева, написала заявление в Региональное управление ФСБ по Архангельской области

с просьбой предоставить сведения о ее прадеде, и получила ответ, что он был расстрелян 6 ноября 1937 г., впоследствии реабилитирован². Узнав из уведомления, что он служил в Котласском храме, нашла через интернет телефон храма и позвонила, попросив разрешения установить на храме памятную доску со словами: «В этом святом Храме служил священник Иоанн Трубачев, принявший мученическую кончину 6 ноября 1937 года за веру Христову».

Епископ Василий, Котласский и Вельский, дал согласие при наличии доказательств данного факта. Отцу Алексею (Некрасову) мною были предоставлены неопровержимые доказательства: копии архивных документов, в том числе клировых ведомостей за 1906 и 1913 гг. из Великоустюгского центрального архива. Поскольку нашлись родственники иерея Иоанна Трубачева, удалось созвониться и заочно познакомиться с Ольгой Владимировной Григорьевой. Нашлось и фото о. Иоанна с матушкой Клавдией в семейном альбоме их внуков.

Памятную доску на Стефановском храме установили, с благословения Владыки Василия, в мае 2017 г. Тогда же правнучки священника Иоанна Трубачева, Ольга Григорьева и Екатерина Блинова, впервые приехали в Котлас почтить память своего прадеда. Екатерина приезжала еще раз в том же году на день расстрела 6 ноября. В ноябре 2018 г. обе правнучки вновь были в Котласе на день скорби, решив приезжать ежегодно.

Татьяна Первушина – неравнодушный человек, интересующийся историей храма, сообщила мне, что в Котласе проживают родственники служившего здесь священника Николая Образцова, и что она «нашла в храме среди служебных книг старую Богослужебную книгу, на страничке которой надпись: "Котласской Стефановской Церкви настоятеля прот. Николая Образцова, декабря 2 дня 1951 г."».

Из «Отчета Уполномоченного по религии за II квартал 1952 г.» было известно, что в это время «настоятелем Котласской церкви служит Образцов Н.П». В одной из газет говорилось, что в 1944 г. вновь открылась Устьевская церковь, настоятелем которой стал вернувшийся из ГУЛАГа протоиерей Николай Павлович Образцов, и помещено фото священника. В работе Е.О. Студенцовой «Восстановление церковной деятельности в г. Котлас в 1947-1950 гг.» упоминалось, что на место переведенного в Красноборск о. Владимира Жохова в Котласский храм был назначен протоиерей Николай Петрович Образцов. Встал вопрос, где истина: в газете Николай Павлович, в статье Е.О. Студенцовой – Николай Петрович. Лишь позднее выяснилось, что они являются двоюродными братьями.

Прошу Татьяну Первущину устроить встречу с Ниной Михайловной Образцовой. Через несколько дней Татьяна сообщает, что Нина Михайловна согласилась на встречу, дала номер своего телефона. И добавляет: «Посмотрела фото о. Николая Образцова. Они с матушкой Клавдией Трубачевой не родня, случайно? Очень похожи». Отвечаю, что у меня нет таких данных. А вечером звонит Ольга Григорьева и сообщает новость: ее прабабушка Клавдия, жена о. Иоанна Трубачева, в девичестве – Образцова!

Из ее рассказа: «Я вспомнила, что мама передала мне альбом с репродукциями 100 известных картин, как семейную реликвию, который достался ей от ее дяди – Николая Трубачева (сына о. Иоанна). Достала его, внутри альбома-

переплета была надпись золотыми буквами "П. Образцов". В кармашке альбома было два письма от Николая Трубачева к своей племяннице Римме, где говорится о дяде Проне, о его просьбе не разъединять репродукции картин и не продавать альбом».

В 1929 г. в Советском Союзе был выпущен альбом «Художественные сокровища СССР»³. В него входили репродукции картин Третьяковской галереи, Эрмитажа и Музея Изящных Искусств. Целью выпуска альбома было повышение интереса советской общественности к искусству, как к одному из факторов народного просвещения. Правительство считало необходимым, чтобы каждый рабочий и крестьянин в СССР могли видеть, знать и правильно оценить выдающиеся произведения мирового искусства. Поскольку непосредственное ознакомление с подлинниками великих мастеров не всегда и не всем возможно, коллектив художников-общественников приступил к изданию больших цветных репродукций с выдающихся произведений живописи. К каждой репродукции прилагалось описание картины: информация об авторе произведения, истории его создания, о жанре, особой манере изображения, свойственной только этому художнику; понимание эмоций, «сокрытых» в картинах.

У Николая Трубачева, как и у Прокопия Образцова, не было детей. Поэтому он передал семейную реликвию своей племяннице, в соответствии с желанием Прокопия передавать альбом по женской линии сделав на альбоме памятную надпись: «Любимой племяннице Римме Скрябиной. 10.X.1967. Н. Трубачев».

Ольга Григорьева продолжает: «Николай пишет Римме, что репродукции попали к нему после смерти дяди Прони, что в кармашке передней корки альбома есть переписка редакции с Образцовым П.П. Что без нее и без знания их родословной, кем приходится им П. Образцов, надпись на альбоме "П. Образцов" будет непонятна». Тогда у Ольги возник вопрос: «А причем здесь Образцов, и кем он приходится нам? И кто такой дядя Проня?» В результате поисков она вышла на личный сайт М.В. Исупова (он из рода Образцовых), и поняла, что ее прабабушка Клавдия Петровна Трубачева – в девичестве Образцова.

На сайте Ольга нашла сведения о священнике Петре Афиногеновиче Образцове. Среди его детей была Клавдия, дата ее рождения совпадала с датой рождения матушки Клавдии Трубачевой в клировой ведомости по Котласской Стефановской церкви. У нее были две сестры: Лидия и Ольга; и три брата: Николай, Василий и Прокопий, которого вполне могли дома звать Проня.

В кармашке альбома оказалась почтовая карточка с адресом, куда пришел альбом с репродукциями картин – станция Шарья, приемный покой. Ольга недоумевала, почему в приемный покой: может, он болел и лежал в больнице? Еще она нашла в журнале «Вологодские Епархиальные Ведомости» за 1906 г. сведения о рукоположении в сан священника Николая Образцова. И подумала, что, возможно, это брат Клавдии, так как совпадали отчества.

Священник Николай Петрович Образцов родился в 1880 (1881) г. в Великом Устюге. Его отец, Петр Афиногенович Образцов, священник Устюжского Прокопиевского собора, родился 2/14 ноября 1853 г., мать – Серафима Николаевна Образцова. Семья проживала в Устюге. Братья и сестры Николая Петровича⁴:

- Клавдия Петровна. Родилась в 1882 г. Окончила Епархиальное женское училище.

- Александра Петровна. Родилась примерно в 1883 г. Окончила Епархиальное женское училище.

- Василий Петрович. Родился примерно в 1885 г. Учился в Устюжском духовном училище.

- Прокопий Петрович. Родился примерно в 1887 г. Учился в Устюжском духовном училище.

- Лидия Петровна. Родилась примерно в 1894 г.

- Ольга Петровна. Родилась примерно в 1899 г.

Николай Петрович обучался в Вологодской Духовной Семинарии, которую закончил в 1903 г. Был учителем Гамской образцовой церковно-приходской школы Яренского уезда. 24 октября 1906 г. рукоположен в сан священника.

Протоиерей Николай был дважды судим по ст. 58 УК, провел в лагерях десять лет. После освобождения служил в храмах Великого Устюга и города Никольска. С 1944 г. служил в Троицкой церкви Красноборска, откуда был переведен в Котласскую Стефановскую церковь 4 мая 1949 г. на место протоиерея Владимира Жохова, отправленного в Красноборск.

К месту своего нового назначения отец Николай добирался из Архангельска на теплоходе «Добролюбов». 11 мая из села Семеновское, ныне Двинской Березник, он послал срочную телеграмму Уполномоченному по делам религий: «Ввиду болезненного состояния мне 69 лет прошу оставить меня в Красноборске, если нужно могу предоставить медицинское свидетельство». Но просьба его была оставлена без внимания⁵.

Протоиерей Николай был благочинным церковью 2-го округа Архангельской епархии. 17 декабря 1953 г. Николай Прокопьевич умер от гангрены ноги в Котласской больнице. Вот как о смерти священника сообщил «Журнал Московской Патриархии»: «17 декабря 1953 года после тяжелой и продолжительной болезни скончался в г. Котласе состоявший на покое благочинный Церковью 2-го округа Архангельской епархии протоиерей о. Николай Петрович Образцов. Протоиерей Н.П. Образцов родился в 1880 году в г. Устюге в семье священника. Образование получил в Вологодской духовной семинарии, которую окончил в 1903 году, и через три года принял священный сан. В последнее время, будучи уже больным, он, с трудом передвигая ноги, все-таки приходил в храм и совершал богослужения. Трогательно простились с почившим его сослуживцы и вся его паства. От Преосвященного Феодосия, епископа Архангельского и Холмогорского, была получена телеграмма с выражением соболезнования»⁶.

Нина Михайловна Образцова при нашей встрече рассказала: «У родителей Николая Петровича был большой деревянный дом в Устюге. Жена его, матушка Лидия, была из купеческой семьи. Они жили недалеко от Устюга, в селе. Николай Петрович рано овдовел, жена умерла в третьих родах. Больше не женился. Детей было трое: старшая дочь Галина и два сына: Борис и Серафим. Борис уехал в Ярославль, Серафим остался в Устюге, работал на щетинной фабрике. Николай Петрович очень болел после десяти лет, проведенных в лагерях.

Дочь его, Галина, была очень грамотной, закончила гимназию, получила прекрасное образование, знала французский язык, но на работу никуда не брали, как дочь «врага народа»: она не отказалась от отца, в отличие от сыновей. Вкусила все тяготы «дочери врага»: была на Финской войне, работала на лесоповале, была в «плавучей тюрьме» – водила плоты, лес сплавляла, была ограничена в общении.

Работала ассенизатором в Красноборске, помогала братьям. Как дочь «врага народа» была сослана в Печору в 1946-47 годах. Там вышла замуж за репрессированного украинца Василия. Когда закончился ее срок, они уехали на Украину, в Мариуполь. Там муж вскоре умер. Галина осталась одна, с маленькими детьми на руках, в чужом месте, с чужими людьми. Николай Петрович, по состоянию здоровья, не смог сам поехать за дочерью. Он послал за ней дьячка, который и привез Галину с детьми: с дочерью Людмилой и сыном Николаем, примерно в 1950 году. С этого времени Галина жила с отцом, ухаживала за ним. В 1953 году Николай Петрович умер, хоронила его дочь Галина.

Опять осталась одна с двумя маленькими детьми. Боялась, все фотографии семейные, где с отцом, прятала. Жили очень бедно. Несмотря на прекрасное образование, на работу не брали, смогла устроиться только истопником. Помогал им Прокопий – брат отца. Он работал в туберкулезном госпитале врачом и жил там же, при госпитале. Детей у него не было, и он помогал материально своей племяннице Галине.

Жили очень тяжело, бедно, в старом доме вместе со свекровью, во Временном переулке. Это была крошечная старая хибара, бывший хлев. Углы промерзали зимой. Так жили до 1979 года, пока не получили квартиру. Конечно, была большая радость. Переехали вместе со свекровью, так всю жизнь вместе и прожили. Галина была очень интеллигентной, образованной, очень сдержанной. Очень любила внуков»⁷.

Нина Михайловна сохранила фотографии молодых Николая и Лидии Образцовых, фото Прокопия. А в газету закралась ошибка: на фото был Николай Петрович Образцов, а подпись: Павлович. Нина Михайловна узнала фотографию – это было фото из семейного архива, сохраненное ее свекровью, дочерью протоиерея Николая Петровича Образцова. Кроме того, Нина Михайловна рассказала, что они с Николаем (внуком о. Николая Образцова) справили свадьбу на деньги, которые перевел им Прокопий.

Из писем Ольга Григорьева поняла, что Николай и Прокопий переписывались и общались. Екатерина Блинова вспомнила, что ее отец, внук иерея Иоанна Трубачева, рассказывал, что его дядя Николай часто вспоминал «дядю» Проню. Итак, все сложилось: Прокопий Образцов – дядя Проня; почтовая карточка, пришедшая на приемный покой, объяснима – он был врачом и жил при госпитале. Теперь стало очевидным, что матушка Клавдия Трубачева и о. Николай Образцов – родные брат и сестра.

Нина Михайловна продолжает рассказ: «Дочь Николая, Галина, сохранила фамилию отца, ее дочь Людмила и внучки Анастасия и Татьяна, наши с Николаем дочери, также Образцовы. Мой муж – Николай, сын Галины, был очень

похож на своего деда, всю жизнь носил бороду, имел такой голос, что все говорили – вам бы в церкви служить».

На встрече в ноябре 2018 г., посвященной памяти расстрелянных священников, встретились и познакомились потомки Образцовых и Трубачевых: Нина Михайловна Образцова, Ольга и Екатерина из рода Трубачевых. Встреча прошла в гостях у Нины Михайловны в теплой, по-семейному уютной обстановке.

Рассматривая случившееся с сыном о. Иоанна, Николаем, можно сказать, что ему еще повезло. Николай родился в Котласе в 1903 г. С 1927 г. он трудился в Приводинских судоремонтных мастерских. В 1936 г. окончил в Ленинграде курсы инженеров по газходам и пользовался репутацией хорошего специалиста. После ареста отца был уволен. Целый год не мог устроиться на работу: не брали, как «сына врага». Смелый человек – журналистка Н. Виноградова – написала в 1938 г. разгромную статью, назвав виновниками издевательства над Николаем Трубачевым директора Приводинских мастерских Сивкова и «его компанию». В статье она призывала немедленно восстановить Трубачева на работе, а виновников наказать⁸. Очевидно, этого не произошло, и Николай Трубачев был вынужден покинуть родные места и уехать в Чувашию (город Алатырь), где в дальнейшем работал начальником пристани. Племянник Николая Трубачева Юрий, сын его младшей сестры Евлалии, сохранил вырезку со статьей Н. Виноградовой до наших дней.

В поисках сведений о семье Трубачевых я приехала в Приводино, в местную администрацию. Мне дали телефон Александры Николаевны Горяевой, которая собирает сведения по истории приводинских храмов. После встречи с Александрой Николаевной выслала ей по электронной почте имеющиеся у меня материалы и фотографии о. Иоанна Трубачева и его сына Николая. Вскоре Александра Николаевна сообщила: «На фото, которое вы послали, мой муж узнал друга своего отца – Николая Трубачева. Его родители и семья Николая дружили, часто гостили друг у друга. У нас есть фотография, где родители моего мужа и Николай».

Итак, в Приводино живет Владимир Викторович Горяев, который помнит Николая Трубачева. Его отец, Виктор Андреевич Горяев, работал вместе с Николаем, они дружили семьями. Виктор Андреевич был неординарным человеком – писал картины маслом, занимался фотографией. В Котласском краеведческом музее есть его карандашные зарисовки Котласа 1932 г. Был радиолобителем, собирал радиоприемники. По разработанному им проекту на берегу курьи был построен собственный дом с четырехскатной крышей, который и сегодня не потерял своей привлекательности, украшая улицу Водников. Виктор Андреевич пел, играл на гитаре, на гармонии и мандолине. Владимир Викторович рассказывает, что «дядя Коля» часто бывал у них дома. Вместе отдыхали, пели и музицировали⁹.

Очевидно, они сдружились на этой почве: Николай также был одаренным человеком, играл в духовом оркестре, на кларнете и других инструментах. Будучи уже в преклонном возрасте, виртуозно играл на фортепиано и записывал ноты для игры на кларнете. Сохранились его нотные тетради. Их и кларнет –

необычный, с серебряными клавишами, Николай передал как семейную реликвию своему племяннику Юрию.

Племянник Николая, Юрий Дмитриевич Онучков, рассказал, что Николай был тапером – аккомпаниатором при показе «немого» кино. Музыка должна была сделать такой фильм запоминающимся, заставить зрителя с головой погрузиться в происходящее на экране. Музыкальное сопровождение менялось каждую минуту: ведь оно передавало атмосферу фильма, характер героя, погоду и так далее. Приходилось импровизировать. Таким виртуозным пианистом-импровизатором и был Николай Трубачев.

Обосновавшись в Алатыре, Николай звал своего друга Виктора к себе, сохранилась их переписка. Неизвестно, по какой причине отъезд не состоялся, но Владимир Викторович помнит разговоры о переезде. Владимир Викторович и Александра Николаевна Горяевы приезжали в Котлас на встречу, проведенную в духовно-просветительском центре, посвященную дню памяти расстрелянных священников. Здесь они познакомились с правнучками отца Иоанна Трубачева.

Умер Николай Трубачев в возрасте за 90 лет. А дочери о. Иоанна Трубачева жили далеко и не пострадали. «При себе никого нет, – говорит согласно протоколу допроса о. Иоанн, – сын Николай проживает в Приводино, работает в Заречье рабочим, дочери Милица и Евлалия находятся в г. Слободском Кировской области, замужем, Зинаида и Елизавета в Казани».

Все дети о. Иоанна и Клавдии Трубачевых получили хорошее образование, наделены различными талантами. Ольга рассказывает, что все в роду по женской линии были рукодельницы: хорошо шили, вязали, вышивали. Передался дар дочерям, внукам и правнучкам. Внук Юрий Дмитриевич Онучков был летчиком, а когда по состоянию здоровья не смог летать, выучился на электрика. Занимается радиоделом, уже в преклонном возрасте изучил компьютер. Внучка Римма знает немецкий и французский. Обо всех не написать: со слов Ольги Владимировны Григорьевой, память о И.А. Трубачеве хранят четверо внуков, десять правнуков, семнадцать праправнуков.

Так тесно переплелись судьбы двух священнических родов: Трубачевых и Образцовых. В их судьбах много общего: о. Николай и о. Иоанн рано овдовели. Оба остались с малолетними детьми на руках. Оба пострадали от власти. Сын о. Иоанна и дочь о. Николая пострадали безвинно. Образцовы и Трубачевы жили в одном городе, практически рядом: Трубачевы на ул. Ленина, д. 46, Образцовы на ул. Ленина, д. 12-а (флигель), бывший Временный переулок. В годы лихолетий разлетелись потомки кто куда и потеряли всякую связь. Нашлись через восемьдесят лет! А помогла любовь Прокопия Петровича Образцова к искусству.

¹ Перова Н.Л. Священники Котласской земли, за Христа пострадавшие // Двинская земля. Вып. 10. Котлас, 2017. С. 360-373.

² Справка из Регионального управления ФСБ РФ по Архангельской области от 24 марта 2014 г. № 82/10/П-15022.

³ Художественные сокровища СССР. М., 1929.

⁴ Личный сайт Исупова Михаила Васильевича, потомка рода Образцовых. Код доступа: <http://www.isupov69.ru/sites/default/files/family/family-tree/Obraztsov-Petr-Afinogenovich.htm>

⁵ Студенцова Е.О. Восстановление церковной деятельности в г. Котлас в 1947-1950 гг. // Двинская земля. Вып. 10. Котлас, 2017. С. 385.

⁶ Летопись церковной жизни. Памяти почивших // Журнал Московской Патриархии. 1954. Март.

⁷ Устный рассказ Образцовой Нины Михайловны, жены внука протоиерея Николая Образцова, названного в честь деда Николаем.

⁸ Виноградова Н. За что уволен Трубачев. / Вырезка из неизвестной газеты. Личный архив автора.

⁹ Устный рассказ Горяевой Александры Николаевны, пересказанный со слов ее мужа, Горяева Владимира Викторовича.

Часть V. МУЗЕЙНОЕ ДЕЛО НА СЕВЕРЕ

Д.Л. Горынцев

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СОЛЬВЫЧЕГОДСКОГО МУЗЕЯ С МЕСТНОЙ ВЛАСТЬЮ В 1920-е гг.

Сольвычегодский историко-художественный музей – уникальное учреждение культуры, о котором написано множество научных трудов. Город Сольвычегодск без музея даже не мыслится. Связь между ними крепка и неразрывна. Основу этой связи заложил в 1919 г. первый директор музея Илья Иванович Томский – человек с активной гражданской позицией. Именно он первым обратил внимание сольвычегодской общественности на особую историческую и культурную значимость родного города. Но насколько необходимо это было горожанам и местной власти в тяжелых условиях голода, «военного коммунизма», гражданской войны и интервенции? Что они могли от этого получить? Насколько судьба Сольвычегодска и его жителей отличалась от судьбы других старинных русских городов?

Октябрьский переворот 1917 г., с одной стороны, дал шанс разрушить «старый» и построить «новый» мир, в котором «кто был ничем, тот станет всем», а с другой – сохранить то, что имеется, чтобы потомки наглядно сравнили эти два «мира». Поскольку в сохранении «старого мира» в чистом виде мало кто был заинтересован, музей в этом отношении мог прекрасно решить данную задачу в пользу новой жизни. Дополнительным условием продвижения к «светлому будущему» можно считать базирование в Сольвычегодске кронштадтских моряков из состава Северо-Двинской речной флотилии, у которых было свое миропонимание по поводу «старины глубокой».

Серьезное опасение за судьбу этой старины в свете указанных обстоятельств побудило любителя-археолога И.И. Томского обратиться в Сольвычегодский уездисполком с предложением создать при Уездном комитете народного образования Подотдел по музейным делам и охране памятников искусства и старины. Учитывая, что надлежащих специалистов в Сольвычегодске не числилось, а Томский таковым был, инициативу одобрили и предложили автору идеи возглавить данный Подкомитет, а также музей. Соответствующие бумаги Уездисполком оформил быстро, определив под помещение музея неиспользуемый прихожанами северный придел Благовещенского собора. Музей открылся в День международной солидарности трудящихся в 1919 г.

Управлялся музей Советом музея, в который согласно положению входили: заведующий музеем, председатель Сольвычегодского райисполкома, секретарь Сольвычегодского райкома партии, члены райисполкома, председатель сольвычегодского краеведческого общества и секретарь местного райпроса. Личный состав музея по штату Губоно состоял из заведующего музеем (до 1 марта 1923 г. Илья Иванович Томский, а с 1 марта 1923 г. – Владимир Антонович Еш-

килев), одного научного сотрудника и двух технических служащих – сторожей музея и Благовещенского Собора.

В 1920 г. музей получил богатое собрание художественных произведений, составивших картинную галерею. Летом 1921 г. И.И. Томский отправился в экспедицию по деревням Верхней Пинеги, из которой привез множество предметов старины. На следующий год экспедиция продолжила работу. Собранный исторический материал негде было хранить и экспонировать, поэтому Сольвычегодский горсовет принял решение о выделении под музей части помещений «Дворца Труда имени В.И. Ленина» (бывший дом купцов Пьяновых). Это было правильным решением, поскольку данное здание само являлось памятником архитектуры XVIII в. и числилось на учете Главмузея.

В 1923 г. решением Сольвычегодского Уездисполкома и Сольвычегодского горсовета на основании Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви, принятого Совнаркомом 20 января 1918 г., Постановления ВЦИК 2 февраля 1922 г. «О ликвидации церковного имущества» и Постановления ВЦИК 16 февраля 1922 г. «Об изъятии церковных ценностей для реализации на помощь голодающим» под музей целиком передали Благовещенский собор и Введенский монастырь. Такое расширение площадей позволило организовать в музее 6 отделов: древнерусского искусства, этнографии с подотделом народного кустарного промысла, комнату имени Строгановых, картинную галерею, естественно-исторический отдел с сельскохозяйственным подотделом, и отдел революции местного края. Наиболее богатыми считались отдел древнерусского искусства, основу которого составили ризницы Благовещенского собора, Введенского монастыря и сольвычегодских церквей, а также картинная галерея. Кроме этого, при музее имелась библиотека научно-справочного характера на 1350 томов, фотографический и исторический архивы. Основу последнего составили дела Сиротского суда, Городского Магистрата, Городской Думы и Городского старосты.

23 августа 1923 г. декретом Совнаркома РСФСР Сольвычегодский музей признан имеющим общегосударственное значение. На Третьей конференции научных учреждений РСФСР в Ленинграде 3 апреля 1926 г. ученый секретарь Центрального Бюро Краеведения (ЦБК) Даниил Осипович Святский в своем докладе из всех краеведческих учреждений Северо-Двинской губернии особо выделил именно Сольвычегодский музей, как имеющий большое значение для губернии. Такой статус обязывал местную власть относиться к музею с особым вниманием и уважением, но все произошло с точностью до наоборот.

Основная причина такого положения дел – финансовая. С момента признания общегосударственной важности музея он был взят на государственное обеспечение и напрямую финансировался из Москвы, но с 1925 г. Москва перевела финансирование музея на губернский бюджет. Учитывая, что посетители за осмотр экспозиций денег не платили, музей не только не приносил никакой прибыли местной власти, а стал тяжелой обузой для бюджета. Вследствие этого в 1920-х гг. музей оставался единственным государственным учреждением Сольвычегодска, не имевшим электрического освещения. Заведующий музеем неоднократно обращался по этому вопросу в Горсовет, в ведении которого на-

ходила электростанция, но получал только обещания решить проблему. Местная власть ссылалась то на отсутствие технических условий для подключения, то на слабую мощность электростанции, то на дефицит проводов. Вследствие этого приходилось пользоваться керосиновым освещением, что было и накладно, и весьма чревато в плане пожарной безопасности.

Еще хуже дела обстояли с ремонтом зданий Благовещенского и Введенского соборов. Крыша последнего проржавела настолько, что давала сильную течь. Это уже грозило обрушением сводов и гибелью ценнейшего архитектурного памятника Севера. Несмотря на неоднократные письменные ходатайства музея, ни Москва, ни Великий Устюг на ремонт зданий средств не выделяли. Горсовет, который первым должен быть заинтересованным в сохранении соборов, проблему также не решал.

С переходом музея на местный бюджет штат его научных сотрудников пришлось сократить с двух до одного и значительно урезать финансирование научной работы. На приобретение новых экспонатов не выделялось никаких средств, поэтому иногда очень ценные вещи проходили мимо музея. Не было денег даже на приобретение расходных материалов для фотографирования этих вещей. Для охраны музея в штате имелись всего два технических работника – сторожа музея и собора. Введенский монастырь, за неимением средств на наем сторожа, оставался совсем без охраны, что грозило неблагоприятным исходом.

На тяжелое материальное положение музея указал Губоно и Третий Сольвычегодский районный съезд Советов. В ответ Губоно предложило музею самому изыскать возможности увеличить специальные средства, что, в принципе, в условиях НЭПа было возможно. Однако, заведующий музеем В.А. Ешкилев в отчете по исполнению сметы за 1926 г. указал, что по приходу из Губбюджета выделено 1030 рублей, что меньше суммы, выделяемой Москвой, на 428 рублей, а специальных средств в означенном году поступило всего 25 рублей. Это всего лишь два процента бюджета музея, причем данные средства имели случайный характер поступления, и опираться на них в перспективе как на постоянный источник доходов было нельзя.

В расходной части сметы на зарплату выделялось 758 рублей, на отопление – 139 рублей, на хозяйственные расходы и ремонт – 65 рублей, на канцелярские и почтовые расходы – 21 рубль, на научные расходы – 27 рублей, на выпуск литературы – 40 рублей (в 1925 г. на эту статью расходов Госбюджет выделил 65 рублей), на приобретение инвентаря – 5 рублей. Последняя статья расходов озадачивала, поскольку большинство экспонатов размещались на простых деревянных щитах и подоконниках, что «помимо порчи не исключало возможность их похищения».

В проведение научной работы музеем также постоянно вставлялись «палки в колеса». Например, в 1927 г. по рекомендации секретаря ЦБК профессора Ивана Михайловича Гревса была начата работа по теме «Топографо-историческое описание Сольвычегодска XVIII-XIX веков»: изучение прежних названий улиц города с примерным нанесением их на современный план. Для этой работы имелся в наличии прекрасный архивный материал в виде городских обывательских книг и прочих исторических источников, но совершенно неожиданно му-

зей встретился с непредвиденным препятствием. Для изучения топографии города и сличения ее с современной планировкой необходимо было ознакомиться со старинными планами Сольвычегодска времен Екатерины Великой, хранящимися в местном Комхозе. Когда В.А. Ешкилев обратился туда с просьбой выдать на время необходимые для изучения материалы, то получил неожиданный ответ завкомхоза, что планы не могут быть выданы без специального разрешения Губернского отдела местного хозяйства (ГОМХ). Музей обратился в ГОМХ с официальным запросом на разрешение выдать старинные планы и получил краткий маловразумительный ответ: «ГОМХ не считает возможным дать вам разрешение на выдачу просимых вами планов города Сольвычегодска», без дополнительных объяснений.

Благодаря такому своеобразному отношению Северо-Двинского ГОМХ к настойчиво рекомендованному центральными органами изучению истории родного края, музей оставил начатую в этом направлении работу и предпринял другую, не менее интересную, по поиску подземного хода из Благовещенского собора в Введенский монастырь, о существовании которого упорно твердила народная молва. Но эту работу тоже пришлось быстро свернуть по причинам полнейшей незаинтересованности местной власти в этом вопросе, отсутствия финансирования и специалистов-археологов.

Много внимания музей уделял делу охраны памятников искусства и старины на территории бывшего Сольвычегодского уезда. Их печальное состояние В.А. Ешкилев подробно осветил в статье «Забытые памятники Севера», опубликованной в 1926 г. в Архангельске. На сохранение этих памятников, в основном церквей, никаких средств в бюджете не предусматривалось.

Самой тяжелой не только для музея, но для всего города была проблема состояния береговых укреплений на Вычегде. По этому поводу музей неоднократно отправлял в Москву докладные и исторические записки с приложением сметы расходов на ремонт. Благодаря этой настойчивости, в 1924 г. Главнаука и Северо-Двинского губисполком выделили ассигнования общей сложностью 6000 рублей. На эти средства под непосредственным наблюдением приглашенного петроградского архитектора Зикфрида (Григория) Яковлевича Леви отремонтировали только наиболее угрожающую обрушением часть обрубков у Благовещенского собора. На ремонт остальной части линии береговых укреплений средств не осталось.

Еще одной головной болью музея, растянувшейся на десятилетия, стало изъятие музейных ценностей. В 1922 г. в Сольвычегодск прибыла из Великого Устюга Особая губернская комиссия по изъятию, которая реквизировала из музея в фонды Гохрана весьма ценные предметы – вклады Строгановых в Благовещенский собор, среди которых, например, икона Донской Богоматери письма истомы Савина XVI в., Евангелие в серебряном с золотом окладе 1689 г., золотой крест Аники Строганова и много других. Все эти экспонаты, по слухам, поступили в Московскую Оружейную Палату. Поскольку, кроме списка взятых экспонатов, члены комиссии никакой документации не оформили, чем нарушили Инструкцию об изъятии, В.А. Ешкилев обратился в Музейный отдел Наркомпроса РСФСР. Музейный отдел ответил телеграммой за № 1964-22, заве-

ренной заведующей отделом Натальей Ивановной Седовой-Троцкой, о недопустимости такого отношения к Сольвычегодскому музею.

16 октября 1925 г. В.А. Ешкилев обратился в Оружейную Палату с просьбой сообщить, имеются ли вышеперечисленные экспонаты в Палате и можно ли их вернуть Сольвычегодскому музею «как неправильно у него взятые». Ответа от Оружейной Палаты так и не дождались. Директор музея неоднократно обращался с просьбой о содействии по данному вопросу в Сольвычегодский горсовет и Сольвычегодский райком партии. Местная власть на словах помочь соглашалась, но реальной помощи в решении вопроса не оказывала.

Исходя из выше сказанного, стоит озадачиться вопросом: нужен ли был музей местной власти, если она его не опекала должным образом? Как бездонная бюджетная дыра – конечно, нет, поскольку денежной платы за вход с посетителями музей не взимал. А в отношении престижа? В отчетах музея, города и Сольвычегодского района всегда подчеркивалось, что число экскурсий и одиночных посетителей ежегодно растет. Так, например, в 1925 г. музей посетили 9443 человека, в том числе 114 экскурсий с 2315 участниками; в 1926 г. зарегистрировано 12627 посетителей, в том числе 134 экскурсий с 7071 участвовавших в них. Выходит, что музей был нужен, и не на положении «пасынка».

Музей явно приносил городу и району большую пользу. Важно было, чтобы местные власти это осознали и оценили по достоинству, изменив свое отношение к музею. Так в конце концов и произошло, но лишь спустя столетие.

Источники и литература:

1. Архив Котласского краеведческого музея. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3. Е.х. 1. Л. 1-49.
2. Великоустюгский центральный архив. Ф. 43. Оп. 1. Д. 639. Л. 62 - 66 об.
3. Декреты и инструкции об учете и охране памятников старины и природы. М., 1924.
4. Декрет Совета Народных Комиссаров «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» 23 января 1918 года // Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 18. Ст. 263.
5. Ешкилев В.[А.] Забытые памятники Севера // Бюллетень Северо-Восточного областного бюро краеведения. Вып. 2. Архангельск, 1926.

Е.В. Зорина

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ВЕЛИКОУСТЮГСКОГО МУЗЕЯ, 1925-1941 гг.

В ноябре 1918 г. постановлением президиума Северо-Двинского губисполкома в Великом Устюге был открыт Музей северодвинской культуры. О музее и людях, работавших в нём, уже написан ряд статей. Данная работа продолжает начатую тему.

В 1925-1941 гг. музей неоднократно менял своё название. В 1926 г. он стал называться Северо-Двинским, в 1933 г. – Северо-Двинским научно-исследовательским краеведческим, в 1937 г. – Северо-Двинским краеведческим базовым, в 1941 г. – Великоустюгским районным краеведческим музеем.

Для решения текущих дел проводились заседания коллегии музея. Кроме сотрудников музея, в коллегия входили представители административных органов, разных учреждений и учебных заведений. Летом 1929 г. коллегия музея была распущена, и на основании распоряжения Главного управления научными, научно-художественными и музейными учреждениями Народного комиссариата просвещения от 19 июля 1929 г. создан совет музея, позже переименованный в научно-методический совет¹.

К 1925 г. в штате музея было четыре человека: Н.Г. Бекряшев (заведующий музеем с декабря 1924 г.)², Э.Ф. Глезер (научный сотрудник и помощник заведующего) и два сторожа. Из-за малочисленности сотрудники не успевали выполнять все обязанности. Заведующий музеем к тому же вёл возлагаемую на него губернским отделом народного образования неоплачиваемую работу по судебной экспертизе (сличение почерков)³.

1 февраля 1933 г. был утверждён новый штат: заведующий, 2 научных сотрудника, 2 сторожа, фотолаборант. На работу в музей были приняты Е.С. Мансветова и В.В. Комаров, но в 1932 г. ушла Э.Ф. Глезер, служившая музейному делу 10 лет. В.В. Комаров – археолог, педагог и краевед, занял должность заместителя заведующего музеем. На него, как специалиста, уже имевшего опыт научной и музейной работы, а также большой педагогический стаж, возложили организацию политехнического краеведческого отдела⁴. Обязанности фотолаборанта исполнял Н.Г. Бекряшев.

Штат музея постепенно увеличивался. Ещё в 1931 г., в связи с возраставшими идеологическими требованиями, Н.Г. Бекряшев обращался в райком с просьбой направить в музей партийного работника. В конце 1934 г. на работу поступил высланный из Харькова профессор Дабудек, но в мае 1935 г. он был уволен по приказу районо. Вместо него прислали Н.А. Короткова, который с 20 июля занял должность заместителя директора. Николай Алексеевич являлся членом ВКП(б), окончил 1 курс института общественного питания. Однако Коротков не смог наладить отношения с работниками музея. На заседаниях методического совета он не раз выступал с критикой в их адрес, обвиняя в неумении и нежелании работать. В музее Коротков работал до 14 ноября 1936 г., а затем уехал в Архангельск.

С 8 февраля 1937 г. заместителем директора музея стал Иван Павлович Сычѳв⁵. В сентябре 1937 г., в связи с ликвидацией Великоустюгского отделения Северо-Двинского общества краеведения, его работник Е.В. Куканова, согласно постановлению Севоблисполкома, была переведена в штат служащих музея научным работником по краеведению.

20 февраля 1938 г. музей понѳс большую потерю – Н.Г. Бекряшев был объявлен врагом народа и арестован. Обязанности директора некоторое время исполнял И.П. Сычѳв, а с 16 октября 1938 г. должность директора занял В.М. Вopilовский. Вениамину Михайловичу было 25 лет, он окончил школу комсомольского партактива, имел среднее образование и специальность техника-топографа. К концу года в музее работали 9 человек (директор, старший научный сотрудник, научный сотрудник, научный работник по краеведению, счетовод-делопроизводитель, завхоз, две техслужащие и ночной сторож). В 1939 г.

из-за маленькой зарплаты уволились Е.С. Мансветова и временно работавший художник. Директор по совместительству вынужден был исполнять обязанности заведующего отделом соцстроительства, заместитель директора одновременно заведовал фондами, один научный сотрудник был заведующим вводным отделом и отделом природы. В 1940 г. в музей пришли два художника и столяр. К июню 1941 г. в штате числилось 12 человек⁶.

Весь рассматриваемый период музей состоял на местном бюджете. В связи с недостаточностью финансирования, работники пытались изыскать дополнительные средства. На одном из заседаний коллегии в феврале 1925 г. Бекряшев предложил для продажи в музее сделать фотооткрытки с лучшими экспонатами музея, внутренним видом залов, интересными видами и зданиями Великого Устюга, картинами центральных и заграничных музеев⁷. Спецсредства, как называли деньги, полученные за вход в музей и от продажи фотоснимков, шли на закупку экспонатов и хозяйственные нужды⁸. Скучное материальное положение музея отмечалось на заседаниях коллегии не раз. 14 мая 1926 г. шла речь о том, что Северо-Двинский музей нуждается, ввиду своего переименования, в новой печати и новом штампе, но средств на их приобретение не имеет⁹.

По мере возможности, музею выделялась материальная помощь от краевого музея, Великоустюгских районного отдела народного образования и районного исполнительного комитета, дотация от Севкрайно¹⁰. В 1934 г. музей получил большую денежную помощь от предприятий Промсоюза. На заводе «Северный труд» на годовом отчётном собрании присутствовали директор музея Н.Г. Бекряшев и научный сотрудник В.В. Комаров. Последний сделал доклад о значении музея, о переустройстве отдела социалистического строительства. В результате доклада коллектив рабочих завода постановил отчислять в помощь музею 2 % от прибыли своего предприятия. Подобные отчисления были сделаны ещё на восьми предприятиях, входивших в систему Промсоюза. Музей в благодарность напечатал специальные билеты и разослал коллективам рабочих для бесплатного посещения музея в течение всего 1935 г.¹¹

Очень низкой была заработная плата сотрудников музея. Особенно ухудшилось положение в 1932 г. Работники музея подали коллективное заявление о сокращении рабочего дня, чтобы иметь возможность подрабатывать. С 1 апреля, в связи с тарификацией минимальных ставок для работников музея, как научного учреждения, зарплаты стали выше, но выдача их часто задерживалась. В 1934 г. зарплата Н.Г. Бекряшева составляла 300 руб., В.В. Комарова – 275 руб., Е.С. Мансветовой – 140 руб., и ещё 45 руб. она получала за выполнение обязанностей делопроизводителя. В последующие годы зарплата незначительно повышалась. Бекряшев и Комаров получали дополнительно за выслугу лет. В 1935-1936 гг. выплачивались «хлебные» надбавки. В 1937 г. Н.Г. Бекряшев по персональной ставке получал 500 рублей¹². Но в конце 1930-х – начале 1940-х гг. финансирование музея по-прежнему оставляло желать лучшего. Заработная плата задерживалась на 10-15 дней. Денег на научные цели и хозяйственные расходы не было.

Долгое время проблемой музея было отсутствие постоянного здания, подходящего под музейные цели. С июля 1921 г. музей располагался в бывшем

доме купца А. Смолина на Советском проспекте, в июле 1929 г. переехал в двухэтажное каменное здание на ул. Виноградова, в котором до этого размещалась школа. В июле и августе 1929 г. экспонаты были размещены только в двух залах нового помещения, лишь в октябре оказалось возможным приступить к оформлению экспозиции. В октябре 1930 г. музей в очередной раз сменил местоположение и занял помещение на ул. Набережной (бывший дом купца Г.В. Усова). Дом находился на учёте сектора науки Наркомпроса. Здание было признано очень удобным для размещения музея. Удобно было и местоположение – в центре города, вблизи от рынка и большинства учреждений, недалеко от пристани¹³.

Специального помещения для фондов музей не имел. Фондовое имущество находилось в разных местах. Экспонаты с наибольшей исторической ценностью хранились в экспозиционных комнатах музея в специально приспособленных витринах и шкафах, часть предметов – в Михайло-Архангельском соборе и церкви Вознесения¹⁴. Сотрудники музея не имели возможности сгруппировать их и начать изучение. Только в 1939 г. по присланной музейно-краеведческим отделом Наркомпроса инструкции начался полноценный учёт.

До середины 1930-х гг. фонды музея пополнялись, прежде всего, имуществом закрытых в городе церквей. Коллегия музея на заседании 8 мая 1925 г. решила, что принимать следует только вещи музейного характера и значения. Число экспонатов музея на 1 октября 1926 г. насчитывало 14448 предметов. Наиболее ценной в материальном и художественном отношении являлась коллекция предметов церковно-археологического отдела. С осени 1928 г., когда приоритетным становится краеведение, закупали, главным образом, местную крестьянскую одежду, старинные предметы деревенского и городского быта, образцы резьбы по кости, чернения по серебру и др. К 1 октября 1930 г. фонды музея насчитывали около 22450 экспонатов. В 1929-1930 гг. поступило значительное количество предметов интерьера (столы, шкафы, стулья и проч.) от ликвидированных учреждений и частных лиц. В 1930-е гг. было приобретено много предметов для отдела социалистического строительства (продукция предприятий города и района, фото, инструменты, модели и т.д.).

Произошли большие изменения и в структуре музея. В 1925 г. музей имел художественный, церковно-археологический, этнографический, естественно-исторический и рукописно-библиотечный отделы, фотоархив, а в мае была организована фотолаборатория. В декабре 1930 г. состоялся 1-й Всероссийский музейный съезд, который поставил музеи на службу социалистическому строительству и призвал перейти от показа вещей к показу идей¹⁵. На первое место были поставлены задачи хозяйственного характера, важное место заняла научно-исследовательская и краеведческая работа, связанная с экономикой района, особое внимание обращалось на развитие естественно-исторического и хозяйственно-экономического отделов. В середине 1930-х гг. была разработана типовая структура краеведческого музея, состоящая из трех экспозиционных отделов – природы и производительных сил, истории и социалистического строительства. Главным считался отдел соцстроительства.

Северо-Двинский музей начал организацию политехнического отдела (отдел соцстроительства) в 1932 г. с создания уголка Красавинской фабрики. На заседании совета музея 10 июля 1932 г. Н.Г. Бекряшев с горечью сообщал, что сектор науки Наркомпроса больше знает и ценит музей, чем почти незнакомый с музеем горсовет и хозяйственные организации. Несмотря на многочисленные просьбы, комиссия, избранная в октябре 1931 г. для разработки вопроса о политехническом отделе музея, не собиралась ни разу¹⁶.

К концу 1933 г. структура музея состояла из сектора общественных формаций с включением революционного и антирелигиозного отделов, политехнического сектора, художественного отдела, библиотеки, фотоархива, фотолаборатории. Политехнический отдел открыли в дни празднования 16-й годовщины Октябрьской революции выставкой, которая довольно полно представляла продукцию местных предприятий. Она была организована совместно с правлением Промсоюза¹⁷. 18 ноября 1933 г. состоялось торжественное заседание, посвящённое 15-летию существования Северо-Двинского научно-исследовательского краеведческого музея и открытию при нём политехнического отдела. Присутствовали представители райкома ВКП(б), райисполкома, общественных и профсоюзных организаций, рабочие предприятий, педагоги и учащиеся школ – всего около 70 человек. Н.Г. Бекряшев сделал краткий доклад об истории музея за 15 лет, В.В. Комаров – о принципах организации и структуры политехнического отдела¹⁸. В 1934 г. создание политехнического отдела на основании действующих программ школы и указаний, данных в журналах «Советский музей» и «Краеведение», закончилось¹⁹. В экспозиции были представлены не только сырьё и продукция, но и производство по этапам, различные модели, муляжи, инструменты, диаграммы, фотографии. Давалось подробное описание процессов производства и история предприятий²⁰.

В 1935 г. был открыт отдел общественных формаций, перестроен историко-революционный отдел, а отдел соцстроительства дополнен значительным количеством новых моделей²¹. 5 декабря 1935 г. состоялось заседание научно-методического совета, на котором присутствовал директор краевого музея В.А. Тонков. Он высказал ряд замечаний по экспозиционной деятельности Северо-Двинского музея. Тонков отметил, что существенным недостатком экспозиции является отсутствие отдела «Природа и производительные силы района», недостаточно представлен отдел соцстроительства, неправильно оформлен отдел революции. Для перестройки музея по установкам музейного съезда «везде нужно красной нитью провести классовую структуру», «всё должно быть пронизано антирелигиозностью»²².

С июля 1937 г., согласно новым идеологическим установкам, началась перестройка отдела соцстроительства по периодам, указанным И.В. Сталиным в его письме составителям учебника по истории ВКП(б). Старший научный сотрудник В.В. Комаров разработал план перестройки отдела, согласно которому «весь материал должен развёртываться под знаменем Великой Сталинской Конституции»²³. Особое внимание в работе музея обращалось на полную согласованность по всем вопросам с местными районными организациями, особенно с райкомом ВКП(б). Прежде чем строить новые экспозиции, работники музея

выезжали для знакомства с музейной техникой, для изучения структуры экспозиций и художественного оформления в музеи Москвы, Ленинграда, Архангельска, Истры, обучались на музейных курсах²⁴.

Большое место в работе музея занимали временные выставки и выставки-передвижки. Одной из самых интересных стала организованная в 1925 г. выставка, на которой экспонировались фотографии Великого Устюга, вновь поступившие предметы и 22 новые картины, переданные из центрального хранилища Государственного музея во время поездки Н.Г. Бекряшева в Ленинград и Москву на 200-летний юбилей Академии наук. Среди авторов картин были такие известные художники, как Айвазовский, Маковский, Шишкин и другие²⁵.

В декабре 1925 г. в музее был создан «военный уголок» из 52 предметов (гранаты, запалы, дистанционные трубки, патроны, снаряды и др.), переданных Управлением Северо-Двинского губернского территориального военного округа. Просуществовал он недолго и в сентябре 1927 г. был расформирован, а все предметы, по просьбе Управления, полностью возвращены²⁶. В феврале 1926 г., после окончания работы выставки, посвящённой 20-летию первой русской революции, организованной совместно с представителем отдела Истпарта Северо-Двинского губисполкома, в музее был создан экспозиционный раздел по истории революционного движения в крае²⁷.

В 1930-е гг. музей устраивал много небольших тематических выставок на политическую, экономическую, сельскохозяйственную, геологическую и другие темы, которые строились на идеологической основе, выполняли пропагандистскую роль, были доступны и понятны для всех посетителей. Кроме комплексов различных предметов, такие выставки дополнялись таблицами, диаграммами, пояснительными текстами. Чтобы привлечь как можно больше новых посетителей, выставки устраивали не только в музее, но и в доме колхозника, в клубах, на предприятиях, в колхозах и совхозах, городском театре и т.д., приурочивая к важным событиям и советским праздникам. В конце 1930-х гг. на каждую выставку составлялся тематический план, который затем утверждался горно и райлитом, после этого организовывался общественный просмотр представителями горкома и райкома ВКП(б), горно, районо и актива города. Отзывы записывались в специальном акте просмотра²⁸.

В конце 1920-х гг. из-за двух переездов сотрудники музея практически не занимались научно-исследовательской работой. В 1930-е гг. эта работа почти полностью была подчинена задачам краеведения. Музейщики изучали революционное движение в крае, историю промышленных предприятий, сельского хозяйства, этнографию, флору и фауну района, участвовали в экспедициях. В результате исследований были составлены карты археологических памятников, полезных ископаемых, плотности населения и другие²⁹. В 1939 г. Е.В. Куканова организовала пункты фенологических наблюдений в Великом Устюге, Марденгском и Нижне-Шарденгском сельсоветах, которые регулярно присылали сведения в музей, а музей, в свою очередь, направлял их в феносекцию НИИ краеведческой и музейной работы. Екатерина Васильевна собирала также фольклорные песни, сказки, пословицы, загадки, и этот материал направляла в Государственный литературный музей, согласно просьбе последнего³⁰.

В 1941 г. В.В. Комаров составил историческую записку по обнаруженным стоянкам доисторического человека у деревень Мармугино, Павшино, Баранов Наволок, и по обследованию кургана у деревень Лукина гора и Пестово в Усть-Алексеевском районе. На имя Комарова, как археолога, от Института истории материальной культуры Академии наук СССР был получен открытый лист с разрешением провести обследование и «лёгкие» раскопки³¹. Подобран был состав членов экспедиции, которая должна была состояться 25 июня, но начавшаяся война помешала осуществлению этих планов.

В 1930-е гг. сотрудники музея руководили всей краеведческой работой в Великоустюгском районе. По мере возможности, принимали участие в съездах и конференциях. Вместо упразднённого Северо-Двинского общества изучения местного края при музее было создано Бюро краеведения. К работе привлекались заинтересованные лица с предприятий, учителя и учащиеся школ, студенты средних учебных заведений. С 1934 г. под руководством В.В. Комарова при музее работал краеведческий кружок в составе 13 комсомольцев, учащихся старших классов средней школы. Ими были написаны 10 краеведческих докладов по истории, географии, экономике края³². С 1938 г. начал работу краеведческий кружок при Доме пионеров. Принимались меры к созданию краеведческих кружков в сельских школах, разрабатывались тематические экскурсии на время летних каникул. В 1941 г. В.В. Комаров разработал 10 маршрутов экскурсий на разные темы, даны были подробные планы к ним, указаны необходимое оборудование и предполагаемые результаты походов. Маршруты были напечатаны в количестве 900 экземпляров и разосланы по всем школам города и района.

В 1925-1941 гг. сотрудники музея вели большую научно-просветительную работу. Они читали лекции и доклады, выступали на радио. В газетах «Красный Север» и «Советская мысль» часто публиковались статьи В.В. Комарова и Е.В. Кукановой, сообщавшие о работе музея: о новых выставках, экспозициях, интересных экспонатах, результатах исследований, экспедиций и т.д.

Музеем активно велась антирелигиозная пропаганда. Ежегодно устраивалась выставка к Пасхе, читались лекции и доклады. Так, в 1938 г. было прочитано 18 лекций на темы: «Задачи Союза воинствующих безбожников», «Опасность войны и религии», «Фашизм и религия» и другие. В.В. Комаров являлся заведующим заочными антирелигиозными курсами. Под его непосредственным руководством было выпущено 13 лекторов и докладчиков, которые вели работу среди населения. В.М. Вopilовский был председателем городского совета Союза воинствующих безбожников (СВБ). В 1940 г. в городе было прочитано 78 лекций и докладов и вновь организовано 30 ячеек СВБ³³.

В 1930-е гг. к музеям предъявлялись требования более тесного сотрудничества со школами. В 1936 г. работа со школами была возложена на Е.С. Мансветову. На основании школьных программ она составила список тем школьных экскурсий в музей, методические пособия, организовала постоянно действующую при музее школьную комиссию. Благодаря этому, школьные экскурсии стали проводиться с привязкой к школьной программе³⁴. Работу со школьниками Е.С. Мансветова проводила и во время каникул. Музей давал от-

дельные экспонаты и целые коллекции школам для наглядной проработки программного материала на уроке.

В 1920-1930-е гг. одной из функций Северо-Двинского музея была охрана памятников архитектуры. Благодаря деятельности работников музея, в особенности Н.Г. Бекряшева, удалось сохранить архитектурный облик Великого Устюга³⁵. В 1937 г. организация охраны древних памятников архитектуры и искусства в городе и окрестностях по указанию представителя отдела по охране памятников революции, культуры и искусства при Президиуме ВЦИК Любимова была передана музею. Все памятники, взятые под государственную охрану, были осмотрены, выявлены их арендаторы, с которыми заключены новые договоры, обязывающие производить необходимый ремонт памятников и своевременно вносить арендную плату. В 1939 г. составлены сметы на ремонт памятников и научное описание каждого из них³⁶.

Музей был довольно популярным культурно-просветительным учреждением в городе. До 1925 г. посетители принимались бесплатно. В 1925 г. впервые были установлены платные дни. Посетители, за исключением экскурсантов и красноармейцев, платили за вход по 5 копеек³⁷. С 1 ноября 1931 г. по предложению Севкрайно была введена входная плата в размере 20 копеек с одиночного посетителя и 10 копеек с учащихся и экскурсантов. В 1932 г. от взимания входной платы решено было воздержаться «ввиду имеющегося в прошлом музея опыта, результаты которого нельзя не признать отрицательными в отношении посещаемости и просветительной работы музея»³⁸. Позже, с 1 марта 1933 г., входная плата была возвращена. Бесплатно музей могли посетить экскурсанты, красноармейцы и работники просвещения. С декабря 1935 г. произошло повышение входной платы: с рабочих и служащих стали брать 40 коп., с учащихся – 20 коп., с организованных экскурсий – 25 коп. с человека. Платными стали лекции: взрослые платили по 50 коп., учащиеся – 25 коп.³⁹

С 1 октября 1926 г. по 1 октября 1927 г. в музее побывали 12818 человек⁴⁰. Общая посещаемость музея в 1930-е гг. составляла от 9 до 13 тыс. чел. (в 1935 г. – 9349 чел., в 1937 г. – 8696, в 1939 г. – 12203, в 1940 г. – 12845 чел.). Увеличивалось количество экскурсий и экскурсантов: в 1935 г. – 196 экскурсий, в 1936 г. – 231, в 1940 г. – 282 экскурсии⁴¹.

Основную массу посетителей составляло население города и ближайшей округи. В 1920-е гг. музей охотно посещали крестьяне. В 1930-е гг. среди посетителей и экскурсантов преобладали учащиеся школ и средних учебных заведений. В конце 1920-х – 1930-е гг. Великий Устюг посещали приезжавшие из Москвы, Ленинграда и других городов СССР научные работники, художники и студенты ВУЗов, группы экскурсантов «Советского туриста».

От гостей музей получил немало похвальных отзывов и добрых пожеланий, записанных авторами в регистрационной книге посетителей. Так, в июле 1929 г. экскурсанты из Москвы сочли музей «весьма интересным по количеству и качеству собранных материалов». «Одним из больших культурных очагов Севера» назвали музей студенты из Ленинграда. Известная собирательница фольклора Севера А.Я. Колотилова 17 августа 1934 г. сделала следующую запись: «Посещение Велико-Устюгского музея оставляет незабываемое сильное

впечатление. Чувствуется умное и любовное отношение к делу. Директор музея Бекряшев приносит на это большое дело все свои силы и большое знание». В 1939 г. оставил свой отзыв начальник по делам искусств по Вологодской области Градусов: «Осмотрев экспонаты Велико-Устюгского музея, отмечаю любовь к делу его руководителей и ведущих сотрудников музея. Желаю плодотворной работы в деле организации советского социально-экономического отдела и ещё большего разворота отдела истории, используя богатые запасы музея»⁴².

Таким образом, в рассматриваемый период, несмотря на жёсткие условия существования, музей активно развивался, успешно решал поставленные перед ним задачи и выполнял свои основные функции. Благодаря энтузиазму и самоотверженной работе сотрудников, музей по-прежнему был интересен посетителю, играл значительную роль в культурной жизни города и района.

¹ Великоустюгский центральный архив (далее – ВУЦА). Ф. Р-338. Оп. 2. Д. 2. Л. 11 об.

² Подробнее о Н.Г. Бекряшеве см.: Кудрин Н. Николай Георгиевич Бекряшев // Советская мысль. 1993. № 101. 7 июля; Кудрин Н. Художник Божьей милостью // Советская мысль. 1997. № 83. 6 июня; Рыбаков А.А. Художник Н.Г. Бекряшев (1874-1939) в Великом Устюге (К истории сохранения памятников художественной культуры Великого Устюга) // Чтения по исследованию и реставрации памятников художественной культуры Северной Руси, посвященные памяти художника-реставратора Николая Васильевича Перцева. 1902-1981. Архангельск, 1992. С. 169-182.

³ ВУЦА. Ф. Р-338. Оп. 1. Д. 18. Л. 27 об.

⁴ Там же. Д. 52. Л. 5.

⁵ Там же. Л. 39.

⁶ Там же. Д. 75. Л. 4, 7, 17.

⁷ Там же. Д. 18. Л. 3 об.

⁸ Там же. Оп. 2. Д. 2. Л. 6 об.

⁹ Там же. Оп. 1. Д. 18. Л. 29 об.

¹⁰ Там же. Д. 45. Л. 13, 13 об., 18 об., 20.

¹¹ Там же. Д. 52. Л. 15 об.

¹² Там же. Л. 10, 40.

¹³ Там же. Оп. 2. Д. 2. Л. 10, 11 об., 13, 13 об.

¹⁴ Там же. Оп. 1. Д. 52. Л. 6.

¹⁵ Первый музейный съезд: его решения и общая оценка. [Электронный ресурс.] Код доступа: <http://moscow-museums.ru/pervuiy-muzeyniy-sezd-ego-resheniya-i-obshaya-ocenka/>

¹⁶ ВУЦА. Ф. Р-338. Оп. 1. Д. 45. Л. 14.

¹⁷ Там же. Д. 52. Л. 4, 7.

¹⁸ Там же. Д. 53. Л. 1–2 об.

¹⁹ Там же. Д. 45. Л. 26.

²⁰ Там же. Д. 52. Л. 15.

²¹ Там же. Л. 20, 21 об., 22.

²² Там же. Д. 45. Л. 37 об., 38, 39.

²³ Там же. Д. 52. Л. 43.

²⁴ Там же. Л. 32.

²⁵ Там же. Д. 16. Л. 30.

²⁶ Там же. Л. 79-79 об.; Ф.Р-46. Оп. 1. Д.947. Л. 89 об.

²⁷ ВУЦА. Ф. Р-338. Оп. 1. Д. 18. Л. 20.

²⁸ Там же. Д. 75. Л. 18.

²⁹ Там же. Д. 46. Л. 2, 2 об.

³⁰ Там же. Оп. 2. Д. 2. Л. 22.

³¹ Там же. Оп. 1. Д. 75. Л. 23 об.

³² Там же. Д. 52. Л. 14.

³³ Там же. Д. 75. Л. 19 об.

³⁴ Там же. Д. 52. Л. 31.

³⁵ Подробнее см.: Бестужева Ю.А. Деятельность Музея северодвинской культуры по сохранению памятников культового зодчества в Великом Устюге в 1920-1930-х годах // Великий Устюг: Краеведческий альманах. Вып. 4. Вологда, 2007. С. 175-194.

³⁶ ВУЦА. Ф. Р-338. Оп. 1. Д. 52. Л. 42, 44 об.; Оп. 2. Д. 2. Л. 23 об.

³⁷ ВУЦА. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 610. Л. 4.

³⁸ ВУЦА. Ф. Р-338. Оп. 1. Д. 45. Л. 11, 11 об., 20 об.

³⁹ Там же. Л. 43 об.

⁴⁰ ВУЦА. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 947. Л. 90 об.

⁴¹ ВУЦА. Ф. Р-338. Оп. 1. Д. 52. Л. 24, 32; Д. 75. Л. 2 об., 18 об.

⁴² Там же. Оп. 1а. Д. 1. Л. 3, 19; Оп. 9. Д. 2. Л. 4.

Г.Н. Чебыкина

МУЗЕЙНОЕ ДЕЛО В ЖИЗНИ ВИКТОРА ВИКТОРОВИЧА КОМАРОВА

Виктор Викторович Комаров (06.12.1876 – 09.11.1952) – сын священника Чемельской Иоанно-Богословской церкви Никольского уезда Вологодской губернии. В четырёхлетнем возрасте остался сиротой. Окончил Никольское духовное училище (1892) с выдачей в награду книги, Вологодскую духовную семинарию (1898), Санкт-Петербургскую духовную академию (1902) со степенью кандидата богословия и правом соискания степени магистра богословия без нового устного испытания. Одновременно прослушал курс наук в Санкт-Петербургском археологическом институте, получил звание действительного члена института и аттестат (10.05.1902). В то же время учился в Институте братьев милосердия Санкт-Петербургского комитета Российского общества Красного Креста и получил звание брата милосердия, о чём имел удостоверение № 58, выданное 23 декабря 1901 г.

По окончании духовной академии направлен учителем латинского языка в Челябинское духовное училище, одновременно исполнял должность помощника смотрителя (1902-1904). С 1904 г. жил и работал в Великом Устюге. Преподавал латинский язык, историю, русский язык и словесность в духовном и епархиальном женском училищах. В 1905 г. был избран членом Совета Великоустюгского Стефано-Прокопиевского братства. В 1909 г. назначен на должность помощника смотрителя Великоустюгского духовного училища. 10 октября 1914 г. получил чин статского советника. С 23 августа 1915 г. – член-секретарь Великоустюгского викариального комитета по оказанию помощи беженцам. За усердную службу 6 мая 1910 г. пожалован орденом Св. Станислава 3-й степени, а 6 мая 1915 г. – орденом Св. Анны 3-й степени¹.

На ниве просвещения В.В. Комаров трудился и в советский период. Стаж его педагогической работы насчитывал более 30 лет. Виктор Викторович преподавал географию, политэкономия, историю и другие предметы в Институте

народного образования, в педагогическом, водном и библиотечном техникумах, на рабфаке и различных курсах. Некоторое время состоял консультантом в кружке по самообразованию, созданном при центральной библиотеке. С 1 апреля 1933 г. В.В. Комаров постоянно работал в Великоустюгском музее, но и от преподавания отказаться не мог. Вести уроки приходилось в выходные дни. Его знания и опыт были востребованы в городе. Коллеги считали его прекрасным педагогом.

Но, кроме учительского, у Виктора Викторовича было ещё одно любимое дело – музейное. Эти две профессии – педагога и музейщика – успешно совмещались в нём на протяжении многих лет. Ещё 8 июля 1907 г. общее собрание Стефано-Прокопиевского братства, рассмотрев предложение священника А. Малиновского о создании в Великом Устюге древлехранилища, признало это дело «весьма желательным». Совету братства было поручено выработать соответствующие правила о церковном древлехранилище и указать источник средств, необходимых на создание и ежегодное содержание музея. В работе над Уставом древлехранилища работали В.П. Шляпин, В.В. Комаров, Н.К. Попов. Устав был утверждён 6 августа 1909 г.

Церковный музей в Великом Устюге торжественно открыли 3 октября 1910 г. во Введенской церкви Михайло-Архангельского монастыря. Вся работа в древлехранилище велась под руководством особо избранного комитета во главе со смотрителем духовного училища К.А. Богословским. В состав комитета входило 7 человек (председатель, его помощник и 5 членов). В.В. Комаров был избран членом комитета. На заседании комитета 11 ноября 1909 г. на Виктора Викторовича возложили обязанности заведующего древлехранилищем². Вместе с коллегами он осматривал церкви, вносил в списки ценные исторические памятники, принимал предметы, составлял инвентарный каталог, приобретал витрины, размещал в них экспонаты и давал пояснения посетителям. Древлехранилищем Виктор Викторович заведовал до конца 1918 г. Так вошла в его жизнь музейная деятельность.

10 октября 1918 г. был принят декрет Народного комиссариата просвещения «О регистрации, приёме на учёт и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений». В соответствии с документом, 1 ноября 1918 г. при Северо-Двинском губернском отделе народного образования создаётся музейная комиссия, которая 6 декабря была переименована в подотдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины. С начала организации и до июля 1922 г. заведующим подотделом был В.В. Комаров.

Важнейшей задачей подотдела являлась охрана имеющихся в Северо-Двинской губернии памятников церковного зодчества, а также историко-археологических. С этой целью в городах и уездах производились учёт и регистрация всех памятников, представлявших художественную и историческую ценность. На особо ценные предметы и памятники выдавались охранные грамоты. Разрушающиеся памятники фотографировали или делали зарисовки. Работниками подотдела была разработана программа, где перечислялись памят-

ники искусства и старины, которые необходимо сохранить. Программы рассылались в уездные отделы.

Заведующий подотделом, штатные и внештатные сотрудники читали лекции, выступали с докладами на съездах и конференциях работников просвещения с целью ознакомить с задачами подотдела и с организацией музейного дела на местах. Для освещения деятельности подотдела и для знакомства населения с памятниками Северо-Двинской губернии в «Вестнике просвещения» печаталось особое прибавление под заголовком «Северо-Двинское искусство и старина». Одновременно были взяты на учёт все известные в губернии «старьёвщички», дабы предотвратить скупку и перепродажу ценных предметов. Через епархиальный совет было дано распоряжение во все церкви губернии о том, чтобы старинные иконы, иконостасы и храмы не реставрировали без разрешения подотдела и согласия Всероссийской коллегии по охране памятников искусства и старины. Уже в 1919 г. были приняты меры к реставрации разрушающегося крыльца при Введенском храме и к восстановлению повреждённой стены Благовещенского собора в Сольвычегодске³.

Не менее важной задачей было и создание музеев в губернии, которые воспринимались как ценные научные хранилища, как школы эстетического воспитания и наглядного обучения. К октябрю 1919 г. в Северо-Двинской губернии, несмотря на трудности с помещениями и финансированием, были организованы музеи в Великом Устюге, Сольвычегодске и Усть-Сысольске. 14 октября 1919 г. в Великом Устюге открылась 1-я губернская конференция работников по музейному делу и охране памятников искусства и старины. Участники конференции констатировали, что созданные музеи «по экспонатам учёными и исследователями признаются уже первоклассными». Позднее появились музеи в Никольске и Яренске. Подотдел оказывал работникам вновь созданных музеев всевозможную помощь.

Специалистов, способных выполнить поставленные перед подотделом задачи, не хватало. К работе были привлечены любители и знатоки искусства и старины. В результате общих усилий удалось спасти от гибели, разрушений и исчезновения многие памятники, пробудить интерес и более внимательное отношение к ним со стороны населения, собрать богатое наследие былой культуры.

Виктор Викторович был очень энергичным человеком, обладал невероятной работоспособностью. Как члену коллегии губоно, ему поручались задания разной сложности, и со всеми он успешно справлялся. В 1921 г. В.В. Комаров был командирован на Всероссийский съезд заведующих подотделами искусств, а также для ознакомления со структурой музеев Москвы. Приобретённые за время командировки знания с успехом использовались им в развитии музейного дела в губернии.

8 ноября 1918 г. в Великом Устюге был открыт Музей северодвинской культуры. В.В. Комаров был одним из инициаторов и организаторов музея. Все предметы церковного древлехранилища (601) он вскоре передал во вновь созданный музей, и в 1920-е гг. принимал деятельное участие в его работе. Он входил в состав музейной коллегии, заведовал «археологическо-бытовым» от-

делом, помогал создавать экспозиции, описывал коллекции нумизматики, фарфора и этнографии.

В 1923 г. стараниями заведующего Е.А. Бурцева при музее было создано Северо-Двинское общество изучения местного края (СДОИМК). В.В. Комаров стал активным членом общества, был казначеем СДОИМК, входил в состав правления. На заседаниях выступал с докладами: «Курорт Солони́ха» (1924), «О деятельности СДОИМК за время его существования» (1927) и др. В июне 1925 г. участвовал в краеведческом съезде в Архангельске, по возвращении сделал интересный доклад на заседании коллегии музея, за что получил благодарность от слушателей⁴. В 1928 г., когда отмечалось 10-летие создания Северо-Двинской губернии, на ширококвещательной радиостанции прозвучало 9 выступлений В.В. Комарова по географии, истории, этнографии губернии⁵. Виктор Викторович считался знатоком истории и культуры Устюжского края.

В 1930-е гг., после ликвидации Северо-Двинской губернии и превращения Великого Устюга из губернского в районный центр, В.В. Комаров активно пропагандировал атеизм, был членом пленума райкома Союза Воинствующих Безбожников и заведовал заочными антирелигиозными курсами. 3 февраля 1938 г. на заседании научно-методического совета музея он предложил организовать антирелигиозный филиал в помещении одной из церквей города, но в силу разных причин это предложение не было осуществлено⁶.

В 1933 г. Виктор Викторович стал штатным сотрудником музея и был назначен заведующим политехническим отделом (отдел социалистического строительства), который ещё предстояло создать. В 1930-е гг., в связи с политехнизацией школы, к музею предъявлялись новые требования. В своих экспозициях музей был обязан дать развёрнутую картину социалистического строительства, показать, как на социалистических началах перестраивалась экономика. Музею следовало превратиться «в полную лабораторию политехнической школы, с глубоким анализом самих процессов производства»⁷.

В.В. Комаров с присущей ему энергией начал работу над новой экспозицией. Он изучал историю местных фабрик и заводов, динамику их развития, установил тесные отношения с предприятиями города и района. Виктор Викторович посещал предприятия, встречался с руководством и рабочими, присутствовал на собраниях, рассказывал о значении музея, об экспозиции социалистического строительства. Его выступления были настолько яркими и убедительными, что в результате несколько предприятий города постановили отчислять в пользу музея 2 % от своей прибыли. Все предприятия бесплатно предоставили музею свою продукцию, а специалисты давали необходимые консультации⁸.

Политехнический отдел в музее был открыт в дни празднования 16-й годовщины Октября выставкой, представлявшей более 1300 экспонатов (продукция фабрик, заводов, артелей). 18 ноября 1933 г. состоялось торжественное заседание, посвящённое 15-летию музея. На заседании присутствовали представители райкома ВКП(б), райисполкома, общественных и профсоюзных организаций, рабочие предприятий, педагоги и учащиеся школ. После доклада директора Н.Г. Бекряшева о деятельности музея за 15 лет, В.В. Комаров рассказал присутствующим о принципах организации и структуре экспозиции политех-

нического отдела. По докладу В.В. Комарова были приняты решения: считать открытие политехнического отдела при музее своевременным, представленную в докладе программу по созданию политехнического отдела одобрить, ускорить полное развёртывание экспозиции отдела⁹.

Отдел соцстроительства был создан в музее за короткие сроки. Экспозиция, в которой было представлено более 2000 предметов, давала довольно цельную картину экономического развития города и района. С помощью инструментов, макетов, моделей и муляжей были показаны многие технологические процессы. Новая экспозиция вызывала неподдельный интерес не только у школьников, но и у взрослых посетителей¹⁰. В газете «Советская мысль» в мае 1934 г. (№ 124) была опубликована статья под названием «Роль музея в политехническом воспитании школьников». Автор писал: «Политехнический отдел имеет лишь одного научного сотрудника В.В. Комарова, на которого падает и выполнение всевозможных чисто технических работ. Это обстоятельство, однако, не снимает весьма добросовестного, любовного отношения к делу».

В июне 1936 г. В.В. Комаров выступал на заседании президиума Великоустюгского райисполкома. Он доложил присутствующим о дальнейших планах работы музея, о строительстве новых и перестройке старых экспозиций, обратил внимание на тесноту имеющихся помещений. После выступления Виктора Викторовича президиум райисполкома принял постановление «ходатайствовать перед отделом музеев НКП (Народного комиссариата просвещения. – Г.Ч.) о внесении в подготовительные работы по плану 3-й пятилетки строительство нового здания для Великоустюгского музея»¹¹.

С конца 1920-х гг. сотрудники музея уделяли большое внимание развитию краеведения в Великоустюгском районе. В 1933 г. при музее было организовано районное Бюро краеведения. Н.Г. Бекряшев и В.В. Комаров входили в состав президиума Бюро и направляли работу краеведов¹². В 1934 г. при музее был создан краеведческий кружок для школьников под руководством В.В. Комарова. Кружковцы изучали историю края, сказки и песни, говор деревни, старинные обычаи и обряды, вели фенологические наблюдения, следили за состоянием реки в весенний период и во время ледохода, а сведения отправляли в Гидрометеорологический институт. В то же время старшие школьники помогали музею в черчении диаграмм, составляли таблицы и писали этикетки¹³.

Согласно предъявляемым к музею требованиям, Виктор Викторович оформил в музее специальный уголок и вёл переписку с учителями по пропаганде торфа. В колхозы района он разослал 215 брошюр о том, как использовать торф для подстилки и удобрения. За эту активную работу президиум и штаб ударников Центрального Бюро Краеведения наградили Великоустюгский музей грамотой и почётным званием ударника.

Летом 1935 г. совместно с членами краеведческого общества В.В. Комаров находился в экспедиции по обследованию берегов реки Сухоны. Под его руководством были проведены раскопки костей мамонта в Стреленском лесопункте, вскрыта пещера-штольня на берегу речки Верхней Ёрги и осмотрен Стреленский городок¹⁴.

20 июня 1935 г. совершенно неожиданно старший научный сотрудник музея В.В. Комаров получил приказ заведующего Великоустюгским районом М. Кудрявцева о снятии его с работы «как активного в прошлом представителя блока торгово-промышленной партии и идеологически чуждого». В то же время с преподавательской работы его не уволили. Снятие с работы в музее, как объяснял М. Кудрявцев, состоялось на основании двух документов: 1) списка выборных гласных в Великоустюгскую городскую думу в 1917 г., и 2) речи В. Комарова, сказанной в 1912 г. по поводу 700-летия Михайло-Архангельского монастыря. Виктор Викторович написал заявление в краевой отдел народного образования, просил восстановить его в должности и «дать возможность продолжить любимую работу». Одновременно он представил документы, которые полностью доказывали несостоятельность обвинений. Приказ об увольнении был отменён¹⁵.

В июне 1937 г. В.В. Комаров был командирован в Москву и в Истру для ознакомления с музеями и изучения экспозиций, которые в соответствии с постановлениями 1-го Всесоюзного музейного съезда перестраивались на основе сталинской периодизации. В беседах с коллегами Виктор Викторович узнал много нового и получил немало дельных советов. Командировка имела для него большое значение в смысле повышения квалификации и практической работы. Вернувшись в музей, В.В. Комаров рассказал коллегам о своих впечатлениях и кратко представил рекомендованную схему экспозиции соцстроительства. При обсуждении сомнения сотрудников музея выразила в своём выступлении Е.В. Куканова, сказав следующее: «Я одного боюсь, что эта схема должна дать много бумажного материала, и этим не засушим ли мы сами экспозиции, где важнее дать больше экспонатов»¹⁶. Но все понимали, что времена, когда они могли самостоятельно решать, какие экспозиции делать и что показывать, давно прошли. Осенью В.В. Комаров начал перестройку отдела соцстроительства в соответствии с главами «Краткого курса истории ВКП(б)».

В 1938 г. произошли серьёзные перемены в руководстве музея. Директор Николай Георгиевич Бекряшев, бесконечно преданный музею и отдавший ему лучшие годы своей жизни, был арестован и через год погиб. На его место назначили члена партии И.П. Сычёва, который вскоре за чрезмерное употребление алкоголя был уволен. Его сменил техник-топограф по специальности, имевший среднее образование член ВЛКСМ В.М. Вopiловский. Но 25 июня 1941 г. Вениамин Михайлович был мобилизован на фронт. Некоторое время беспартийный В.В. Комаров исполнял обязанности директора, а в конце 1941 г. был утверждён в должности директора и занимал её до конца своих дней.

С начала Великой Отечественной войны музей полностью перестроил свою работу. Вся научно-экспозиционная деятельность в виде многочисленных выставок в музее и вне его была посвящена героической борьбе народа против врага. Сотрудники музея собирали предметы, отражавшие жизнь города и района в условиях войны, помощь населения фронту, подвиги устюжан в боях и на рабочем месте. Они читали лекции раненым в подшефном эвакогоспитале № 5391, на предприятиях и в колхозах. Как и все устюжане, собирали тёплые вещи для Красной Армии, перечисляли средства на постройку танков и самолё-

тов. Работники музея контролировали состояние архитектурных памятников в городе, постоянно напоминая арендаторам о необходимости ремонта. Директор музея В.В. Комаров писал письма во все вышестоящие организации, сообщая о катастрофическом положении памятника 1-й категории – церкви Вознесения. В 1945 г. храм был обследован специалистами, чуть позже проведён первоначальный ремонт, а затем и реставрация памятника. Нужно заметить также, что в течение всего военного периода сотрудники Великоустюгского музея хранили эвакуированные предметы Устюженского краеведческого музея, занимавшие три комнаты.

В 1943 г. Великоустюгский музей отметил своё 25-летие. Юбилей отмечался в тяжёлых условиях. Вместо положенных по штату директора, старшего научного сотрудника и двух младших, в музее практически всю войну работали только директор и научный сотрудник (по совместительству). Сотрудники постоянно менялись. Музей содержался на средства городского бюджета, денег отпускалось крайне мало. Зарплата директора музея В.В. Комарова, имевшего высшее образование и большой стаж музейной работы, составляла всего 367 рублей, научного сотрудника – 265 рублей. Из-за низкой зарплаты и маленького пайка хлеба (400 г) в музее никто не хотел работать. Несмотря на трудности, музей успешно решал поставленные перед ним задачи. Развивалось краеведение, оказывалась помощь избам-читальням, оформлялись выставки-передвижки, которые направлялись не только на предприятия, в колхозы и лесопункты Великоустюгского района, но также и в соседние Усть-Алексеевский, Кичменгско-Городецкий и Никольский районы. Посещаемость за 1943 г. составила 26977 человек, состоялось 247 экскурсий. В 1944 г. музей посетило 29659 человек, сотрудники музея провели 249 экскурсий¹⁷.

Но самое главное – музей не оставлял равнодушными посетителей, о чём говорят многочисленные отзывы¹⁸. Вот один из них от 11 февраля 1944 г.: «Мы, офицеры Красной Армии – уроженцы Ленинграда, случайно очутившись впервые в В. Устюге, приятно были поражены всем виденным в музее. Трудно было себе представить, что на далёком Севере, вдали от железной дороги можно создать такой скомпонованный, бережно охраняемый очаг культуры. Бережное, скрупулёзно-щепетильное отношение к историческим ценностям, к экспонатам, отражающим различные эпохи, быт и жизнь устюжан, делает честь директору тов. Комарову, за что приносим ему искреннюю, глубокую благодарность. Группа офицеров Красной Армии» (подписи неразборчивы)¹⁹.

31 октября 1944 г. из НКП РСФСР на имя В.В. Комарова поступила телеграмма следующего содержания: «В день 27-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции Отдел местных музеев НКП РСФСР отмечает большую работу, проведённую коллективом Великоустюгского краеведческого музея, и выносит Вам благодарность за хорошее руководство этой работой, желает всему коллективу музея дальнейшей плодотворной работы»²⁰.

1944 г. был очень тяжёлым для семьи Комаровых. 19 июня погиб при выполнении боевого задания единственный сын Виктора Викторовича и Александры Петровны – Николай (20.11.1916 – 19.06.1944). Он был кадровым военным, в 1942 г. окончил Харьковское военное авиационное училище связи и направ-

лен в действующую армию. Служил в 58-м бомбардировочном авиационном Старорусском Краснознаменном полку на Ленинградском фронте. Николай Викторович был начальником связи авиационной эскадрильи, флагманским стрелком-радистом. За отличную постановку связи при выполнении боевых заданий, за нанесённый значительный урон противнику в технике и живой силе, за совершённые подвиги награждён тремя орденами: Красной Звезды (03.01.1943), Отечественной войны 1-й степени (23.11.1943), Красного Знамени (21.06.1944). Последним орденом старший лейтенант Комаров был награждён посмертно²¹. Извещение о гибели сына родители получили 27 июня 1944 г. Им была назначена пенсия по 350 рублей каждому. Но деньги не могли заменить сына. Александра Петровна не смогла перенести горе и умерла в июне 1945 г. Виктора Викторовича в те трудные дни поддерживала работа, ответственность за судьбу музея, которому он служил уже много лет.

С окончанием войны положение музея стало постепенно улучшаться. Весной 1946 г. В.В. Комаров получил приятное сообщение. По решению Вологодского облисполкома от 2 апреля 1946 г. Великоустюгский, Тотемский и Череповецкий музеи были переведены в областное подчинение. Объяснялось это тем, что названные музеи «переросли рамки районных музеев, развернули большую научно-краеведческую и культурно-просветительную работу, собрали большое количество экспонатов, обслуживая своей работой целый ряд районов в области, и в целях дальнейшего укрепления материальной и научно-краеведческой базы музеев»²². Вскоре штат музея пополнили три человека, улучшилось материальное положение. В 1947 г. музею передано в аренду соседнее двухэтажное каменное здание, в котором после ремонта разместились фонды.

В 1948 г., за большую работу и в связи с 30-летием, коллектив Великоустюгского краеведческого музея был награждён почётной грамотой Комитета по делам культпросветучреждений при Совете Министров РСФСР. Работники музея получили также почётные грамоты Вологодского облисполкома и Великоустюгского горисполкома²³.

Особо следует отметить научно-просветительную деятельность В.В. Комарова. Он был замечательным лектором, состоял в лекторском бюро горкома и райкома ВКП(б), в городском отделе культпросветработы. Его доклады и лекции пользовались популярностью в городе, собирали большие аудитории. Среди слушателей были школьники, студенты, рабочие и колхозники, работники партийных организаций, учителя, военнослужащие. Виктор Викторович пропагандировал краеведение, читал лекции на научно-естественные и исторические темы, о международном положении, о великих стройках и другие. В 1951 г., когда ему шёл уже 75-й год, из 156 лекций, прочитанных сотрудниками музея, 69 прочёл В.В. Комаров²⁴.

Виктор Викторович опубликовал большое количество статей в газетах «Советская мысль» и «Красный Север», в журнале «Северный краевед». В своих трудах он сообщал о работе музея, об успехах краеведов в поисках полезных ископаемых (кварцевого песка, глины, известняка, мергеля), подводил итоги своих исследований о художественных промыслах города, по истории местных предприятий, писал об устюжанах-землепроходцах. В 1948 г. Вологодский

облисполком принял решение издать наиболее ценные труды В.В. Комарова²⁵. Через год в издательстве «Красный Север» вышла его книга «Художественные промыслы великоустюгских мастеров»²⁶. В 1949 г. Виктор Викторович писал исторический очерк о Великом Устюге для Большой Советской Энциклопедии.

В.В. Комарову приходилось вести много экскурсий. Так было в течение всего периода его работы в музее. За 1950 г., например, в музее были проведены 194 экскурсии, из них 51 провёл директор; в 1951 г. – 199 экскурсий, 27 из которых провёл В.В. Комаров²⁷. Его экскурсии всегда были содержательны и познавательны.

Виктор Викторович стремился превратить музей в подлинный очаг культуры, который способствовал бы просвещению и воспитанию населения. Он принадлежал к плеяде старых устюжских интеллигентов, которые верно служили избранному делу. Имя В.В. Комарова, наряду с именами Е.А. Бурцева, Н.Г. Бекряшева и В.П. Шляпина, должно быть вписано золотыми буквами в историю музея в Великом Устюге.

¹ Великоустюгский центральный архив (далее – ВУЦА). Ф. 252. Оп. 1. Д. 93. Л. 38-41; Д. 144. Л. 10-15; Ф. 267. Оп. 1. Д. 76. Л. 32 об.

² ВУЦА. Ф. 265. Оп. 1. Д. 259. Л. 13-13 об., 30-33 об., 102 об.; Д. 278. Л. 2; Ф. 267. Оп. 1. Д. 76. Л. 9-10 об., 32 об., 35; Вологодские епархиальные ведомости. 1909. № 20.

³ Комаров В.В. Подотдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины при Северо-Двинском губернском отделе народного образования // Советская мысль. 1919. № 32. 7 сентября.

⁴ ВУЦА. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 610. Л. 2.

⁵ ВУЦА. Ф. Р-338. Оп. 1. Д. 14. Л. 37 об.

⁶ Там же. Д. 68. Л. 20. Д. 75.

⁷ Там же. Д. 53. Л. 1-2 об.

⁸ Там же. Д. 52. Л. 15 об.

⁹ Там же. Д. 53. Л. 1-2 об.

¹⁰ Там же. Д. 52. Л. 14-15 об.

¹¹ Там же. Д. 67. Л. 21, 23.

¹² Там же. Д. 52. Л. 1-7 об.

¹³ Там же. Л. 10-17 об.

¹⁴ Там же. Л. 18-24.

¹⁵ Государственный архив Архангельской области. Ф. 2838. Оп. 1. Д. 381. Л. 11-14, 73-94.

Выражаю искреннюю благодарность Т.М. Кольцовой за предоставленные сведения.

¹⁶ ВУЦА. Ф. Р-338. Оп. 1. Д. 68. Л. 17 об.-19.

¹⁷ Там же. Д. 75. Л. 42-48, 51-55.

¹⁸ ВУЦА. Ф. Р-338. Оп. 9. Д. 2.

¹⁹ ВУЦА. Ф. Р-338. Оп. 1. Д. 75. Л. 56.

²⁰ Там же. Д. 80. Л. 37.

²¹ Использованы сведения с сайта Министерства обороны ramyat-naroda.ru. См. также: Рыбалко Н.Я. Старорусцы. Киев, 1994. С. 282.

²² ВУЦА. Ф. Р-338. Оп. 1. Д. 80. Л. 134.

²³ Советская мысль. 1948. № 140. 11 ноября.

²⁴ ВУЦА. Ф. Р-338. Оп. 4. Д. 2. Л. 60-74.

²⁵ ВУЦА. Ф. Р-338. Оп. 2. Д. 25. Л. 18.

²⁶ Комаров В.В. Художественные промыслы великоустюгских мастеров. Вологда, 1949.

²⁷ ВУЦА. Ф. Р-338. Оп. 4. Д. 2. Л. 133-140.

МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ И ИХ ДАРИТЕЛИ (НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРОДВИНСКОГО МУЗЕЯ)

О развитии любого музея можно говорить только тогда, когда в его фонды поступают новые предметы. А попадают они в музейные собрания очень часто благодаря неравнодушным людям, которые безвозмездно передают в какой-то мере уже ненужные им в современной жизни, но представляющие определённую культурную, историческую или краеведческую ценность вещи. Тем, чем владеет Северодвинский музей, мы обязаны в основном нашим собирателям, коллекционерам и дарителям: ведь с момента основания музея и до настоящего времени главным источником пополнения фондов являются дары. Каждый переданный предмет по-своему уникален, поскольку многое может рассказать как о прошлом отдельного человека, семьи, так и всего общества в целом. Как правило, это семейные реликвии, документы, фотографии; предметы, связанные с историей страны или региона. Принося вещи в музей, люди продлевают им жизнь, оставляют память для потомков, воссоздают страницы истории прошлого. Музей же, принимая дар, обязан обеспечить его научное изучение, надёжное хранение, доступность для посетителей.

Благодаря горожанам, фонды музея из года в год пополняются новыми экспонатами, а порой и целыми личными коллекциями. В настоящее время они составляют 60929 музейных предметов, в том числе основного фонда – 40064, научно-вспомогательного – 20865. Музей хранит фотодокументальные, изобразительные и вещественные памятники по истории Судостроя – Молотовска – Северодвинска и его окрестностей, памятники отечественной истории и культуры. Это документы, фотографии, археологические и нумизматические коллекции, старопечатные и редкие книги, живопись, графика, скульптура, ткани, дерево, керамика, стекло, предметы из драгоценных металлов... Всего в состав музейного собрания входят 33 музейные коллекции.

Дарители нашего музея – люди разных специальностей, возрастов, но всех их объединяет любовь к истории родного города и края. В разные годы дарителями музейных коллекций были первостроители и кораблестроители, работники предприятий и организаций города, коллекционеры, а большей частью – простые неравнодушные горожане. Многие из них – известные в Северодвинске люди.

Александр Иванович Патокин (1922-1973) – краевед, внештатный корреспондент газеты «Северный рабочий», ведущий рубрики «Люби и знай свой край родной», в которой он активно пропагандировал деятельность музея и рассказывал читателям интересные истории о различных музейных экспонатах. Стоял у истоков создания народного музея. В 1960-1970-е гг. им организовывались экспедиции с участием школьников по районам Архангельской области, в результате которых собраны интересные предметы, ставшие основой для формирования этнографической коллекции музея. Впоследствии многие из них вошли в постоянную экспозицию под названием «Наша старина». К примеру, в

акт № 1 от 5 апреля 1970 г. записано 117 этнографических предметов, переданных им¹. Все они были привезены из Холмогорского района Архангельской области: дуга с колокольчиком, прялки, туеса, иконы, орудия труда, предметы быта, бумажные денежные знаки, женская одежда, фотографии, фрагменты резного иконостаса, плащаница с изображением Христа, фаянсовый бокал известной фирмы М.С. Кузнецова с надписью: «На память св. коронования» с царскими вензелями Николая II и императрицы Александры Фёдоровны², и многие другие.

Иван Михайлович Мамонов (1928-2017), выходец из старообрядческой семьи, потомок рода Хвиюзовых из Амбурского старообрядческого скита, кораблестроитель. Он передал свои семейные реликвии в количестве более 80 музейных предметов – как документальных, так и вещественных памятников. Хронологические рамки коллекции – с 1581 по 2003 гг. Некоторые из предметов бытовали в роду Мамоновых не одно столетие, переходя из поколения в поколение. Это старопечатные книги XVI-XIX вв., культовые и бытовые вещи, документы и семейные фотографии. Уникальными изданиями являются Апостол 1597 г.³, Библия 1581 г. типографии Константина Константиновича Острожского, печатника Ивана Федорова⁴. Поражают размеры отдельных книг. Их толщина достигает 17 см, а вес – до пуда!

Здесь же уникальные предметы старообрядческой культуры из Выго-Лексинского общежития. Это литография с изображением Поморского Выгорецкого общежития женского монастыря⁵, книга Ивана Филиппова «История Выговской старообрядческой пустыни» (СПб., 1862)⁶ и рисованный лубок XIX в. «Древо рода Андрея и Семена Дионисиевичев господ Вторушинных Выгорецких предводителей»⁷ (древо рода Денисовых из Выгорецкого монастыря)⁸. Значительный интерес представляет печатный гравированный лубок «Книга глаголемая Козмография...» (XVIII-XIX в.)⁹, который состоит из четырёх листов, склеенных между собой. «Козмография» – своеобразная карта, в которой отражено представление людей того времени о мире.

Ценность данной коллекции в том, что она не только наглядно свидетельствует об ушедших эпохах, но и является интересной документальной историей этого семейства, представляя как уникальные, так и типичные образцы старообрядческой культуры Севера России¹⁰.

Леонид Фёдорович Добрынин (1938 г.р.) – работник Северного машиностроительного предприятия, ныне пенсионер, участник и волонтер этнографических экспедиций, организуемых музеем на территорию бывшего Амбурского старообрядческого скита. В 1970 г. он приобрёл в Амбурских старый дом. За время пребывания в этом месте Леонид Фёдорович собрал и сохранил большое количество предметов, бытовавших там. В результате в фонды музея поступило более 200 предметов, характеризующих быт и этнографию этого поселения: глиняная и деревянная посуда, бытовые предметы из металла (гири, весы, ползки, щипцы и др.), орудия труда, культовые предметы (крест киотный, створки складня, дробницы¹¹, чугунный колокол), коллекция стеклянных бутылок второй половины XIX – первой половины XX вв.¹², нумизматика, фотографии.

Иннокентий Степанович Бахтин (1916-2013) – кораблестроитель, лауреат Ленинской премии (1959), Почётный гражданин Северодвинска (1979). Он был образованным, интеллигентным, отзывчивым человеком. В 1994 г. семья Бахтиных передала городу с правом хранения в музее свою личную библиотеку, которая насчитывает 7655 книг. В коллекции Бахтиных представлена отечественная и всемирная история, мировая художественная литература, культура и искусство, судостроение, краеведение и другие темы¹³. 16 мая 2003 г. распоряжением мэра Северодвинска № 272-р библиотеке присвоен статус мемориальной. В ней хранятся издания XVIII – начала XXI вв. Самая старая книга – о коронации Елизаветы Петровны, выпущенная 25 апреля 1744 г.¹⁴ И.С. Бахтин купил её в 1962 г. в магазине «Старая книга» в Ленинграде. У всех книг библиотеки имеется экслибрис – книжный знак, удостоверяющий владельца книги с обозначением его имени и фамилии.

Кроме книжного собрания, семья Бахтиных передала коллекции бонистики и нумизматики. В них представлены бумажные денежные знаки и монеты России, РСФСР и СССР. Коллекция нумизматики охватывает период с 1704 по 1991 гг. В неё входят монеты, состоящие из драгоценных металлов, медные российские и иностранные, четыре памятные медали и один жетон советского периода. Впервые поступили монеты: сибирская 10 копеек XVIII в. и 2 копейки 1759 г.¹⁵ Среди советских – монеты первых лет Советской власти, а также юбилейные и памятные, чеканившиеся в СССР.

Часть коллекции составляют монеты из драгоценных металлов. Всего 111 предметов, в том числе одна золотая – 10 рублей 1899 г., и 110 серебряных монет. Это рубли, полтинники, полуполтинники, 20, 15, 5-копеечные и другие монеты. Самые ранние из царских монет – алтын 1704 г.¹⁶ и гривенник 1748 г. с профилем императрицы Елизаветы I¹⁷. К наиболее редким относятся: рубль коронационный 1883 г.¹⁸ и рубль 1913 г., чеканенный в память 300-летия дома Романовых¹⁹. Поступившие предметы в значительной мере обогатили нумизматическое собрание музея.

Коллекция бонистики в количестве 82 бумажных денежных знаков охватывает период с 1898 по 1992 гг. и включает в себя государственные кредитные билеты досоветского и советского времени, государственные денежные и расчётные знаки (1919-1922 гг.), краткосрочные обязательства Государственного казначейства (1918-1920 гг.), а также купюры иностранных государств (немецкая, польская, венгерская²⁰). В фонды музея впервые поступили: билет государственного казначейства 50 рублей 1914 г. с перфорационной надписью ГБСО (Государственный банк Северной области)²¹, расчётные знаки РСФСР 10000 рублей 1921 г. и 25000 рублей 1921 г.²², краткосрочные обязательства Временного правительства Северной области на 50, 500, 1000 рублей²³.

Также семьёй Бахтиных был передан столовый чехословацкий сервиз на 12 персон в количестве 101 предмета, приобретённый И.С. Бахтиным на Ленинскую премию в конце 1950-х гг. Фарфоровый сервиз был символом достатка в обычной городской семье и стал украшением музейной коллекции «Керамика».

Лидия Ивановна Черняева (1920-2013) – участник Великой Отечественной войны, Почётный гражданин Северодвинска, ветеран профтехобразования,

краевед. Стояла у истоков создания городского музея. Ей принадлежит огромная заслуга в комплектовании фондов. Благодаря Лидии Ивановне, не канули в лету имена молотовчан-северодвинцев, защищавших страну в военное время, строивших школы, заводы, жилые кварталы. При её активном участии открыты многие памятники и памятные места, установлены мемориальные доски заслуженным людям, их именами названы улицы города. Городу возвращены имена начальника строительства судостроительного завода и рабочего поселка Судострой Ивана Тарасовича Кирилкина, первого технического директора Леонида Харитоновича Коппа.

Благодаря усилиям Л.И. Черняевой начато комплектование коллекции фронтовых писем, собраны персональные коллекции первого секретаря Молотовского горкома ВКП(б), члена Военного Совета 62-й армии Виктора Матвеевича Лебедева, заслуженного художника РСФСР Виктора Владимировича Астальцева. В фонды музея поступило 22 картины этого живописца, каталоги выставок и переписка с ним. Для северодвинцев он интересен, прежде всего, тем, что много своих полотен посвятил Николо-Корельскому монастырю.

Павел Павлович Ивонцын (1915 – после 1995) – ветеран Великой Отечественной войны, участник боёв под Москвой. Павел Павлович подарил музею большую коллекцию открыток советского периода в количестве 789 предметов, которую семья собирала в течение пятидесяти лет, с конца 1940-х до начала 1990-х гг. Он положил начало формированию коллекции «Филокартия».

Открытки разные: видовые, сюжетные, репродукции картин, открытые письма, почтовые карточки, праздничные, фотооткрытки и поздравительные телеграммы, адресованные членам семьи П.П. Ивонцына. Просматривая их, мы видим широкий диапазон различных сюжетов, но объединяющая их основа незыблема – показ радостного мирного труда советского человека, его достижений, процветание первого в мире социалистического государства. Открытки красивые, яркие, выполненные профессионально. В 1950-е гг. открытки были особенно красочными, тёплыми, на них приятно смотреть. В 1970-80-е гг. в большей степени обращает на себя внимание официоз. На открытках отражены новые технологии в процессах производства, появление новых видов спорта, успехи в освоении космического пространства, важнейшие события в жизни страны. В советские времена тираж каждой открытки доходил до миллиона.

Нина Афанасьевна Урюпина (1937 г.р.), врач-стоматолог, в настоящее время – пенсионер. Передала коллекцию сувенирных пасхальных яиц в количестве 176 предметов, которую собирала вместе с сыном в течение двадцати лет. Они покупались не только в Северодвинске, но и в других городах. Впечатляет разнообразие материалов, из которых сделаны пасхальные яйца: дерево, фарфор, глина, металл, хрусталь, пенопласт, стекло, пластик и другие.

Михаил Михайлович Петренко (1938 г.р.) вырос в Северодвинске и работал после школы на Севмашпредприятии. Окончил Ленинградское высшее художественно-промышленное училище имени В.И. Мухиной и аспирантуру ВНИИ Искусствознания в Москве, кандидат искусствоведения. С января 1994 г. живёт и работает в Сан-Франциско (США). Его работы хранятся в музеях: Николаевском имени В.В. Верещагина, музее Е.А. Кибрика в украинском городе

Вознесенске. Свою персональную коллекцию графических и живописных работ, созданных в 1960-90-е гг., он передал на хранение в Северодвинский музей. Представляют интерес серии: «Север» (Конецдворье, Заостровье, Шихариха), «Молотовск»; офорты «Линии жизни», «Петербург», «Кони», акварели «Таджикистан» и другие. В 1960-70-е гг. художник приезжал на лето в родной город. Ходил в бывший Амбурский скит, ездил в Нёноксу. В результате этих походов появились линогравюры «Нёнокса», «Амбурские озёра», «Староверская молельня». Также им переданы в фонды музея афиши выставок, плакаты, буклеты, личные документы.

Виктор Александрович Нифантов (1949 г.р.) – полковник Северодвинского горотдела УКГБ по Архангельской области, в настоящее время военный пенсионер. Он передал в фонды музея персональную коллекцию своего отца, Александра Александровича Нифантова (1916-1993) – офицера, отдавшего военно-морскому флоту более 40 лет жизни, из них 27 лет службы на Краснознамённом Балтийском и Тихоокеанском флотах, а после увольнения в запас – 15 лет работы на Краснознамённом Северном флоте. За время своей многолетней службы Александр Александрович прошёл путь от краснофлотца, ученика школы связи, до капитана 3 ранга, начальника отделения штаба военно-морской базы.

Персональная коллекция А.А. Нифантова состоит из государственных наград СССР, документов и фотографий. Это учётная карточка члена КПСС²⁴, справка об объявлении благодарности Верховного Главнокомандующего Генералиссимуса Советского Союза товарища Сталина²⁵; свидетельство и грамота за окончание университета марксизма-ленинизма, заверенная подписью вице-адмирала Н.Г. Кузнецова, удостоверение о награждении медалью «За освобождение Кореи», медаль «Китайско-советская дружба» и удостоверение к ней²⁶. Такие медаль и удостоверение – единственные в фондах музея. Также коллекция содержит фотографии разных лет: портретные, групповые, видовые.

В 2019 г. В.А. Нифантов передал и свою персональную коллекцию, состоящую из военной (общевойсковой) офицерской формы советского образца. Это бекеша, китель повседневный, брюки повседневные навыпуск и в сапоги, полуботинки, сапоги, фуражка повседневная, галстук форменный, ремень поясной офицерский с португеей, и другое.

Конечно, в статье представлен далеко не полный перечень людей, внёсших свой вклад в развитие музея. Названы лишь наиболее значимые дарители и переданные ими коллекции. У каждого музея замечательная миссия: сберечь то, что создано, и передать потомкам. Дарители музейных предметов стали нашими настоящими друзьями и помощниками в этом деле. Музей высоко ценит своих дарителей и выражает им свою искреннюю признательность и благодарность за личный вклад в сохранение культурного наследия города и его окрестностей, продолжение традиций лучших представителей общества, радеющих о его благе и осознающих свою ответственность перед потомками.

¹ Северодвинский городской краеведческий музей (далее – СГКМ). Научный архив музея. Д. 01-26.1. Акт № 1 от 05.04.1970 г.

² СГКМ. КП 286.

³ СГКМ. КП 16673.

⁴ СГКМ. КП 16859.

⁵ СГКМ. КП 17381.

⁶ СГКМ. КП 21237.

⁷ СГКМ. КП 16488.

⁸ Подробно см.: Луцковская Е.[Ф.] Лубок «Древо рода Андрея и Семена Дионисиевичев господ Вторушиных Выгорецких предводителей» // Мир музея. 2012. № 294. С. 12.

⁹ СГКМ. КП 16487.

¹⁰ Подробно см.: Луцковская Е.Ф. Семейные реликвии Ивана Михайловича Мамонова в собрании Северодвинского музея // Важский край: источниковедение, история, культура. Вып. 6. Вельск, 2014. С. 216-228.

¹¹ СГКМ. КП 16312/1-4. Дробницы – в русском церковном искусстве миниатюрные вставки, выполняемые на обложках Евангелия.

¹² Подробно см.: Луцковская Е.Ф. Коллекция бутылей из деревни Амбурской: комплектование, атрибуция и использование // Русский Север – 2019: Проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия. Вологда, 2019. С. 484-494.

¹³ Подробно см.: Горбунова Е.В. Дар И.С. и В.С. Бахтиных – культурное достояние Северодвинска // Музей для города. Северодвинск, 2015. С. 142-153.

¹⁴ СГКМ. КП 12100/4521.

¹⁵ СГКМ. КП 9379, КП 9380.

¹⁶ СГКМ. КП 8962.

¹⁷ СГКМ. КП 8937.

¹⁸ СГКМ. КП 8860.

¹⁹ СГКМ. КП 8891.

²⁰ СГКМ. КП 9282, КП 9283, КП 9284.

²¹ СГКМ. КП 9207.

²² СГКМ. КП 9240, КП 9241.

²³ СГКМ. КП 9248, КП 9249, КП 9250.

²⁴ СГКМ. НВФ 11904.

²⁵ СГКМ. НВФ 11901.

²⁶ СГКМ. КП 21138, КП 21139, КП 21140, КП 21141, КП 21142.

О.Ф. Чупрова

МУЗЕЙ ЗАБЕЛИНСКОЙ ШКОЛЫ

Ни для кого не секрет, что приоритеты современного общества расставлены, увы, не в пользу духовно-нравственных ценностей. Реформы 1990-х гг. оказали отрицательное влияние на общественную нравственность, гражданское самосознание, на отношение людей к обществу, государству, закону и труду, на отношение человека к человеку. Особенностью современного общества является деформация духовно-нравственных ценностей, моральных норм, нарушение духовного единства общества. При этом в возможностях школы заложен значи-

тельный потенциал для воспитания гражданина и патриота страны, компетентного в своей профессиональной области. В «Конвенции о правах ребёнка», принятой в 1991 г., в статье 29 указано, что «образование должно быть направлено на уважение к родителям ребёнка, его культурной самобытности, языку и ценностям страны, в которой ребёнок проживает»¹.

В 2003 г. в Забелинской средней школе Котласского района Архангельской области был создан музей. Роль школьного музея несомненна и в воспитательном процессе в целом, и в патриотическом воспитании в частности. Школьный музей является своеобразным музейным учреждением, поскольку он в меру своих возможностей ведёт поисково-собирательную работу, экспонирование и пропаганду имеющихся коллекций в соответствии с учебно-воспитательными задачами школы. Поэтому, создавая музей, школа ставила следующие задачи:

- воспитание у школьников патриотизма, гражданственности, чувства любви к своей малой родине, гордости за своих земляков;

- приобщение детей и подростков к историческому и духовному наследию России через практическое участие в сборе и обработке документов, предметов быта XIX-XX вв.; изучении и благоустройстве памятников;

- использование экспонатов музея на уроках и внеклассных мероприятиях.

На этапе создания музея велась активная работа по сбору предметов быта и фотодокументов, подготовке помещения под музей. Был проведен тематический педсовет, составлен план работы, разработана и утверждена воспитательная программа «Личностное развитие» на 2005-2010 гг. Программа включала в себя совместную работу коллектива педагогов, учащихся и родителей, и состояла из пяти подпрограмм: «Интеллектуальное развитие», «Здоровье», «Школа трёх "С"», «Я – гражданин России» и «Профессиональное самоопределение». В подпрограмме «Я – гражданин России» были выделены четыре направления: «Законы нашей страны», «Это наша с тобой биография», «Память», «Люби свой край». Непосредственно с деятельностью школьного музея связаны последние три направления.

Направление «Это наша с тобой биография» (формирование гражданского отношения к школе) разработано с целью изучения истории школы, школьных традиций, сбора материала о выпускниках и учителях-ветеранах. Для этого был сформирован актив музея, который занимался созданием экспозиций: история комсомола, история пионерии и октябрят; подготовкой и проведением экскурсий членами актива. Были оформлены стенды: «Гордость школы», «Лучшие спортсмены школы», «Пионерская дружина имени П. Кожина», «Учителя-ветераны», «О наших выпускниках». Старшеклассниками организован выпуск школьной газеты «Воробей», оформлялась фотолетопись «Уходя – остаюсь», посвящённая выпускному классу, создавался архив видеолетописи школьной жизни. Для создания фотолетописи ребята покопались в семейных альбомах, обращались к соседям, родным, друзьям; а затем все собранные фотографии разместили в фотоальбомах.

Кроме того, с привлечением помещений и экспонатов школьного музея проводились воспитательные мероприятия: праздник «День рождения школы», вечер «Встреча школьных друзей», зимняя «Зарница», беседы «История Забе-

линской средней школы», «История пионерской организации», «История комсомола». Среди экспонатов нашего музея – чернильница-непроливайка, таблицы по биологии и толковый словарь Даля выпуска 1903 г., логарифмическая линейка, которой пользовались старшеклассники в 1980-90-е гг., и т.п. Собраны грамоты и аттестаты зрелости выпускников разных лет. В целом работа по данному направлению дала возможность восстановить историю школы, начиная с её открытия в 1903 г.; собрать предметы – свидетели того времени, и развить в учащихся чувство причастности к важному и интересному делу².

Направление «Память» (формирование гражданского отношения к истории Отечества) имело целью создать условия для изучения фронтового прошлого земляков-забелинцев, героев-котлашан в связи с 65-летием Победы в Великой Отечественной войне. Реализуя данное направление, мы провели большую поисковую работу по пополнению музея материалами о фронтовиках. Был оформлен стенд о выпускнике школы – Герое Советского Союза П.П. Кожине, и стенд «Герои Советского Союза – наши земляки». Учащимися были оформлены выставки «Была война», «Они защищали Родину» (о земляках в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.), «России верные сыны» (о воинах-интернационалистах) и экспозиция «На защите Родины». В папку «На службе Отечеству» собирали материалы о выпускниках школы, связавших свою судьбу с воинской службой.

Активистами музея готовились и проводились экскурсии для школьников и гостей, совместно с Советом ветеранов деревни организовывались мероприятия по уходу за памятником землякам, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны, проводились акция «Война в судьбе моей семьи», операция «Забота» (посещение ветеранов, вручение подарков). В программу были включены и воспитательные мероприятия: смотр строя и песни, майская эстафета памяти, классные часы в честь празднования Победы, проведение торжественного митинга у памятника, линейка памяти П.П. Кожина, конкурс «Песни о войне», конкурс чтецов «Порохом пропахнувшие строки». Все эти мероприятия проводились с использованием материалов школьного музея³. Оглядываясь в прошлое, можно уверенно сказать: изучение истории Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. через погружение в героическое участие в ней собственных дедов и прадедов, в судьбы своих земляков, позволило подрастающему поколению глубже почувствовать трагизм и тяжесть тех лет.

Направление «Люби свой край» (формирование гражданского отношения к культуре родной земли) предусматривало воспитание и обучение учащихся через приобщение к истокам народной культуры. В школьную программу были включены факультативы «В краю родникового слова» (6 класс), «Северная народная культура» (8 класс), «Краеведение» (8 класс). В музее велась активная собирательская работа. Для показа предметов быта было оборудовано отдельное помещение, оформлены экспозиции «Как рубашка в поле выросла», «Как в старину стирали и гладили бельё», «Прядение и ткачество», и другие.

В помещении музея было установлено и заправлено два ткацких станка. На кружке «Ткачество» (рук. Т.А. Тропникова) школьники учились ткать половики, а на кружке «Плетение из ивы» (рук. А.З. Петряшева) плели корзины из

ивовых прутьев. Под руководством учителя технологии В.А. Апаткина группой учащихся 7-10 классов создан проект «Маленькие Карелы», в котором представлены условия жизни и быта в северной деревне XIX в.; типы и конструкции жилых, подсобных и культовых сооружений деревянного зодчества; основные конструктивные элементы жилого пятистенного дома и дома на высоком подклете. Показана технология домового строительства: угловая вязка, замки, венцы, обустройство полов, окон и крыши. Созданные на кружках изделия сегодня используются при оформлении экспозиций и выставок в музее.

В рамках изучения культуры родной земли в музее проводилось много воспитательных мероприятий: для учеников начальной школы – праздник «Именины», посиделки «Из бабушкиного сундука» и «Народная игрушка», русские народные игры, игра-путешествие «Искусство народного слова»; для учащихся 5-11 классов – посиделки «Народные ремёсла», «Святки», беседы «Дома резные, ставни расписные», «Народный костюм», «Русская народная игрушка», выставка «Красная книга Архангельской области», поход в деревню Комарица, чаепитие «Традиции русской кухни» и другое.

Реализуя данное направление программы, сформировали достаточно разнообразный фонд предметов крестьянского быта, собрали много деревянных, глиняных, берестяных, металлических и других изделий, которые на сегодняшний день в домашнем обиходе не используются, а значит, могут бесследно исчезнуть из домов наших земляков. При этом многие из них помогают образнее и ярче представить жизнь крестьян в недалеком прошлом.

Нынешние школьники учатся по не так давно принятым Федеральным государственным образовательным стандартам нового поколения (с 2009 г. учащиеся начальной школы, с 2010 г. учащиеся основной), которые делают упор на такие воспитательные результаты, как формирование чувства патриотизма и воспитание личности российского гражданина. В контексте Федеральных стандартов второго поколения требования к историко-краеведческой подготовке школьников приобрели большую значимость. Новая учебная деятельность нацелена на формирование у учащихся основ культуры исследовательской и проектной деятельности, поэтому в 2009-2010 учебном году основной упор в организации исследовательской деятельности учащихся Забелинской школы сделан на краеведение.

Была разработана программа работы клуба «Юный краевед-исследователь» на базе школьного музея. Программа создавалась с целью удовлетворения естественного интереса детей к истории родного края, к прошлому забелинской земли, была призвана научить школьников работать с краеведческой литературой, архивными материалами, вести учебно-исследовательскую деятельность. Для учеников школы были организованы поездки и экскурсии в Красноборск, Великий Устюг, Котлас; в Котласском краеведческом музее ребятам предоставлена возможность поработать с архивными документами. В школе создано Научное общество учащихся, проводились школьные учебно-исследовательские конференции. Члены клуба «Юный краевед-исследователь» участвовали также в районной учебно-исследовательской конференции «Юность Поморья», в

межрегиональных Малых Стефановских чтениях в Котласе, в межрегиональных православных Прокопиевских чтениях в Великом Устюге.

Тематика исследовательских работ активистов музея разнообразна: «Школы забелинской земли в XX веке», «Анализ развития сельского хозяйства на территории бывшего совхоза «Забелинский» в XX – начале XXI веков», «Вклад забелинцев в Победу в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов», «Мастер печных дел Н.Н. Дубровин», «Будни и праздники жителей забелинской земли в годы Великой Отечественной войны», «Офицер-фронтовик Степан Васильевич Михин», «Священно и церковнослужители Вонгодской Спасо-Преображенской церкви в XIX веке», «Памяти пострадавших за веру Христову» и другие⁴.

С 2009 г. в школе начали проводить недели проектов. В 2010 г. проектная неделя была посвящена предстоящей 65-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне. На отчётном мероприятии представлены проекты «Судьбы детей войны», «Стихи и песни о войне», «Боевые подвиги забелинцев», «Труженики тыла», «"Мемориал" – сайт о погибших в Великой Отечественной войне», и другие. В ходе работы над проектами ребята посещали дома земляков, анкетировали пожилых односельчан, записывали воспоминания и пополняли фонды школьного музея новыми экспонатами⁵.

На мероприятии по защите проектов присутствовали ветераны, труженики тыла и дети военного времени. По окончании мероприятия было организовано чаепитие школьников с гостями, на котором прозвучала идея написания книги о земляках, участвовавших в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Книгу решено издать к следующему юбилею Победы. В 2015 г. пятилетний проект по созданию книги о фронтовиках-забелинцах был завершён. Сборник «Забелинцы – солдаты Великой Отечественной войны» выпущен тиражом 300 экземпляров⁶.

В 2010 г. началось возрождение местной православной святыни – Комарицкой Николаевской церкви. Храм имеет богатую историю, но, как и большинство православных святынь Котласского района, пострадал в годы безверия. Активисты школьного музея не остались в стороне. В течение 2010-2012 гг. школьники принимали активное участие в уборке территории храма от мусора и скверны. В школе прошли встречи с иноком Владимиром, инициатором возрождения храма. Одна из учениц школы изучила историю церкви и выступила с исследовательской работой «Комарицкая Николаевская церковь: прошлое, настоящее и будущее» на исследовательских конференциях разного уровня⁷.

Все годы неотъемлемой частью работы музея является переписка с земляками и их потомками. На сегодняшний день установлены контакты с потомками священнослужителей Комарицкой Николаевской и Вонгодской Спасо-Преображенской церковью, потомками учителей Забелинской школы первой половины XX в., с музеями Гурьевской библиотеки Калининградской области и Графовской школы Белгородской области. С Гурьевской библиотекой нас связывает интерес к подвигу Героя Советского Союза Павла Кожина, выпускника Забелинской школы, а музей Графовской школы хранит сведения о подвиге нашего земляка, командира батальона, участника тяжёлых сражений на Кур-

ской дуге Степана Васильевича Михина. Продолжаем сотрудничать с Котласским и Красноборским краеведческими музеями, с Великоустюгским центральным архивом. В 2016 г. совместно с Российским военно-историческим обществом установили на здании школы памятную доску «В нашей школе учился Герой Советского Союза Павел Петрович Кожин»⁸.

Школьный музей призван способствовать формированию у школьников гражданско-патриотических качеств, расширению кругозора, воспитанию познавательных интересов и способностей, овладению практическими навыками поисково-исследовательской деятельности, служить целям совершенствования образовательного процесса средствами дополнительного образования. Музей является составляющей школьного организма, неотъемлемым звеном единого образовательного процесса. Он призван обеспечить дополнительное краеведческое образование.

Сегодня музей хранит историю Забелинской школы, память о подвиге односельчан – бойцов и тружеников тыла в дни Великой Отечественной войны, сведения о судьбах жителей деревни Федотовской и окрестных деревень, историю коллективизации и информацию о лучших тружениках совхоза «Забелинский». Традиционно летом на базе музея проходят встречи выпускников разных лет. Гости посещают музей, делятся воспоминаниями о своем школьном детстве, приносят в дар музею новые экспонаты⁹.

Материалы музея активно используются педагогами школы на уроках и во внеклассной работе. Традиционные формы использования – экскурсия, беседа с использованием материалов музея, показ экспоната на уроке, обзор выставок и экспозиций, проектная и учебно-исследовательская работа. На уроках учителя дают обучающимся индивидуальные задания: найти в музее предметы, которые относятся к теме; узнать в музее историю некоторых вещей; записать названия предметов быта, которые могли продаваться на ярмарке; рассказать об устройстве крестьянской избы; подготовить сообщение, используя те или иные материалы музея. Фонды музея используются на классных часах и во внеклассной работе. Дети участвуют в выставках творчества, организуемых в музее, совместно с родителями пополняют музей новыми экспонатами.

Приобщение учащихся к истокам народной культуры осуществляется на уроках русского языка и литературы при изучении раздела «Устное народное творчество». Широко используются музейные материалы на уроках окружающего мира. Так, в 1-м классе на уроке по теме «Что мы знаем о своем селе» проводится тематическая экскурсия «Знай и люби свой край», где рассказывается об истории забелинской земли. Часть урока «Когда появилась одежда» проводится у экспозиции музея «Как рубашка в поле выросла». На уроках истории дети получают важные сведения из истории родного края, изучают историю России в контексте причастности забелинцев к важнейшим событиям в стране.

Активно используются материалы школьного музея для проведения уроков изобразительного искусства. Учащиеся пытаются заглянуть в сердце народного творчества, учатся понимать символику крестьянского быта, разгадывать тайну бытовых орнаментов, в которых, по выражению Сергея Есенина, скрыта «муд-

рость избыточных заповедей». Дети рассматривают расписные предметы быта и домашней утвари, узнают о символике цвета и элементах росписи. На уроках рисования с натуры детям предлагается нарисовать натюрморт с предметами старинного быта, а на уроках декоративного рисования учащиеся составляют орнамент для украшения жилища. Даже листочек в клетку из тетради по математике помогает нарисовать элемент орнамента бабушкиной вышивки на полотенце или скатерти. Дети рисуют, считая клеточки и выводя крестики на бумаге, как бабушка считала ниточки, вышивая птицу.

На уроках технологии в школьном музее учащиеся знакомятся с основными видами народного художественного ремесла нашего края: северной вышивкой, ткачеством, плетением из бересты, корня и ивы, деревянным зодчеством. Ребята узнают названия инструментов и приспособлений для обработки различных материалов и правила пользования ими. В музее есть глиняная посуда, угольные утюги и приспособления для стирки и глажки белья (рубель, скалка, гладильная доска), берестяные изделия и изделия, плетеные из корня сосны, инструменты для строительства дома, обработки земли и заготовки сена. На уроках учащиеся младших классов лепят северную посуду, вышивают салфетки, плетут пояса и коврики, школьники постарше делают макеты северных домов и колодцев. Знания, полученные на уроках, находят применение и во внеклассной работе. На базе школьного музея проводятся викторины, конкурсы рисунков, посиделки, народные праздники – Святки, Масленица, Пасха. Традиционно 19 октября проходит праздник «День рождения школы».

Музей Забелинской школы имеет заслуженные награды: 2004 г. – 2-е место в районном конкурсе «Музейный уголок»; 2009 г. – приз главы района в номинации «Музейное дело и краеведение»; 2015 г. – 1-е место в номинации «Фото-взгляд» и 2-е место в номинации «Музей одного экспоната» в районном конкурсе школьных музеев; 2019 г. – 1-е место в номинации «Презентация школьного музея» и 3-е место в номинации «Атрибуция музейного предмета» в районном конкурсе школьных музеев.

В результате средствами музейной педагогики решается комплекс актуальных задач по гуманизации образования, формированию творческих качеств личности каждого ребенка, воспитанию у них любви к Родине, родной природе, труду, развитию у учащихся интереса к истории отечественной культуры и основным видам русского народного творчества.

¹ Конвенция о правах ребенка (Нью-Йорк, 20 ноября 1989 г.) // Библиотека Российской газеты. 2003. № 13. 98 с.

² Помелова А.Н. Забелинская школа – 100 лет тому назад. Воспоминания учителя // Котласский курьер. 2012. 25 окт. С. 18-19; Чупрова О.Ф. Забелинская школа – 100 лет тому назад. Воспоминания ученика // Котласский курьер. 2012. 18 окт. С. 18-19; Чупрова О.Ф. Забелинская школа: 106 лет подвижничества // Двинской Летописец. 2009. 4 авг. С. 6; Чупрова О.Ф. К юбилею Забелинской школы // Котласский курьер. 2013. 28 марта. С. 8-9; Чупрова О.Ф. О педагогах Забелинской школы // Котласский курьер. 2011. 6 окт. С. 18-19; Чупрова О.Ф. Стрекаловский Леонид Павлович // Котласский курьер. 2013. 1 авг. С. 18-19.

³ Чупрова О.Ф. Никто не забыт, ничто не забыто // Котласский курьер. 2011. 23 июня. С. 14.

⁴ См. например: Веселкова Е.[С.] Священно- и церковнослужители Вонгодской Спасо-Преображенской церкви XIX века // Двинские горизонты (исследования молодых летописцев Севера). Вып. 7. Котлас, 2014. С. 21-36; Сухарева В.А. Памяти пострадавших за веру Христову // Двинские горизонты (исследования молодых летописцев Севера). Вып. 4. Котлас, 2011. С. 129-135; Устинович П.М. Анализ развития сельского хозяйства на территории бывшего совхоза «Забелинский» в XX – начале XXI веков // Двинские горизонты (исследования молодых летописцев Севера). Вып. 4. Котлас, 2011. С. 135-145.

⁵ Чупрова О.Ф. Переправа, переправа... // Ради жизни на земле. Котлас, 2010. С. 23-26; Чупрова О.Ф. Подвиг отважной четверки // Двинская правда. 2009. 22 мая. С. 3.

⁶ Чупрова О.Ф. Забелинцы – солдаты Великой Отечественной войны. Котлас, 2015. 584 с.; Рецензии: Шептяков Н.В. Подвиг учительницы // Вечерний Котлас. 2015. 17 июля. С. 36; Ширшова Т.А. Уполномочена памятью // Двинская правда. 2015. 17 июля. С. 6.

⁷ Устинович П.М. Комарицкая Николаевская церковь: прошлое, настоящее и будущее // Двинские горизонты (исследования молодых летописцев Севера). Вып. 5. Котлас, 2012. С. 105-114.

⁸ Чупрова О.Ф. Увековечили память героя // Двинская правда. 2016. 29 марта. С. 2.

⁹ Чупрова О.Ф. Из истории Вонгоды // Котласский курьер. 2011. 7 апр. С. 14; Чупрова О.Ф. Из истории Федотовской // Котласский курьер. 2011. 30 июня. С. 14-15.

Часть VI. ПЕРСОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

О.Б. Зенкова, В.В. Копытков

КАРГОПОЛЬСКИЙ КРЕСТЬЯНИН ИВАН ИКОННИКОВ И ЕГО РОЛЬ В ДЕЛЕ «МНИМОГО САМОЗВАНЦА» ИОАННА АНТОНОВИЧА

Эта история случилась чуть более двух с половиной веков назад, в те времена, когда наша страна переживала очередной политический кризис. В 1725 г., после смерти Петра I, в России началась «эпоха дворцовых переворотов», закончившаяся лишь в 1762 г. восшествием на престол Екатерины II. В главных сферах российской действительности – в политике, экономике, армии и науке – царило засилье иностранцев. С Запада в Россию, как на лакомую приманку, тянулись не только просвещённые умы, одарённые инженеры и военные, желающие за приличное вознаграждение послужить «варварской» стране. Ехали сюда и разного рода аферисты и махинаторы (а нередко по совместительству – шпионы), выдававшие себя за важных особ и «стригшие купоны» с доверчивой российской власти и не менее доверчивого высшего общества, уже приученного к мысли, что чужеземцы культурнее, умнее и благороднее.

Нищие в своих французских, германских и иных землях графы и бароны, вознёсшиеся на вершину власти и славы в Российской империи, зачастую определяли линию поведения не только своих покровителей, но и всей страны. Имена некоторых из них стали нарицательными и не забыты до сих пор.

Но колесо фортуны переменчиво – сменялась власть, приходили новые фавориты, а старых, несмотря даже на несомненные заслуги перед Российской державой, не просто «списывали» – их лишали титулов, наград, имений, ссылали в отдалённые губернии – на Север или в Сибирь. И хотя доля их была всё равно не столь тяжела, как у впавших в немилость русских «государственных преступников», не привыкшие к суровым условиям европейцы, случалось, погибали. Хуже всех, конечно, приходилось претендентам на трон. В борьбе за него проигравших ждала самая печальная участь.

В октябре 1740 г. на Российский престол был возведён младенец Иоанн Антонович¹. Регентом при малолетнем императоре сначала становится фаворит императрицы Анны Иоанновны Курляндский герцог Эрнст Иоганн Бирон, а затем, после его ареста 8 ноября того же года – мать младенца, племянница «в бозе почившей» Анны Иоанновны, принцесса Мекленбург-Шверинская Анна Лепольдовна.

25 декабря 1741 г. трон при поддержке русской гвардии переходит к дочери Петра Великого Елизавете. Начиная с этого времени имя низложенного Иоанна Антоновича попадает под строжайший запрет, все официальные бумаги с титулом свергнутого императора подлежат уничтожению, монеты с его изображением изымаются из оборота и переплавляются. С 1742 по 1744 гг. «Брауншвейгское семейство» (несчастливого младенца и его родителей – принцессу Ан-

ну и Антона-Ульриха, принца Брауншвейгского и Люнебургского) держали в заточении в Риге, затем в латвийской крепости Динемюнде. В январе 1744 г. их перевезли в Раненбург – уездный город в Рязанской губернии, а летом того же года опальное семейство сослали подальше от границы, в Холмогоры. Там мальчика на протяжении двенадцати лет держали взаперти, отдельно от родителей. В 1756 г. опасавшаяся заговора Елизавета Петровна распорядилась перевести царственного пленника в Шлиссельбургскую крепость и поместить в одиночную камеру, где он и провёл остаток своей горькой жизни. В 1764 г., при неудачной попытке освобождения тайного узника подпоручиком В.Я. Мировичем, он, согласно секретной инструкции, был убит тюремной охраной².

Надо сказать, что в народе о свергнутом императоре Иоанне Антоновиче ходили разные слухи и домыслы, невзирая на то, что за их распространение грозило «жесточайшее наказание». К своему несчастью, герой нашего повествования, каргопольский крестьянин Иван Иконников, не избежал соблазна и жестоко поплатился за него.

Впервые сведения о деле Ивана Иконникова попали на страницы российских печатных изданий ещё в третьей четверти XIX столетия. Писал о нём в своих трудах и знаменитый русский историк Н.И. Костомаров. В наши дни материалы этого следственного дела также находили краткое отражение в научной литературе. Однако подробности его до настоящего времени никто не раскрывал. Между тем дело Иконникова – один из наглядных примеров о «мнимых самозванцах»: российских лжемонархах, не менявших своего настоящего имени и статуса и даже не заявлявших о желании это сделать. В отечественной историографии фигурируют имена не менее 11 таких лиц: Иван Заруцкий; сын Марии Мнишек Иван; султан Махмут, сын каракалпатского хана Кучука (союзник восставших башкир в 1707-1708 гг.); Артамон Чевычелов; трое пугачёвцев – Пётр Евсевьев (Евстифеев, Евсигнеев), Яков Иванов, «разбойник Фирска»; две скопческие «богородицы» – Анна Софоновна Попова и Акулина Ивановна; Пётр Хрипунов (Головенко); монастырский служитель Иван Михайлов Попов³.

Жизненная эпопея жителя Поморья Ивана Иконникова могла бы стать сюжетом приключенческо-авантюристического романа или фильма, трагикомедии. Сохранившиеся, уже ветхие, документы расследования по делу этого крестьянина очень подробно и в красках описывают все его похождения, которые в конце концов закончились для него каторгой. Признаться, биография этого человека изначально складывалась на редкость удачно, и, при наличии несомненных способностей, он непременно прославился бы совсем другим делом, а именно иконописью, чем сам Иван, как его предки и вся родня, и занимался.

Согласно «Ревизским сказкам Каргопольского уезда» 1724 и 1762 гг. Иван Иконников родился в 1718 г. в деревне Лемпиевской («а Якимовской тож») Нижнемудьюжской волости, в семье Гаврилы Феоктистова и Ирины Егоровой – дочери дьячка Верхнемудьюжской Входаиерусалимской церкви Егора Васильева. Деревня, в которой жили Иконниковы, принадлежала Кийостровскому Крестовому монастырю, расположенному в устье реки Онеги⁴. Из научной литературы нам известны несколько умельцев XVII–XVIII вв., выходцев из вотчин этой обители, в том числе из деревни Лемпиевской. Так, в «Словаре»

Т.М. Кольцовой в списке иконописцев второй половины XVIII в. указаны Яков Гаврилов Иконников и его брат, иконостасный мастер Пётр Гаврилов – внуки онежского мастера Феоктиста Климентова⁵. Имя Ивана известным архангельским искусствоведом не названо, возможно, по причине того, что в имеющейся «Ревизской сказке 1762 г.» о нём сделана запись: «Иван Гаврилов... в безвестном сходстве с 1751 году»⁶, а произведения его в настоящее время неизвестны.

В «Ревизской сказке 1724 г.» в деревне Лемпиевской значатся крестьяне Феоктист Климов (1670), его сын Гаврила (1700) и «прописной» внук Иван (1718). Согласно данным ревизии 1762 г., в семье у Гаврилы Иконникова шестеро детей: Иван (1718), Ирина (1720), Яков (1724), Пелагея (1731), Пётр (1733) и Михаил (1738). Дочери, по достижении совершеннолетия, были «выданы в замужество», а младший сын Михаил «отдан в рекруты» в 1759 г.⁷

Однако в вышеуказанном «Словаре» Т.М. Кольцовой в числе иконописцев Каргопольского уезда приводится имя Ивана Гаврилова Иконникова, о котором, со ссылкой на документы архива Института истории материальной культуры РАН, сообщается следующее: «В 1887 г. в описании Никольской церкви с. Волосово Каргопольского уезда зафиксировано: "Все иконы старинного письма находятся в иконостасе, но в обновленном виде, о чем свидетельствует надпись на иконе Спасителя, стоящей по правую сторону царских врат: написана сей образ ...1771 года ...починкою исправлен иконописцем Иоаном Гавриловым Иконниковым уездным"». Но речь здесь идёт о другом Иване Гаврилове Иконникове, проживавшем в деревне Андреевской той же Нижнемудьюжской волости: в 1782 г. ему было 43 года⁸.

Поодиночке или артельно северные мастера участвовали в благоукрашении новых и старых церквей и монастырей, брали частные заказы от горожан или состоятельных крестьян. По закону, отправляясь на заработки, они были обязаны получать в местных или провинциальных (областных) администрациях паспорта, в которых прописывался срок, на который он выдаётся, указывались имя, отчество, фамилия (если она имелась), возраст и особые приметы. Паспорт предъявлялся в администрацию той местности, куда направлялся проситель, а также по требованию на заставах, таможенных и в других местах. Выдавался он по прошению, бесплатно: пошлину за его получение узаконили лишь в 1763 г.

Такой документ Ивашка Иконников получил в 1747 г. О том, где и с кем он работал в 1747-1751 гг., сведений обнаружить пока что не удалось. Обо всём, произошедшем после, мы узнаём из «Дела о крестьянине Иване Иконникове, сочинявшем таблицы с именем императора Иоанна III», находящемся на хранении в Российском государственном архиве древних актов.

Видимо, вскоре после возвращения домой «из отлучки», Ивану захотелось вновь отправиться в чужие края, но уже не одному. Летом 1751 г., не озадачившись прошением в получении нового паспорта, бесшабашный крестьянин, оставив малолетних детей (11-летнего Матфея и 7-летнюю Мариамью) на попечение родственников, взяв старый недействительный документ, вместе с женой Дарьей Григорьевой двинулся в путь. По плану смелого предпринимателя, конечным пунктом данного вояжа предполагался Олонецкий уезд, а именно Кондужская и Мегорская волости, где намечалась иконописная работа при церквях

Воскресенского и Христорождественского приходов⁹. Дорога лежала через административный центр Каргопольского уезда – город Каргополь, где обладатель просроченного паспорта наверняка намеревался получить новый на законных основаниях, а пока расположиться на подворье Кийостровского Крестового монастыря.

Возможно, не случись греха – всё бы так и произошло. Но «лукавый» не дремал: Иван на подворье напился пьян. Будучи во хмелю, иконописец сказал за собою «слово и дело» – страшное заявление, означавшее, что сказавший ведает что-то о государственных преступниках или же о готовящемся преступлении. Естественно, местные блюстители порядка немедленно доставили болтуна для показаний в Каргопольскую воеводскую канцелярию, откуда для дальнейшего следствия отправили в Белозерскую провинциальную канцелярию. Там Ивашке пришлось повиниться, что «слова и дела» у него ни на кого нет, что это всего лишь пьяная болтовня. Отнесли к нему по тому времени достаточно гуманно: «по определению той провинциальной канцелярии за оное ево ложное сказывание дела учинено ему Иконникову наказание – вместо кнута бит плетми и освобожден с пашпортом, в котором написано было, чтоб ему с тем пашпортом жить в Олонецком уезде для письма икон только шесть недель, а по прошествии тех недель явиться ему во оной провинциальной канцелярии»¹⁰.

Удивительно, но наш прототип Остапа Бендера умудрился в этой же Канцелярии занять денег на поездку и жительство в Кондужской и Мегорской волостях, и не у кого-нибудь, а у воеводы Петра Ильяшева и его «товарища» Дмитрия Васильева: у первого восемь рублей, у второго – десять, с условием отдачи по возвращении. В залог Ивашка оставил в Белозерске свою жену Дарью, как оказалось – навсегда. Однако вполне возможно, что никаких денег Ивашке Иконникову белозерский воевода с товарищем в долг не давали, а потребовали принести им их в качестве взятки за «благополучное» разрешение его дела, предоставив возможность Ивашке заработать необходимую сумму в 18 рублей иконописным ремеслом в кратчайшие сроки и, по сути, взяв его жену Дарью в заложники. Ни чиновники, ни сам Ивашка Иконников, как это ни странно, видимо, не предполагали, что письмо икон за шесть недель выполнить нереально. А вот клир и прихожане усомнились в возможностях приезжего мастера и отказали ему в найме: «священники и крестьяны к той работе ево не допустили, а объявили, что с таковым данным на малое время пашпортом к той работе они ево не допустят»¹¹.

Прожив в Кондужской волости неделю, Ивашка решился на новый рискованный шаг. Уйдя в лес, чтоб никто не видел, он «с вышеобъявленного преждеданного ему в 747 году ис Каргополской воеводской канцелярии пашпорту написал себе воровски [новый] пашпорт», причём на трёхлетний срок, и приклеил к нему печать, оторванную с просроченного документа. Не изменив своего имени и фамилии, он указал другое место жительства: деревню Лапинскую Караминской волости Каргопольского уезда¹² «и с тем воровским пашпортом из Олонецкого уезду пошел... в Сибирь для того, что ему Иконникову в Белозерскую провинцию за неимением к отдаче объявленным воеводе и товарищу ево денег приттить неможно»¹³.

На пути в Сибирь лежал город Соликамск. Миновать его вряд ли бы получилось: «для того что без записки в той Канцелярии с тем пашпортом иттить [далее] было ему невозможно». Бдительные пермяки обнаружили подделку, начали расследование, и Ивашка совершил новый опрометчивый поступок: боясь «истязания», он опять сказал за собой «слово и дело». «А когда в том сказывании слова и дела был он Иконников спрашиван, и тогда он Иконников желая ис той канцелярии получить себе отсылку показал, якобы он то слово и дело имеет по первому пункту и покажет, де, в главной команде. И по тому ево показанию из оной воеводской канцелярии отослан он в Пермскую провинциальную канцелярию»¹⁴. Пункт первый царского указа 1713 г. о преступлениях против Его Величества гласил: «Ежели кто за кем знает умышление на его Государево здоровье и честь».

А дальше, что называется, врать – так врать. В Перми Ивашка не только не повинился, но пошёл ещё дальше: заявил, что показания его настолько секретны и важны, что давать он их будет только «персонально» самой императрице Елизавете Петровне. И, в соответствии с установленным законом порядком, его отправили, но не в Санкт-Петербург, а в Москву, и 14 апреля 1752 г. попал каргополец не пред светлые очи матушки-царицы, а в Тайную кантору. Однако и здесь Иконников держался своего сумасшедшего плана: требовал отослать его в столицу для аудиенции с государыней. Чем руководствовался Ивашка, следствие всё же выяснило: «того ради думал, что по объявленному требованию ис Тайной канторы для представления к Ея Императорскому Величеству отошлют ево в Санкт-Питербурх, а когда б он Иконников пред Ея Императорское Величество представлен был, то тогда желал у Ея Императорскаго Величества просить в сочинении объявленного воровского пашпорта милосердия...»¹⁵.

Боясь «розыска», Ивашка придумал версию о «слове и деле»: он показал, что, будучи в Архангельске, видел, что торговые люди, под заявленным льняным семенем, «воровски» отпускают в Швецию рожь. Ложь без труда раскрыли, но обошлись с северянином опять же довольно мягко: по указу из Тайной канцелярии в мае 1751 г. «за то ево ложное показание и за вышеобъявленное ложное им сказывание Ея Императорскаго Величества слова и дела учинено ему Иконникову при Тайной канторе наказание вместо кнута бит плетми нещадно»¹⁶.

Провести следствие о фальшивом паспорте поручили Сыскному приказу. Там, по-видимому, посчитали дело не стоящим особого внимания и отправили битого Ивашку под охраной в Каргополь, предоставив решение его судьбы на милость местному воеводе. Чтобы добраться до Каргополя, нужно было ехать через города Переславль, Ростов, Владимир. Из Владимира арестанта повезли в Судиславль, и по дороге от двух ротозеев-караульщиков – «Володимерской провинциальной канцелярии разсылщиков» – он бежал. Проплутав в лесу четыре дня, наш герой вышел в Судиславль, затем, никем не опознанный и не пойманный, сумел добраться через Галич и Вологду в Архангельск. Там, «в городе Архангелском, жил церкви Благовещения Пресвятой Богородицы у дьякона Матвея Михайлова и писал разных чинов людям святыя иконы, а потом от

него сошел, жил у города Архангелского в Архангелском монастыре в монашеских кельях и писал в тот монастырь святых иконы из платы»¹⁷.

Таким образом, подследственный совершенно легально жил и работал, не боясь быть разысканным и уличённым в подлогах и в побеге. Это могло случиться, на наш взгляд, потому, что здесь его знали по прежним работам, и подозрений не возникало, а письма с указами о поимке беглеца до монастыря не дошли. Вообще поступающие «сверху» указы о поимке беглых переписывались и рассылались по всей властной мирской и духовной цепочке во все приходы и монастыри, а священники и настоятели рапортовали об их получении и принятии к сведению или исполнению. Времени же на эти действия уходило, конечно, немало.

Все описанные бурные события происходили в течение года с небольшим – с лета 1751 до осени 1752-го. Казалось, можно было сделать выводы и вернуть жизнь в старое русло. Но нет, Ивашку опять одолела страсть к перемене мест (да и заказов, наверное, давали немного). За прошлые «подвиги» официального паспорта он получить уже не мог, поэтому прибегнул к старому способу: подделке удостоверения. На сей раз, тайно вырезав на «опочном камне» печать Каргопольской воеводской канцелярии и украв бумагу и чернила в монастыре, Иконников изготовил фальшивку, которую до поры «держал при себе весьма скрытно, так что никому сыскать и увидеть... было невозможно». Забрав свой немногочисленный скарб в обители, Ивашка отправился по различным весям, на поиски подрядов и пропитания. В Нижней Койдокурской волости Двинского уезда¹⁸ он остановился для «иконного художества» в Никольской церкви, а по окончании работы летом 1753 г. направил свои стопы в Устюжский уезд. По пути в одной из деревень Антониево-Сийского Троицкого монастыря Ивашка стащил у крестьянина Семёна Минина, пустившего его на ночлег, недействительный уже паспорт (данный до 1 января 1753 г.), и с ним явился в Великий Устюг¹⁹.

В Устюге, видимо, посмотрели на сие сквозь пальцы или, что более вероятно, Иконников паспорт не предъявлял вообще. Познакомившись каким-то образом с настоятелем Негренской Успенской Федосеевой пустыни, иеромонахом Трофимом, Иконников нанялся на иконописную работу в этой небогатой малой обители, располагавшейся в восьмидесяти верстах вверх по Сухоне, в Сученгской волости, на стыке Устюжской и Тотемской земель. Там только что была выстроена вместо ветхой новая деревянная Успенская церковь и, конечно, игумен Трофим несказанно обрадовался недорогому, судя по всему, работнику. Невероятно, но в Устюге, где всегда щепетильно относились к иконописи и существовала высокая конкуренция ввиду большой плеяды мастеров, никому неизвестный каргополец смог получить заказ. Можно предположить, что главным фактором оказалась фамилия – широко известная на Русском Севере, да и само Ивашкино «художество» могло соответствовать вкусам устюжан. Впрочем, догадки догадками, а договор состоялся: в сентябре 1753 г. Ивашка поехал в Негренскую пустынь, и пробыл там в трудах около трёх месяцев²⁰.

Казалось, судьба благоволит грешному Ивашке, но ангел-хранитель вскоре отступился от него. 8 ноября, на престольный праздник Михайло-

Архангельской церкви Сученгской волости, Ивашка вместе с 26-летним бельцом-казначеем Негренской пустыни, Иваном Михайловым Поповым, сидел в гостях у приходского священника Гордея. Казначей, по словам Иконникова, захмелев, учинил с местными крестьянами и с ним драку: бил его, Иконникова, «смертно, а за что, того он Иконников не знает». После драки, как ни в чём не бывало, оба вернулись в пустынь. Попов, скорее всего, и не помнил о случившемся, а вот иконописец затаил злобу. Даже продолжая работать и общаясь с казначеем, он не оставлял мысли об отмщении.

В непрерывных раздумьях о том, что бы сотворить обидчику, Ивашка додумался до такого, что стало ему прямой дорогой на каторгу: «И вымыслил написать на одном лоскуте [бумаги] в линейках литеры своею рукою в такой силе: "Я Иоанн Император и Самодержец Всероссийский, а Елисавет Императрицу и Наследника Ея свержу с Престола. А ныне я под скрытом нахожуся в Негренской пустыни казначеем. В том и подписуюсь своеручно я, Иван Михайлов". А на другом лоскуте в линейках против тех слов с убавкою, а именно: "Я Иоанн Император и Самодержец Всероссийский. В том я, Иоанн Михайлов, и подписуюсь своеручно". И как он Иконников те литеры на плате написать выдумал, то сперва... своею рукою, дабы оной Михайлов показанные литеры, в какой они силе писаны, не мог вразуметь...»²¹.

Затем Иван Иконников попросил пришедшего к нему в трапезную Успенского храма Ивана Михайлова скопировать текст «с лоскутов» на бумагу своею рукою: «якобы для собственной ему Иконникову надобности, и что, де, он Иконников так чисто как он [Иван] Михайлов напишет, сам написать не может...». После этого Иконников свои бумаги «разодрал в мелкие куски и зжог на огне», а тексты, написанные Иваном Михайловым, сохранил при себе, чтобы потом на него «за показанную злобу донести и объявить, якобы оной Михайлов те литеры писал называя себя Императором, и чрез то свое показание хотел того Михайлова привести... к истязанию»²².

Закончив иконописные работы, Ивашка покинул Негренскую обитель, и в первых числах января 1754 г., находясь в Устюге, изготовил ещё несколько фальшивых паспортов, которые вместе с «литерами» «держал у себя скрытно». Почти месяц он скитался по Устюжскому и Архангельскому уездам, зарабатывая себе на жизнь иконописанием, и, видимо, уже в конце января прибыл на Вятку. И вот здесь его авантюрам пришёл конец. «Художество» каргопольца, якобы «неисправное», возмутило местных иконописцев, и они подали жалобу в Вятскую духовную консисторию, а там обратили внимание на поддельный паспорт «художника». И опять Ивашка начал изворачиваться и лгать: что «он, де, беглый рекрут, но желает быть в службе у Ея Императорскаго Величества». Разбираться в Консистории сами не стали, отправили лже-рекрута в Губернскую канцелярию, а оттуда – ниже по инстанции, в Вятскую провинциальную канцелярию. Фантазия иконописца была ключом: «и будучи в Вятской провинциальной канцелярии под караулом, желая ис той провинциальной канцелярии получить себе свободу, перед присутствием объявил, что якобы знает он место, где может алмазных вещей множественное число отыскать, и чтоб для того представлен был пред Ея Императорское Величество. И потому ево объявляе-

нию он Иконников из оной провинциальной канцелярии выслан в Москву Правительствующаго Сената в Контору»²³.

13 декабря 1754 г. Ивашку Иконникова доставили в Москву, в Тайную контору, где у него при обыске нашли зашитыми в подушку и паспорта, и печать, и лоскутки бумаги «в четверть листа и осьмушку» с начертанными на них таблицами, и ещё какие-то коренья и травы (которые, кстати, могли вызвать обвинение в колдовстве), а также два камня, которые он выдавал за драгоценные яхонт и алмаз.

«Литеры», по причине зашифрованности, разобрать не смогли и сочли их за некое пособие к написанию паспортов. Не найдя в них никакой «надобности», Иконникова вместе с пожитками отослали в Сенатскую контору «для надлежащего рассмотрения». Там он опять принялся за старое: «...в той Правительствующаго Сената конторе требовал он Иконников себе представления пред Ея Императорским Величеством и показывал, якобы он Иконников может отыскать алмазных вещей множественное число ложно, желая чрез то толко получить себе представление пред Ея Императорское Величество. А когда б он пред Ея Императорское Величество представлен был, то тогда хотел о вышеобъявленных своих винах в сочинении воровских пашпортов просить у Ея Императорскаго Величества помилования»²⁴.

В криптограмме же оказалась «немалая важность», причём на эту важность указал сам Ивашка, «желая о вышеписанном своем на помянутого [Ивана] Михайлова умысле принести сущее извинение», благодаря чему 22 декабря 1754 г. он снова очутился в Тайной конторе, где его «расспросили» уже весьма обстоятельно. Копии «литер» срочно выслали в столицу, в Тайную канцелярию, а оригиналы оставили для следствия, поскольку писаны они были не рукой Ивашки. Видимо, каргополец уже не раз пожалел, что не избавился от злосчастных таблиц. На допросе Иконников признал своё авторство, и, хотя и показал, что написал их казначей Негренской пустыни, но подтвердил, что Иван Михайлов Попов не знал об истинном их содержании, и что никто больше этих бумаг не видел.

Заподозрив сговор и злые умыслы, следователи 28 декабря послали в Великий Устюг указ о присылке «под крепким караулом» второго подозреваемого в Москву и «о забрании» у него всяких книг и писем. Уже в середине января 1755 г. бывшего Негренского казначея – «мнимого самозванца» Ивана Михайлова – привезли «под караулом лейб-гвардии Московского батальона капрала Ивана Петина и солдат» в Тайную контору и 19 числа того же месяца «обстоятельно» там допросили, а 13 марта отпустили по указу без всяких неприятных последствий, как невиновного²⁵. А вот в отношении авантюриста Ивашки Иконникова следственный маховик раскрутился основательно. Тогда же, 13 марта 1755 г., по предписанию начальника Канцелярии тайных розыскных дел графа Александра Ивановича Шувалова крестьянин Иван Иконников был «приведен в застенок и поднят на дыбу, и розыскиван накрепко и... распрашиван. А в роспросе он Иконников говорил тоже самое и ничего нового не добавил; и про таблицы никому не рассказывал и непоказывал их; и в том во всем

он Иконников утвердился. И потом оной Иконников з дыбы спущен и отдан под караул по прежнему»²⁶.

По большому счёту, Ивашке грозила смертная казнь, но в государстве уже много лет существовал мораторий на неё. Гибель на плахе или виселице заменялась ссылкой на каторжные работы, и неизвестно, чего осуждённый боялся больше: быстрой смерти или адских мучений на каторге. Конечно, во втором случае имелся шанс на помилование при новом правителе (что и случилось после смерти Елизаветы Петровны). Но до этого далеко не каждый мог дожить.

Приговор оказался действительно суров: за «воровские» паспорта, подделку печатей, обман и лживый донос, «сверх бывшего розыску» Ивана Иконникова «вместо смертной казни по учинении наказания кнутом и вырезывания ноздрей» сослали в Рогервик «в работу вечно»²⁷. Уже в конце сентября 1755 г. он попал в бывшую небольшую шведскую крепость на побережье Балтийского моря, в Эстляндии, где ещё со времён Петра I (1718 г.) силами каторжан строился порт (с 1934 г. – город Палдиски, Эстония)²⁸.

При Петре I в Рогервик попадали даже не желавшие брить бороды. После смерти Петра приговорённых частью амнистировали, частью отправили на уральские и сибирские рудники. Расчёт на свободных не оправдался, строить стало некому, и возведение важнейшего для России объекта остановилось. К мысли об использовании труда каторжников снова обратилась Елизавета Петровна. Служивший в течение месяца в здешнем гарнизоне будущий учёный Андрей Тимофеевич Болотов писал в мемуарах: «Были тут [люди] всякого рода, звания и чина: знатные, были дворяне, были купцы, мастеровые, духовные и всякого рода подлость, ... кроме русских были тут люди и других народов, были французы, немцы, татары, черемисы и тому подобные»²⁹.

Судьбы разных людей пересеклись с Рогервиком. С 1752 по 1762 гг. инженерными работами здесь руководил прадед А.С. Пушкина, генерал-аншеф Абрам Петрович Ганнибал³⁰, а каторгу на Балтике в разные годы отбывали и шут Петра Великого Иван Балакирев (в 1724–1725 гг.), и знаменитый Ванька Каин (с 1755 г.), и примкнувшие к восстанию Емельяна Пугачёва башкиры (в частности, в 1775–1800 гг. – Салават Юлаев с отцом)³¹. Условия были чрезвычайно тяжёлыми, работа заключалась в ломке камней и сооружении из них насыпи, причём морскими волнами конструкция постоянно разрушалась. Обитали каторжники в огромном остроге, внутри которого стояло подобие казармы, разделённое перегородками. «Злодеев» в бытность А.Т. Болотова в Рогервике насчитывалось около тысячи. Все они находились в кандалах, многие – в двойных и тройных, поскольку даже здесь представляли большую опасность, особенно для солдат и офицеров³².

По данным исследователей, с 1753 по 1756 гг., то есть как раз во время истории с Ивашкой Иконниковым, в Рогервик поступило 13 242 арестанта, из них погибло 13 101³³. Конечно же, у несчастного Ивашки не имелось ни единого шанса выжить в этом аду, и он сгинул в застенках, в которые сам себя и завёл.

Жена его Дарья, по счастью, сумела вернуться домой. В «Ревизии 1762 г.» она значится всё в той же деревне Лемпиевской вместе со своими уже взрослыми сыном и дочерью, семействами братьев Ивана и свекровью Ириной Егоро-

вой³⁴. Согласно «Ревизской сказке 1782 г.» в Лемпиевской проживали вдовы и дети Якова и Петра Гавриловых Иконниковых, умерших соответственно в 1778 и 1775 гг., а у старшего брата – Якова – уже внуки. Следы членов семьи Ивана Гаврилова Иконникова теряются: в документе не сообщается ни об их смерти, ни о переезде в другую местность³⁵.

Приложение

Таблицы Ивана Иконникова

Первый лоскут по буквам:

Я ИОАНЪ ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОСЪСІЙСКИЙ А ЕЛИСАВЕТЪ ИМПЕРАТЪРИЦУ И НАСЛЕДНИКА ЕЯ СВЕРЖУ С ПРЕСЪТОЛА А НЫНЕ Я ПОД СКРЫТОМ НАХОЖДУСЯ В НЕГРЕНСКОЙ ПУСТЫНИ КАЗНАЧЕЕМЪ ВЪ ТОМ И ПОДПИСУЮСЬ СВОЕРУЧНО Я ИВАНЪ МИХАЙЛОВО

Т	А	С	К	Р	В	С	В	М	Т	И	Я					
В	О	Н	П	А	И	Е	К	С	О	О	М	И				
П	Н	М	Ы	Р	Е	Ц	Т	И	Е	Д	Р	П	О			
Н	У	Е	Н	НЕ	Е	Я	У	Ъ	И	Р	Е	Ъ	Е	А		
Т	А	С	Г	А	Я	С	С	И	И	А	О	Р	И	Р	Н	
С	О	Ч	Т	Р	Х	П	Ъ	В	Н	М	Е	С	Ж	С	А	Ъ
Е	У	М	Е	Ы	Е	О	О	Т	Е	А	П	Л	Ъ	Е	А	
В	Р	Ю	И	Е	Н	Н	Ж	Д	О	Р	С	Е	И	С	Ц	
Х	А	У	С	П	М	И	С	Д	С	Л	Ж	Л	Р	С	І	Ъ
В	А	Н	Ч	Ъ	О	Ъ	К	К	У	К	А	У	Е	А	А	И
О		Й	Ъ	НО	С	Д	В	А	О	С	Р			Д	Т	
			Л	М	Я	В	П	Ъ	З	И	Я	Ы			Н	Ъ
				О	И	И	О	И								И

Второй лоскут по буквам:

Я ИАНЪ ИМЪПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЪЖЕЦЪ ВСЕРОСЪСІЙСКИЙ ВЪ ТОМ Я ИОАН МИХАЙЛОВЪ И ПОДПИСУЮС СВОЕРУЧНО

И	И	В	С	В	Р	И	Р	И	И	Я		
Д	Л	О	Ъ	И	С	Ъ	С	А	М	А		
С	П	О	А	Т	І	Е	Ж	А	Т	Ъ	Н	
Ч	В	И	В	Н	О	С	Р	Е	М	О	П	Ъ
	Н	О	С	Ъ	М	М	Ъ	О	Ц	О	Р	Е
		О	Е	У	И	И	Я	К	С	Ъ	Д	Ъ
				Р	Ю	П	Х		И	Ъ		Е
					У	С	О	А		И		

P.S.: Наверное, Иван Гаврилов Иконников даже не подозревал, что на момент написания этих таблиц подлинному Иоанну Антоновичу было всего лишь 13 лет. И уж кто-кто, а следователи и судьи наверняка знали, где он в данный момент находится. А может, на то и рассчитывал: главное, «насолить» казначею, а там разберутся и выпустят. Вот только печального исхода дела в своём отношении он не предусмотрел.

¹ В официальных прижизненных источниках российский император Иоанн Антонович упоминается как Иоанн III, то есть счёт ведётся от первого русского царя Ивана Грозного. В поздней историографии установилась традиция именовать его Иоанном VI, считая от московского князя Ивана Калиты.

² Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. История России. М., 2008. С. 145-154.

³ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 7. Оп. 1. Д. 5. Ч. 2. Л. 80-80 об.; Д. 1612. Л. 1-62; Тайная канцелярия в царствование императрицы Елизаветы Петровны (1741-1761) // Русская старина. Т. XII. 1875. Вып. 3. С. 533; Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. М., 2004. С. 990; Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М., 1967. С. 132; Низовский А.Ю. Русские самозванцы. М., 1999. С. 283; Szvák G. False tsars. New Jersey, 2000. P. 102; Усенко О.Г. Изучение российского монархического самозванчества: «ловушки», проблемы, перспективы // Самозванцы и самозванчество в Московии. Будапешт, 2010. С. 9, 30; Усенко О.Г. Российские лжемонархи XVII–XVIII веков: ревизия состава // Многоликий и беспокойный славянский мир. Научный сборник в честь 50-летия Ю.А. Борисёнка. (Серия «Историки-слависты МГУ». Кн. 11). М., 2016.

⁴ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1268. Л. 600 об.-601; Д. 1279. Л. 392-392 об., 393 об.

⁵ Кольцова Т.М. Северные иконописцы. Опыт биобиблиографического словаря. Архангельск, 1998. С. 64-65.

⁶ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1279. Л. 393 об.

⁷ Там же. Д. 1268. Л. 600 об.-601; Д. 1279. Л. 392-392 об.

⁸ Кольцова Т.М. Указ соч. С.64-65; Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). Ф. 51. Оп. 11. Т. 2. Д. 2673. Л. 240 об.-241.

⁹ Кондужская (Кондушская) и Мегорская волости Олонецкого уезда позже вошли в состав Вытегорского уезда Олонецкой губернии.

¹⁰ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1612. Л. 4 об.

¹¹ Там же. Л. 4 об.-5.

¹² В ходе административно-территориальной реформы в 1780 г. Караминская волость перешла в состав Онежского уезда, образованного из северных волостей Каргопольского уезда Новгородского наместничества.

¹³ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1612. Л. 5-5 об.

¹⁴ Там же. Л. 5 об.-6.

¹⁵ Там же. Л. 6-6 об.

¹⁶ Там же. Л. 6 об.

¹⁷ Там же. Л. 7.

¹⁸ Койдокурская волость нижнего конца входила в состав Двинского уезда Архангелогородской губернии. Центр Нижнекойдокурского прихода – деревня Ивойловская. На тот момент там стояли два деревянных храма: однопрестольный во имя Николая Чудотворца и двухпрестольный во имя Варлаама Хутынского и Ильи Пророка.

¹⁹ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1612. Л. 7-7 об.

²⁰ Там же. Л. 8, 53-56; Копытков В.В., Зенкова О.Б. Негренская Успенская Федосеева пустынь в Сученгской волости Тотемского уезда. Неизвестные страницы истории XVI–XVIII вв. // Материалы II Всероссийской научной конференции с международным участием «Русский Север – 2018: Проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия». Вологда, 2018. С. 390; Копытков В.В., Зенкова О.Б. Между Негрой и Сученгой. История забытой обители. М., 2019. С. 42-45.

²¹ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1612. Л. 8-9.

²² Там же. Л. 9 об.-10.

²³ Там же. Л. 10-10 об.

²⁴ Там же. Л. 10 об.-11.

²⁵ Там же. Л. 15-15 об., 51-57 об.

²⁶ Там же. Л. 58.

²⁷ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 5. Ч. 2. Л. 80-80 об.

²⁸ Там же. Д. 1612. Л. 61-62.

²⁹ Болотов А.Т. Записки // Русская старина: Приложение. Т. 1. СПб, 1870. С. 341-342.

³⁰ Это звание А.П. Ганнибал получил в 1759 г.

³¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. IX. Т. 17-18. М., 1963. С. 539; Анисимов Е.В. Толпа героев XVIII века. М., 2013. С. 297.

³² Болотов А.Т. Указ. соч. С. 341-342.

³³ История пролетариата СССР. 1933. № 13-16. С. 179.

³⁴ В «Ревизской сказке 1762 г.» Дарья названа Анной. См.: РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1279. Л. 392, 392 об., 393 об.

³⁵ ГААО. Ф. 51. Оп. 11. Т. 2. Д. 2673. Л. 250 об.-251 об.

В.П. Мясников

ИСПРАВНИК, КОТОРОГО НЕ БЫЛО, И ЕГО БЛАГОДЕТЕЛЬ (А.О. НАРБУТ И Л.В.ДУБЕЛЬТ), ИЛИ СВЯЗИ РЕШАЮТ ВСЁ

Институт исправников охватил империю в правление императрицы Екатерины II (1762-1796), в ходе претворения в жизнь губернской реформы. В основополагающем акте (...) реформы – в «Благочестивейшия Самодержавнейшия Великия Государыни Императрицы Екатерины Вторыя учреждениях для управления губерний Всероссийския Империи» от 7 ноября 1775 г. – есть следующие одна за другой главы «О должности нижняго земскаго суда» (гл. XVII) и «О должности земскаго исправника, или Капитана» (гл. XVIII). Последовательность глав не случайна: земский исправник, или капитан, рассматривался как первый заседатель нижнего земского суда. Нижний земский суд, а впоследствии уже просто земский суд (...) являлся административно-полицейским органом уездного уровня. Компетенция этого органа определялась так: «Нижний земский суд долженствует во перьвых иметь бдение, дабы в уезде сохранены были благочиние, добронравие и порядок; второе, чтоб предписанное законами полезное по всюды в уезде исполняемо и сохраняемо было, в случае же нарушения оных, нижний земский суд по состоянию дела, не смотря ни на какое лице, всякаго должен приводить к исполнению предписаннаго законом, и третье, нижний земский суд один в уезде право имеет приводить в действие повеления правления, решения палат, верхних и уездных судов, и чинить отказы»¹. Земский исправник был первым полицейским в уезде (без уездного города).

Должности земских исправников по общему правилу замещались посредством дворянских выборов. В первом издании «Свода законов Российской империи», в издании 1832 г., во 2-й части «Учреждений», по этому поводу сказано: «Земские исправники определяются во всех губерниях по выбору дворянства...» Затем идёт слово «исключая» и названо 15 губерний, одна область и 7 из 10 уез-

* Здесь и далее так обозначена выпущенная по техническим причинам часть текста.

дов Вологодской губернии: Вельский (относительно незадолго до 1832 г. земские исправники здесь ещё избирались), Тотемский, Великоустюгский (в законе – Устюжский), Сольвычегодский, Никольский, Яренский и Устьсысольский, – где земские исправники назначались от правительства². Исключения обуславливались различными факторами, в случае с Вологодской губернией – особенностями развития на её территории дворянского землевладения. В силу этих особенностей только на юго-западе губернии, а именно в неназванных выше 3 уездах из 10: в Вологодском, Грязовецком и Кадниковском, что лучше прочих вписывались в дворянско-крепостнический мир империи, утвердилось комплектование личного состава института исправников классическим путём, то есть через дворянские выборы из соответствующего слоя местного дворянского общества.

Как явствует из сказанного, в большей части уездов Вологодской губернии на места земских исправников поступали чиновники по определению от правительства. Эти уезды Вологодской губернии относились к числу административно-территориальных образований, где должности земских исправников были отведены для отставных за ранами офицеров, находившихся под покровительством Комитета, Высочайше учреждённого в 18-й день августа 1814 года (...) ³. Через какое-то время после создания названного комитета для «вспомоществования неимущим изувеченным генералам, штаб- и обер-офицерам»⁴ в общем русле поддержки раненых офицеров Комитет министров представил императору Александру I «Записку о местах, какие по каждому министерству могут быть замещаемы отставными за ранами офицерами». В записку попали и как определённая категория должностей земских исправников места земских исправников «в тех губерниях, где по неимению дворянства, замещаются должности сии определением от правительства». Император, получив записку, в указе от 5 мая 1816 г. дал правило: «при открытии вакансий не иначе замещать места, показанные в записке, как ранеными офицерами по удостоению Комитета, учрежденного в 18 день августа 1814 года (ниже характерно назван «Комитетом о увечных». – *В.М.*)»⁵. Только в случае, если через комитет закрыть вакансию не удавалось, допускалось определение других чиновников. При этом имело значение наличие поданных министру внутренних дел представлений на тех или иных лиц со стороны гражданских губернаторов. Если же они (...) затруднялись сделать представления, то им предписывалось просто испрашивать назначения на эти должности от министра внутренних дел⁶.

Должности земских исправников (...) не принадлежали к числу особо заманчивых, особенно там, где служба в них сочеталась с порождёнными местными обстоятельствами дополнительными неудобствами. Поэтому не случайно военный губернатор города Вологды и вологодский гражданский губернатор «по отдаленности Яренского, Соль-Вычегодского (в «Полном собрании законов Российской империи» через дефис. – *В.М.*) и Устьсысольского уездов и по неимению в них дворянства» испросил о распространении на членов земских судов названных уездов преимуществ, предоставленных чиновникам, определявшимся на службу в отдалённые губернии. Именной указ об этом (с привязкой к установленному относительно Астраханской и Оренбургской губерний) занял место в ряду законов империи под датой 12 мая 1837 г.⁷

В ходе изучения личного состава института исправников на территории Вологодской губернии за последний период функционирования вологодских земских полиций, составивший по продолжительности четверть века: начавшись с 1838 г., когда вступило в полное действие определившее окончательное устройство земской полиции «Положение о земской полиции», высочайше утверждённое 3 июня 1837 г., он завершился весной 1863 г., когда произошло преобразование земских полиций губернии при присоединении к ним, за исключением Вологодской, городских полиций в уездные полиции, сопряжённое с трансформацией института исправников, что выразилась в смене земских исправников уездными исправниками, являвшимися назначаемыми от правительства начальниками уездной полиции (новая страница в истории вологодской полиции открылась 16 мая 1863 г.⁸), – довелось столкнуться с одним загадочным земским исправником – сольвычегодским земским исправником капитаном А.О. Нарбутом. С одной стороны, встречались красноречивые свидетельства того, что он был, с другой – что его не было.

Один из простых (но небезупречных) способов узнать, кто и в какое время занимал ту или иную более-менее заметную должность в Российской империи, – обращение к издававшимся в ней на тот или иной год спискам чиновников по местам службы. (...) В списках на 1839, 1840 и 1841 гг., а если говорить применительно к ним более точно, то в адрес-календарях на 1839, 1840 и 1841 гг., в первом со ссылкой в случае с Вологодской губернией на перечень от 20 декабря 1838 г., во втором – на перечень от 20 декабря 1839 г., в третьем – на перечень от 2 декабря 1840 г., сольвычегодским земским исправником проходит «кап. Антон Осип. Нарбут»⁹. Ввиду этого, если бы мы составляли первоначальный список сольвычегодских земских исправников на основе упомянутых изданий, то в него с привязкой к рубежу 1830-1840-х гг. имели бы все основания включить А.О. Нарбута.

Посредством другого печатного источника – выпускавшейся с 1 января 1838 г. местной губернской газеты «Вологодские губернские ведомости» – можно попытаться уточнить данные адрес-календарей. Ориентируясь на рубеж 1830-1840-х гг., представляется оправданным изучить содержание «Вологодских губернских ведомостей» за время от выхода в свет первого номера до, по крайней мере, во избежание недоразумений, середины 1840-х гг. В газете встретились статьи об определении А.О. Нарбута на должность сольвычегодского земского исправника и о переводе его на другое место службы. В номере от 29 октября 1838 г. (№ 44 за 1838 г.) (...) значит: «Земским исправником в Сольвычегодск, определен отставн. капитан *Нарбута* (так в газете. – *В.М.*)»¹⁰. В номере же от 19 августа 1839 г. (№ 34 за 1839 г.) (...) напечатано: «Г. управляющий Министерством внутренних дел перевел 17 числа июля сего года сольвычегодского исправника, капитана Нарбута городничим в город Остер Черниговской губернии»¹¹.

В связи с этим напомним, что в адрес-календарях на 1840 и 1841 гг., где А.О. Нарбут показан сольвычегодским земским исправником, ссылки в случае с Вологодской губернией идут на списки от 20 декабря 1839 г., в первом адрес-календаре, и от 2 декабря 1840 г., во втором. Посмотрев по адрес-календарям на 1840 и 1841 гг., кто занимал должность остёрского городничего, обнаруживаем: если в адрес-календаре на 1840 г., в разрезе служащих Черниговской губернии со

ссылкой на список от 1 декабря 1839 г., указано «кап. . . . Нарбут», то в адрес-календаре на 1841 г., в разрезе служащих названной губернии со ссылкой на список от 1 декабря 1840 г., – «кап. Антон Осип. Нарбут»¹². Возвращаясь к «Вологодским губернским ведомостям», отметим, что в номере от 16 сентября 1839 г. (№ 38 за 1839 г.) опубликовано о перемещении поручика Я.М. Лишина-Дудицкого с места яренского земского исправника на должность сольвычегодского земского исправника, а в номере от 3 октября 1842 г. (№ 40 за 1842 г.) – о его переводе с последней должности на место сосницкого городничего¹³. Здесь невольно обращаешь внимание на то, что в те времена Сосница – уездный город той же губернии, что и Остёр, то есть Черниговской. Я.М. Лишин-Дудицкий, получив назначение в г. Сосницу, вернулся с севера в родную Малороссию¹⁴. Как видим, «Вологодские губернские ведомости» содержат сведения, не только подкрепляющие данные адрес-календарей на 1839, 1840 и 1841 гг. о замещении А.О. Нарбутом должности сольвычегодского земского исправника, но и позволяющие с более высокой степенью точности, чем адрес-календари, определить время, когда он состоял в этой должности: не позднее чем с 29 октября 1838 г. по 17 июля 1839 г. Таким образом, печатные источники вполне убедительно свидетельствуют о пребывании в личном составе института исправников А.О. Нарбута как сольвычегодского земского исправника.

Органическое целое с изучением печатных источников зачастую образует работа с рукописными источниками. Выявленные в Государственном архиве Вологодской области документы породили множество вопросов: согласно им, 24 декабря 1837 г. исправляющим должность сольвычегодского земского исправника стал Афанасий (Афонасий) Иванович Василенко, и таковым он числился вплоть до удаления от исправления этой должности 11 мая 1839 г. по распоряжению Вологодского губернского правления в связи с делом о порубке казённых лесов¹⁵. Период исправления А.И. Василенко должности сольвычегодского земского исправника частично накладывается на высвечивающийся по «Вологодским губернским ведомостям» период нахождения в этой должности А.О. Нарбута, а, если подойти с другой стороны, очерчивающийся по губернской газете период замещения должности (...) А.О. Нарбутом, за исключением последних двух месяцев с несколькими днями, поглощается периодом её исправления А.И. Василенко.

Про А.И. Василенко известно, что он оказался на службе в Вологодской губернии, когда прибыл под крыло, судя по всему, своего родича, устьсыольского земского исправника подполковника Кириллы Федоровича Василенко, из уже не раз упоминавшейся Черниговской губернии (для полноты картины, пожалуй, остаётся лишь вспомнить историю о предшественнике Сольвычегодска – местном Чернигове). На Черниговщине А.И. Василенко начинал свою службу. 8 января 1816 г. он, весьма молодой малороссийский дворянин, поступил канцеляристом в Остёрский земский суд. Прочислившись там три года, А.И. Василенко и перебрался 19 мая 1819 г. на службу в Вологодскую губернию, в Устьсыольский земский суд. Это произошло вскоре после того, как устьсыольским земским исправником стал К.Ф. Василенко (назначен 24 марта 1819 г.). Можем заметить: если в случае с А.О. Нарбутом за местом в Вологодской губернии последовало

место в г. Остре, то в случае с А.И. Василенко за службой в одном из органов, располагавшихся в г. Остре, – служба в Вологодской губернии. Из Устьсысольского земского суда А.И. Василенко 27 января 1821 г. перевёлся в Вологодское губернское правление. В бытность там он в полном смысле слова вошёл в ряды чиновников, получив первый классный чин, чин коллежского регистратора (...). К новому месту службы в г. Сольвычегодск выехал 12 января 1838 г. как губернский секретарь. При этом чина коллежского секретаря удостоится ещё как дворянский заседатель Вологодского земского суда (...) ¹⁶.

Если относительно А.И. Василенко как чиновника в формальной плоскости удалось достичь вполне приемлемую степень ясности с помощью рукописных источников, отложившихся в фондах Государственного архива Вологодской области, и печатных, то относительно А.О. Нарбута (...) нет. Для ликвидации этого пробела, как и ещё ряда других, приступили к изучению документов, хранящихся в Российском государственном историческом архиве. В фонде Департамента полиции исполнительной МВД (в фонде 1286) встретилось дело «По просьбе исправника Тимошева (так на обложке дела. – *В.М.*) о притеснениях губернского начальства и о переводе его в другую губернию». Содержание дела оказалось шире названия. В нём удалось обнаружить документы, проливающие свет на историю с А.О. Нарбутом как сольвычегодским земским исправником (...).

При последовательном знакомстве с делом, не предвещающем рассмотрением его частной (внутренней) описи, сначала попадает на глаза прошение на имя министра внутренних дел и кавалера Д.Н. Блудова А.О. Нарбута как отставного капитана конно-егерского полка от 31 января 1837 г., о распоряжении назначить его «в звание городничего или земского исправника преимущественно в Волынской и Подольской губерниях» ввиду желания продолжать службу в одной из этих должностей «в губерниях, приобретенных от Польши» ¹⁷. На документе проставлена дата получения – 12 февраля 1837 г. Входя с просьбой, А.О. Нарбут опирался на именный указ, данный Сенату 12 октября 1835 г., а именно на п. 3 этого указа, где можем прочесть: «На вакантные места, за неимением кем заместить оных, определять по распоряжению министра внутренних дел, или от Комитета, учрежденного 18 августа 1814 года, но по ближайшей удобности и усмотрению министра внутренних дел». Глядя на выхваченный из контекста п. 3 указа, обращение А.О. Нарбута к министру внутренних дел кажется вполне естественным, но если хотя бы бросить беглый взгляд на название указа в «Полном собрании законов Российской империи», возникают вопросы: там он идёт под заголовком «О производстве дворянских выборов в возвращенных от Польши губерниях». Общее знакомство с содержанием указа их не снимает ¹⁸. Это обусловлено тем, что, в отличие от института исправников, институт городничих исторически не комплектовался посредством дворянских выборов и что должности земских исправников, в частности, в Волынской и Подольской губерниях замещались в порядке исключения от правительства.

В настоящем случае более актуальным представляется не тот указ, на котором основывал свою просьбу А.О. Нарбут, а другой – данный в связи с польским восстанием 1830-1831 гг. Сенату 30 октября 1831 г., каким предписывалось в западных губерниях: в Виленской, Гродненской, Минской, Подольской, Волын-

ской и Киевской губерниях и Белостокской области «земских исправников и всех без изъятия заседателей земских судов определять, впредь до повеления, губернским правлениям по предложениям гражданских губернаторов» (п. 5), и «назначение в сии губернии городничих и полицеймейстеров от Комитета, в 18 день августа 1814 года учрежденного, до времени приостановить и определять оных впредь также от губернских правлений по предложениям гражданских губернаторов» (п. 6)¹⁹. В свете этого не выглядит неожиданной реакция на прошение А.О. Нарбута: на лицевой стороне документа можно различить некогда нанесённую карандашом фразу, в первой части которой сказано о том, что замещение интересующих его вакансий зависит от генерал-губернатора (имеется в виду киевский военный (губернатор), подольский и волынский генерал-губернатор), во второй – чтобы предоставить ему обратиться прямо.

На том, вероятно, всё бы и закончилось, если б уже летом 1838 г. в дело не вступил благодетель А.О. Нарбута – начальник Штаба Корпуса жандармов Свиты Его Императорского Величества генерал-майор Леонтий Васильевич Дубельт, о котором писал А.И. Герцен в «Былом и думах» (...) ²⁰. Впервые с именем Л.В. Дубельта в связке с А.О. Нарбутом сталкиваемся ещё в вышерассмотренном прошении, в конце которого значится: «Представляя при сем указ об моей отставке, честь имею присовокупить, что о службе моей, равно и о поведении моем во время отставки, может засвидетельствовать начальник Штаба Корпуса жандармов генерал-майор Дубельт»²¹. Л.В. Дубельт по поводу А.О. Нарбута адресовался к Василию Владимировичу Оржевскому – директору Департамента полиции исполнительной Министерства внутренних дел, действительному статскому советнику. Известна характеристика В.В. Оржевского из «Дневника» А.В. Никитенко (...) ²².

4 июля 1838 г. (дата проставлена на письме от руки и как время получения письма интерпретирована нами) поступило письмо Л.В. Дубельта (...) В.В. Оржевскому (датировано 2 июня 1838 г. – возможно, ошибочно) следующего содержания: «Милостивый Государь Василий Владимирович! Уволенный от службы из Тираспольского конно-егерьского полка капитан Нарбут желал бы быть определенным в какой-либо город *городничим* (здесь и далее выделено нами. – В.М.). Зная его за весьма хорошего и усердного чиновника, я приемлю честь покорнейше просить Вашего, Милостивый Государь, *обязательного* содействия, в деле сем, уверен будучи, что Вы, *по расположению Вашему ко мне*, не оставите, по возможности, удовлетворить желанию г. Нарбута. С совершенным уважением и преданностью имею честь быть Вашего Превосходительства *покорнейшим слугою Л. Дубельт*»²³. На лицевой стороне письма, внизу справа, карандашом написано: «Он *кажется* (в помете слово никоим образом не выделено. – В.М.) в списке кандидатов; отметить рекомендацию».

Письмом от 18 июля В.В. Оржевский сообщил Л.В. Дубельту, что А.О. Нарбут состоит кандидатом на должность городничего и что каждый раз при открытии вакансии он докладывает, наряду с другими, о нём, «но как г. Нарбут в просьбе своей изъяснил желание свое преимущественно служить по Волын[ской] или Подол[ь]с[кой] губерниям, то и не мог быть назначен в другие губернии»; однако теперь, получив от Леонтия Васильевича «уведомление об оп-

ределении его городничим без означения губерний», он не оставит «при первом удобном случае представить о нем»²⁴.

На таком фоне в двадцатых числах июля пришло представление (фактически донесение) исправляющего должность вологодского гражданского губернатора вице-губернатора «О надворном советнике Тимашеве» от 16 июля 1838 г., каким до сведения министра внутренних дел доводилось о вошедшем в законную силу приговоре Вологодской палаты уголовного суда по делу об удалённом от должности по распоряжению губернского правления сольвычегодском земском исправнике надворном советнике И.П. Тимашеве: «как он, Тимашев, от должности исправника устранен, то, оставя его устраненным, предоставить ему просить об определении себя к другим делам...»²⁵. На представлении карандашом сделана помета: «Не нужно ли уведомить Ком[итет] 18 ав[густа] 1814 г[ода]?»²⁶ Об освобождённой должности, как полагалось, министр внутренних дел отношением от 14 августа под № 5175 известил Комитет, Высочайше учреждённый в 18-й день августа 1814 года. Комитет встречным отношением от 7 сентября дал знать, что из раненых офицеров, состоящих при комитете кандидатами, никто не изъявил желания занять вакансию, почему и предоставил её закрыть мимо комитета. На ответе комитета как на входящем документе проштампована дата 11 сентября 1838 г.²⁷

30 сентября 1838 г. Департамент полиции исполнительной подготовил докладную записку министру внутренних дел «Об определении капитана Нарбута сольвычегодским исправником» (номер не указан)²⁸. Докладная записка открывается словами: «Комитет, Высочайше учрежденный в 18 день августа 1814го года предоставил Вашему Высокопревосходительству заместить вакансию сольвычегодского земского исправника мимо комитета». Далее идёт справка: «I) Из числа чиновников, просящихся об определении на службу по ведомству Министерства внутренних дел, отставный капитан Нарбут просит об определении городничим или исправником, других же желающих поступить в сию должность в виду не имеется, равно нет представления и со стороны вологодского губернского начальства об определении кого-либо на означенную вакансию. II. Из указа об отставке капитана Нарбута видно, что он в службу вступил 1го ноября 1818; уволен от оной капитаном 11го октября 1832 года; под судом и штрафами не был. III. О капитане Нарбута свидетельствует начальник Штаба Жандармского корпуса г. генерал-майор Дубельт». За справкой следует заключение: «Департамент полиции исполнительной, имея в виду, с одной стороны, что ни от вологодского губернского начальства никто не рекомендует к определению (синтаксис документа. – В.М.) в сольвычегодские исправники, ни из числа просящихся на службу по ведомству департамента никто не изъявил желания поступить в исправники, а с другой – принимая во внимание, что капитан Нарбут одобряется по службе г. генерал-майором Дубельтом, полагал бы определить сего чиновника на вакансию сольвычегодского исправника, о чем имеет честь представить Вашему Высокопревосходительству на благоусмотрение». На докладную записку министр наложил резолюцию: «Написать»²⁹. Появился журнал под № 6508: «1838 года, октября 6 дня. Министр внутренних дел ПРИКАЗАЛ: на вакансию сольвычегодского земского исправника, куда никто из кандидатов комитета поступить не пожелал, определить отставного капитана Нарбута; о чем и сделать надлежа-

щее распоряжение. Министр внутренних дел, статс-секретарь *Д.Н. Блудов*. [Значительно ниже:] Директор *Оржевский*»³⁰.

Таким образом, А.О. Нарбут, получив по просьбе начальника Штаба Корпуса жандармов Л.В. Дубельта «обязательное содействие» директора Департамента полиции исполнительной В.В. Оржевского, оказался при должности. Правда, попал он на место земского исправника, являвшееся менее предпочтительным, по сравнению с местом городничего, да и не на юго-запад империи, а именно не в Волынскую или Подольскую губернию (...), а на её север, а именно на северо-восток Вологодской губернии. Днём назначения А.О. Нарбута датированы в отпусках бумаги об этом министра внутренних дел военному губернатору города Вологды и вологодскому гражданскому губернатору под № 6509 и 1-го отделения Департамента полиции исполнительной в Герольдию Правительствующего сената под № 6510 (согласно отпускам, первую отправили с указом об отставке А.О. Нарбута под № 90, во второй отметили, что А.О. Нарбут в чине капитана с 11 октября 1832 г.)³¹. Бумага же В.В. Оржевского Л.В. Дубельту с сообщением об определении его протеже сольвычегодским земским исправником, в отпуске, помечена 10 октября. Судя по отпуску, эта бумага являла собой уже номерное отношение под № 6511. Извещая Леонтия Васильевича, Василий Владимирович покорнейше просил его «приказать объявить о сем г. Нарбуту, поручив ему, дабы он отправился к исправлению должности и о времени отъезда донес Д^уПИ^{ой} (Департаменту полиции исполнительной. – *В.М.*)»³². Свидетельств того, что министерство установило прямую связь с А.О. Нарбутом, не обнаружено.

Закончилась осень 1838 года, миновала зима 1838/1839 года, наступила весна 1839 года. «Весеннею живительной порою» в центр пошло представление (фактически донесение) о неявке А.О. Нарбута к должности сольвычегодского земского исправника. Речь идёт о представлении по губернскому правлению исправляющего должность вологодского гражданского губернатора вице-губернатора управляющему Министерством внутренних дел от 19 марта 1839 г., полученном 28 марта³³. Представление написали через считанные дни после того, как Министерство внутренних дел поручили графу А.Г. Строгонову (Строгонову): исправляющий должность генерал-губернатора Черниговского, Полтавского и Харьковского граф Строгонов 2-й удостоился назначения управляющим Министерством внутренних дел 12 марта 1839 г. (...)»³⁴. (Помимо прочего, внимание привлекает символическое переплетение имён: Строгановы и Сольвычегодск.) На представлении против слов «но так как он к назначенной ему должности и по ныне не явился» нанесена карандашом красноречивая помета: «Почему?» Внизу же документа карандашом отмечено: «Доложить».

В сложившихся обстоятельствах В.В. Оржевский вновь пишет Л.В. Дубельту. В отпуске отношения первого последнему от 6 апреля 1839 г. под № 2119 читаем: «Милостивый Государь, Леонтий Васильевич. От (число не проставлено. – *В.М.*) октября минувшего года я имел честь просить В[аше] Пр[евосходительст]во объявить капитану Нарбуту, в коем Вы изволили принимать участие, насчет (со слов «в коем Вы изволили» – вставка, сделанная в связи с отказом от использования краткой конструкции с зачёркнутым в тексте предлогом «об». – *В.М.*) определения (до исправления в форме предложного падежа.

– В.М.) его сольвычегодским зем[ским] исправником. Ныне испр[авляющий] долж[ность] вологод[ского] гр[ажданского] губ[ернато]ра доносит г. Упр[авляющему] М[инистерством] в[нутренних] дел о неприбытии г. Нарбута к своей должности. Покорнейше прошу Вас, М[илостивый] Г[осударь], почтить меня уведомлением: *известно ли г. Нарбуту об определении его в означенную должность, намерен ли он отправиться к оной и где он имеет в настоящее время жительство* (выделено нами. – В.М.). С совершенным почтением и преданностию имею честь быть Вашего Пр[евосходительст]ва...» (отпуск заверен начальником стола в 1-м отделении департамента К.А. Фаворским)³⁵.

Пока В.В. Оржевский связывался с Л.В. Дубельтом, военный губернатор города Вологды и вологодский гражданский губернатор генерал-лейтенант Д.Н. Бологовской (Болговской) обострил ситуацию, направив управляющему Министерством внутренних дел представление от 11 апреля 1839 г. «Об определении на вакансию сольвычегодского исправника коллежского секретаря Василенко»³⁶. (...) Вместе с представлением в министерстве 19 апреля получили формулярный список о службе А.И. Василенко³⁷. На представлении карандашом сделана надпись, позволяющая увидеть перспективы чиновника, оказавшегося в положении подобном тому, в какое попал А.О. Нарбут: «...Если есть при деле сведение, что Нарбуту о назначении его исправником в свое время объявлено, то распорядиться об увольнении его и о назначении со стороны Ком[итета] раненых на его место другого, сообщив оному и о ходатайстве...»³⁸

На представление уже в последних числах месяца (...) управляющий Министерством внутренних дел отозвался: «...Определенный сольвычегодским исправником капит[ан] Нарбут на сих днях прибыл сюда и об отправлении его к месту служения сделано надлежащее распоряжение» (цитир. по отпуску предписания, заверенному начальником стола К.А. Фаворским)³⁹. После отпуска предписания, каким управляющий министерством ответил военному губернатору города Вологды и вологодскому гражданскому губернатору, отпуску предписания «О капитане Нарбуте» от 29 апреля 1839 г. под № 2593, в деле идёт отпуск предписания Департамента полиции исполнительной А.О. Нарбуту «О немедленном отъезде к должности» под датой 13 апреля 1839 г. и № 2261, с примечательным текстом: «Г. капитану Нарбуту. Бывший г. М[инист]р в[нутренних] дел определил Вас 6 октября 1838 сольвычегодским земским исправником; о чем деп[артамент] уведомляет Вас с тем, дабы немедленно отправились к своей должности и об отъезде отсюда донесли сему д[епартамент]у. Подписал: директор Оржевский. Скрепил: нач[альник] отд[еления] Ф. Арефьев. Верно: начальник стола Фаворский»⁴⁰.

В свете этого может показаться, что (...) одним из следующих документов в деле будет рапорт А.О. Нарбута об отбытии к должности сольвычегодского земского исправника. Но такого рапорта в нём увидеть вовсе не довелось. За отпуском же предписания А.О. Нарбуту от 13 апреля 1839 г. «О немедленном отъезде к должности» лежит письмо Л.В. Дубельта В.В. Оржевскому от 26 мая 1839 г. (помету с датой получения на письме обнаружить не удалось)⁴¹. В письме читаем: «Милостивый Государь, Василий Владимирович! По благосклонному вниманию Вашего Превосходительства к покорнейшей моей просьбе, отставной ка-

питан Нарбут определен сольвычегодским земским исправником, *о чем и сообщено ему по получении Вашего, Милостивый Государь, уведомления* (здесь и далее выделено нами. – *В.М.*), но как состояние здоровья сего офицера *непреренно* требует климата умеренного, то я и приемлю честь покорнейше просить Вас, Милостивый Государь, не изволите ли Вы найти возможным *в личное и особенное мне одолжение* употребить содействие Ваше к определению г. Нарбута на службу в одну из южных губерний. С совершенным уважением и преданностью имею честь быть Вашего Превосходительства *покорнейшим слугою Л. Дубельт*».

В деле пару письму Л.В. Дубельта составляет отпуск ответного письма В.В. Оржевского от 1 июня, где сказано: «Милостивый Государь, Леонтий Васильевич. На письмо Вашего Пр[евосходительст]в[а], от 26 мая, о переводе сольвычегод[ского] зем[ского] исправника Нарбута в одну из южных губерний, считаю долгом уведомить Вас, М[илостивый] Г[осударь], что в настоящее время нет вакантных мест ни в одной (слово написано поверх зачёркнутого «какой». – *В.М.*) из южных губерний, но что при открытии вакансии я не премину доложить г. Упр[авляющему] М[инистерством] в[нутренних] дел и о разрешении Его Си[ятельст]ва не умедлю Вас известить. С совершенным почтением и преданностью имею честь быть Вашего Пр[евосходительст]ва...» (отпуск заверен начальником стола К.А. Фаворским)⁴².

Можем заметить: благодаря стороннему участию по ходу развития ситуации А.О. Нарбут – лицо, без видимых причин никак не являющееся к должности, оказывается, в сущности говоря, на месте заслуженного гражданского чиновника, нуждающегося в поощрении. Как на заказ, 3 июня 1839 г. поступило представление состоящего в должности черниговского гражданского губернатора управляющему Министерством внутренних дел от 21 мая 1839 г. «Об увольнении остерского городничего Пиотровского вовсе от службы и об определении на место его другого чиновника» (...) ⁴³. Майор Франц Станиславович Пиотровский подал при рапорте от 5 ноября 1838 г. прошение об увольнении от службы ⁴⁴ (...).

За названным представлением от 21 мая 1839 г. в деле сразу же следует докладная записка Департамента полиции исполнительной управляющему Министерством внутренних дел от 30 июня 1839 г. под № 3853, неточно означенная «Относительно перемещения сольвычегодского городничего Нарбута» ⁴⁵. (...) Сначала в ней излагается суть дела: «Начальник Штаба Корпуса жандармов генерал-майор Дубельт отнесся ко мне (директору департамента В.В. Оржевскому. – *В.М.*) об оказании содействия моего к определению сольвычегодского земского исправника капитана Нарбута в одну из южных губерний, так как состояние здоровья сего чиновника непременно требует климата умеренного. Состоящий в должности черниговского гражданского губернатора представляет Вашему Сиятельству об увольнении остерского городничего майора Пиотровского от сей должности по прошению». Затем идёт заключение департамента: «Департамент полиции исполнительной, предварительно распоряжения об увольнении г. Пиотровского, имеет честь испрашивать приказания Вашего Сиятельства, не благоугодно ли будет Вам изъяснить соизволения (так в документе. – *В.М.*) на удовлетворение ходатайства генерал-майора Дубельта о капитане Нарбуте и в сем слу-

чае на перевод его в г. Остер городничим». Управляющий министерством на записке начертал, что согласен⁴⁶. Оформили журнал под № 4565: «1839 года, июля 17 дня. Управляющий Министерством внутренних дел по представлению состоящего в должности черниговского гражданского губернатора **Приказал:** остерского городничего майора Пиотровского уволить от настоящей должности согласно прошению и перевести на его место сольвычегодского исправника капитана Нарбута; о чем и сделать надлежащее распоряжение. Управляющий Министерством внутренних дел, генерал-адъютант *гр. Строгонов*. [Значительно ниже:] Директор *Оржевский*»⁴⁷. Попутно отметим: по журналу получается, что состоящий в должности черниговского гражданского губернатора просил о переводе А.О. Нарбута во вверенную ему губернию.

Так А.О. Нарбут стал городничим на юге России. Дополнительный штрих всему этому придаёт то, что должности городничих в тех местах, куда его перевели, замещались (...) через Комитет, Высочайше учреждённый в 18-й день августа 1814 года. В настоящем же случае каких бы то ни было сношений с комитетом по вопросу о закрытии намечавшейся вакансии (...) не выявлено. Днём увольнения Ф.С. Пиотровского и перевода А.О. Нарбута датированы, в отпусках, бумаги об этом: управляющего Министерством внутренних дел состоящему в должности черниговского гражданского губернатора 1-го отделения Департамента полиции исполнительной в Герольдию Правительствующего сената и управляющего Министерством внутренних дел в Комитет, Высочайше учреждённый в 18-й день августа 1814 года (в распоряжение комитета поступала вакансия сольвычегодского земского исправника)⁴⁸. От того же дня и, в отпуске, бумага Департамента полиции исполнительной военному губернатору города Вологды и вологодскому гражданскому губернатору с сообщением о переводе А.О. Нарбута⁴⁹.

Имеющееся же в деле также в отпуске предписание самому А.О. Нарбуту Департамента полиции исполнительной – уже от 5 августа 1839 г.⁵⁰, в силу чего, если первые четыре бумаги под №№ 4566, 4567, 4568 и 4569, то настоящая под № 4844. Этим предписанием А.О. Нарбут как сольвычегодский земский исправник уведомлялся о перемещении городничим в г. Остёр с тем, чтобы по получении подорожной немедленно отправился к своей новой должности и об отъезде донёс департаменту. Под отпуском предписания А.О. Нарбуту находится, в отпуске, бумага департамента в Канцелярию Санктпетербургского военного генерал-губернатора под № 4845 от того же числа, что и предписание, с просьбой приказать выдать переведённому в г. Остёр городничим А.О. Нарбуту подорожную на две лошади на проезд из столицы до того города⁵¹. В ответ на предписание департамента от 5 августа 1839 г. А.О. Нарбут подал свой первый рапорт как остёрский городничий – собственноручно написанный рапорт от 8 августа 1839 г. под № 1. Попытаемся передать его текст, сохранив орфографию и пунктуацию оригинала: «Въ Департаментъ Полицій Исполнительной Остёрскаго Городничево Нарбута Рапортъ: Получивъ сего 7го августа Подоржнюю изъ Канцелярій Санкспетербурскаго Военнаво Генераль Губернатора на проездъ къ должности и предполагая сего Дня отъ (продолжение на следующей строке. – В.М.) правится къ оной я имею честь во исполненіе предписаній Департамента Полицій Исполни-

тельной отъ 5¹⁰ (в случае с цифрой видны следы правки; цифра «5» написана, предположительно, поверх цифры «8». – *В.М.*) текущего месяца донести о семь оному Департаменту [Под текстом справа:] Городничий Нарбутъ»⁵². Делопроизводственные пометы на рапорте содержат указание на 9 августа.

Теперь, думаем, пришла пора поближе познакомиться с А.О. Нарбутом, показавшимся из тени Л.В. Дубельта. В деле докладной записке относительно перемещения А.О. Нарбута в г. Остёр городничим сопутствует копия уже упоминавшегося указа о его отставке от 26 апреля 1833 г. под № 90 (...) ⁵³. Согласно копии указа, Антон Осипович Нарбут, или, в духе того времени, Антон Осипов сын Нарбут, родился около 1801 г. По происхождению принадлежал к дворянству Киевской губернии⁵⁴. В службу вступил 1 ноября 1818 г. юнкером в Тираспольский конно-егерский полк (в сборниках высочайших приказов того времени обыкновенное написание названия «Тираспольской Конно-Егерской полкъ»). Служа в том легкокавалерийском полку⁵⁵, 1 апреля 1819 г. получил производство в чин прапорщика, вследствие чего стал обер-офицером (на современный лад младшим офицером), 18 марта 1823 г. – в чин поручика (...), 31 июня 1828 г. – в чин штабс-капитана. «Находился в походах и делах: 1831¹⁰ года в Царстве Польском, августа 30 в преследовании мятежников к м. Лисабикам (Лысобоки. – *В.М.*), сентября 1¹⁰ в перестрелке с аванпостами, 2¹⁰ в перестрелке с ариергардом при м. Маркушове и д. Ополе, 3 и 4 в сражении у д. Борова и прогнании войск под командою Ромарино в Австрийские пределы, 7, 8 и 9 в походе к г. Люблину»⁵⁶. Как участник подавления польского восстания 1830-1831 гг. имел польский знак отличия за военные достоинства (орден «*Virtuti Militari*») 4-й степени. В штрафах и под судом не бывал. Аттестовался достойным к повышению чина. Уходил в отпуск с 4 октября 1826 г. на 28 дней. Отпуск продлевался на 3 месяца. Вернулся в срок. Значился холостым. Вышел в отставку 11 октября 1832 г., когда удостоился увольнения от службы по домашним обстоятельствам с награждением чином капитана и с мундиром. На копии указа (...) карандашом обозначено, что определён сольвычегодским земским исправником 6 октября 1838 г.

По вполне понятным причинам посредством указа об отставке получить приемлемое представление с формальной стороны о месте в общей линии службы А.О. Нарбута периода, когда он числился сольвычегодским земским исправником, нельзя. В той или иной мере это можно сделать, обратившись (...) к документам, составленным, по крайней мере, уже в бытность его остёрским городничим. В отложившемся в фонде «Формулярные списки чинов гражданского ведомства (коллекция)» (фонд 1349) Российского государственного исторического архива деле с формулярными списками чиновников Черниговской губернии, препровождёнными при донесении Черниговского губернского правления в Герольдию Правительствующего сената от 25 сентября 1842 г., встречаем формулярный список о службе А.О. Нарбута как остёрского городничего от 25 сентября 1842 г.⁵⁷ (...)

Названный источник, как содержащий сведения о вероисповедании А.О. Нарбута, несёт в себе новый ключ к пониманию его места в полиэтничной мозаике дворянского мира империи. Согласно формулярному списку, А.О. Нарбут был католиком. В свете этого, думаем, есть все основания усматривать в том

имени, под каким он нам известен, русифицированный вариант его природного имени. (...) Киевская губерния, упомянутая при определении происхождения А.О. Нарбута в указе о его отставке, точнее, в вышеозначенной копии этого указа, относилась к числу губерний, возвращённых от Польши. Знаком принадлежности к польскому миру на бывших древнерусских землях являлось нахождение в лоне католицизма. Ввиду сказанного особого осмысления, сопряжённого с привлечением новых данных, требует то, что А.О. Нарбут, по собранным сведениям, принимал активное участие, уже после оставления повстанцами Варшавы, в подавлении польского восстания 1830-1831 гг., называемого национально-освободительным, и изъявлял желание служить по полицейской части от российского правительства в губерниях, возвращённых от Польши.

По вопросу о месте А.О. Нарбута в дворянско-крепостническом мире, где положение человека во многом зависело от размера имения, формулярный список о его службе от 25 сентября 1842 г. также даёт богатую пищу для размышлений. В документе А.О. Нарбут проходит беспоместным дворянином (...).

Военная служба А.О. Нарбута в формулярном списке показана в общих чертах сходно с тем, как она представлена в копии указа о его отставке. Но (...) по формулярному списку производство А.О. Нарбута в прапорщики произошло не 1 апреля 1819 г., а 4 апреля 1819 г., в штабс-капитаны – не 31 июня 1828 г., а 31 июля 1828 г. По сборникам высочайших приказов была возможность уточнить, когда состоялось первое событие. Подтвердилась дата, приведённая в источнике более позднего времени, то есть в формулярном списке⁵⁸. Отличия же в освещении участия А.О. Нарбута в усмирении восставших в формулярном списке и в известном по копии указе об отставке таковы, будто обусловлены тем, что в них оно описано по разным источникам. По формулярному списку эта сторона жизни А.О. Нарбута выглядит так: с 30 августа по 5 сентября 1831 г. в преследовании повстанческого корпуса Ромарино (ныне известен как Д. Раморино) через Коцк и Куров до австрийской границы; во время этого движения в делах: 3 сентября при Ополе, Вржеловце и Юзефове, 4-го между Свециховым, Раховым и Косиным, что против Завихоста, и 5-го при вогнании корпуса Ромарино в Австрийскую Галицию; 7, 8 и 9 сентября 1831 г. в походе к г. Люблину; с 1 по 5 ноября того же года в походе в собственно российские пределы. Последний год военной службы А.О. Нарбута в формулярном списке тоже предстаёт в новом свете: помимо отмеченного в копии указа об отставке отпуска (...) в формулярном списке значится ещё и отпуск с 3 февраля 1832 г. на 28 дней, из которого он вернулся лишь 25 августа того года; просрочку оправдал свидетельством о болезни (следующий и последний отпуск А.О. Нарбута, указанный в формулярном списке (...), это отпуск с 14 декабря 1841 г. на месяц, что отсрочили ещё на месяц; из отпуска возвратился в срок).

В формулярном списке, почти на десятилетие отстоящем по времени от вышеразобранного указа об отставке и, можно предположить, зиждущемся в основе своей на документе, выправленном в связи с утратой этого указа, также находим: в штрафах и под судом не был, достоин к повышению чина (в паре с тем, что к продолжению статской службы способен), холост.

По принципиальному для нас вопросу о том, как период, когда А.О. Нарбут занимал должность сольвычегодского земского исправника, отражён в формулярном списке, отметим: в источнике отсутствуют данные о замещении А.О. Нарбутом должности сольвычегодского земского исправника и период его пребывания в ней включён во время, проведённое им в отставке (...). В силу этого в документе А.О. Нарбут показан не переведённым на должность остёрского городничего, а определённым в неё.

Остёрским городничим А.О. Нарбут состоял несколько лет: в то время как в адрес-календари на 1843, 1844 и 1845 гг. (в последнем ссылка в случае с Черниговской губернией на список от 2 декабря 1844 г.) внесён, с чином капитана, ещё как остёрский городничий, то в адрес-календари на 1846, 1847, 1848 и 1849 гг. (во всех ссылка в случае с Черниговской губернией на список от 2 декабря 1845 г.) – с тем же чином, уже как новгород-северский городничий⁵⁹. (...)

Таким образом, выявленные источники позволяют говорить, что в личный состав института исправников на территории Вологодской губернии в конечный период существования там земских полиций (1838-1863 гг.) входил, обращаясь к названию статьи, «исправник, которого не было». Этим исправником являлся А.О. Нарбут, числившийся в должности сольвычегодского земского исправника целых 9 месяцев и имевший благодетеля в лице Л.В. Дубельта. Как протеже Л.В. Дубельта, он получил назначение земским исправником в г. Сольвычегодск и, отличившись неявкой к должности, перевод с севера на юг, в г. Остёр, да ещё и на более престижное место городничего.

Считать ли историю с А.О. Нарбутом чем-то особо исключительным? Как нечто вполне обыденное, на наш взгляд, подобное отразилось, если далеко не уходить от действующих лиц этой истории, в письмах жены Л.В. Дубельта А.Н. Дубельт (племянница адмирала Н.С. Мордвинова). В её письмах к мужу, например, видим протезирование Н.Г. Каховского (...) ⁶⁰.

За несколько лет до А.О. Нарбута при посредстве благодетеля с должности сольвычегодского земского исправника на место городничего в уездный город Киевской губернии Махновку перебрался майор К.С. Бедарев. В настоящем случае благодетель – командир Отдельного корпуса внутренней стражи генерал от инфантерии П.М. Капцевич – выступил в прямом смысле слова как посредник с весом в чиновном мире: К.С. Бедарев написал письмо благодетелю, благодетель на письмо нанёс резолюцию с рекомендацией, письмо при номерной записке благодетеля поступило на «благоуважение» министра внутренних дел Д.Н. Блудова⁶¹. Сольвычегодский земский исправник К.С. Бедарев изъявлял желание стать полицеймейстером, городничим или, как он сам написал, даже земским исправником в тех местах, где хотел служить А.О. Нарбут, и получил желаемое, прибегнув к помощи благодетеля, через министра внутренних дел, к какому без видимого успеха обращался А.О. Нарбут (...).

На таком фоне случай с А.О. Нарбутом, полагаем, продуктивно интерпретировать в контексте функционирования властного института, какой, отталкиваясь от содержания статьи, возникает стремление называть институтом благодетелей.

¹ Благочестивейшая Самодержавнейшая Великая Государыня Императрицы Екатерины Вторья учреждения для управления губерний Всероссийския Империи. [В Москве, 1775 года]. Ст. 224.

² Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленный. Учреждения. Свод учреждений государственных и губернских. Ч. 2. Учреждения губернские. СПб., 1832. Ст. 697.

³ Там же. Ст. 700.

⁴ Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. 32. № 25.642.

⁵ Там же. Т. 33. № 26.255.

⁶ Свод законов Российской империи... Ст. 701.

⁷ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ РИ). Собр. 2. Т. 12. Отд. 1. № 10236.

⁸ О преобразовании вологодской полиции распубл.: Вологодские губернские ведомости (далее – ВГВ). 1863. № 21. Ч. офиц. С. 117.

⁹ Месяцослов и Общий штат Российской империи на 1839. Ч. 2. СПб., [б. г.]. С. 80; Месяцослов и Общий штат Российской империи на 1840. Ч. 2. СПб., [б. г.]. С. 75; Месяцослов и Общий штат Российской империи на 1841. Ч. 2. СПб., [б. г.]. С. 47.

¹⁰ ВГВ. 1838. № 44. Ч. офиц. С. 352.

¹¹ ВГВ. 1839. № 34. Ч. офиц. С. 266.

¹² Месяцослов и Общий штат Российской империи на 1840. Ч. 2. СПб., [б. г.]. С. 317; Месяцослов и Общий штат Российской империи на 1841. Ч. 2. СПб., [б. г.]. С. 200.

¹³ ВГВ. 1839. № 38. Ч. офиц. С. 297; 1842. № 40. Ч. офиц. С. 387.

¹⁴ Я.М. Лишин-Дудицкий включён в родословные книги: Милорадович Г.А., гр. Родословная книга Черниговского дворянства. Т. 2. Ч. 3, 4, 5, 6 и прил. С.-Петербург, 1901. С. 108 (6 ч.); Модзалевский В.Л. Малороссийский родословник. Т. 3. Л.–О. Киев, 1912. С. 163. (...) Происхождение Я.М. Лишина-Дудицкого вполне типично для дворянина Левобережья, или Малороссии, где имело место одворянивание казацкой старшины. В отличие от Левобережья, примкнувшего к Русскому государству в XVII в. после восстания казаков против правительства Речи Посполитой и избрания ими своим государем царя и великого князя Алексея Михайловича, на землях Правобережья, Западного Подолья и Западной Волыни, включённых в состав России только в конце XVIII в. при разделах Речи Посполитой, данностью являлась польская шляхта (ввиду далеко зашедшей ассимиляции об ополяченной, или полонизированной, шляхте речи не ведём). Во время описываемых событий Левобережье делилось на Черниговскую и Полтавскую губернии, вышеочерченная же территория по правую сторону Днепра – на Киевскую, Подольскую и Волынскую.

¹⁵ Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф. 14. Оп. 1. Д. 1328. Л. 609-614, 620; Ф. 85. Оп. 1. Д. 7. Л. 141-146.

¹⁶ (...) [По техническим причинам подробный текст о службе А.И. Василенко подвергнут сокращению.] ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 834. Л. 1-16 об.; Д. 1328. Л. 609-614, 620; Ф. 31. Оп. 1. Д. 282. Л. 337, 473-473 об., 509-510; Ф. 32. Оп. 1. Д. 47. Л. 76-77; Д. 59. Л. 194-194 об., 250, 290 об., 550 об.-551, 619-620, 641 об., 913, 1011 об., 1060 об.-1061, 1109; Ф. 85. Оп. 1. Д. 7. Л. 141-146; ВГВ. 1838. № 3. Прибавления. С. 24; № 6. Ч. офиц. С. 42; № 22. Ч. офиц. С. 181; 1839. № 12. Ч. офиц. С. 89; № 23. Ч. офиц. С. 169; 1843. № 12. Прибавление. С. 126; № 32. Прибавление. С. 313; № 34. Прибавление. С. 336; 1844. № 3. Прибавление. С. 28; № 6. Прибавление. С. 57; № 9. Прибавление. С. 87; № 14. Ч. офиц. С. 204; Прибавление. С. 137; 1846. № 5. Отд. 2. Ч. офиц. С. 50; 1850. № 9. Ч. неофиц. С. 91; № 12. Ч. неофиц. С. 126; № 37. Ч. неофиц. С. 435; № 44. Отд. 2. Ч. офиц. С. 373; 1851. № 12. Ч. неофиц. С. 133; № 33. Ч. неофиц. С. 378; 1852. № 49. Отд. 2. Ч. офиц. С. 449; № 52. Ч. неофиц. С. 592; 1853. № 26. Отд. 2. Ч. офиц. С. 239-240.

¹⁷ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1286. Оп. 6. 1836 г. Д. 193. Л. 62-62 об. На прошении под датой написания указан город «Санктпетербург», конкретного адреса нет. Над датой, между датой и рукоприкладством А.О. Нарбута,

сохранились остатки печати. Прошение А.О. Нарбут подписал так: «Къ сему прошенію Отставной Капитанъ Тираспольскаго Конно-Егерскаго Полка Антонъ Осиповъ сынъ Нарбутъ руку прыложилъ» (Л. 62 об.).

¹⁸ Текст указа: (...). (ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 10. Отд-ние 2. № 8463).

¹⁹ Обоснование названных мер находим в преамбуле указа. Для того, чтобы облегчить укомплектование там полицейского аппарата полезными режиму подданными, указом повелевалось «определенным от короны земским исправникам и заседателям земских судов, а равно городничим и полицеймейстерам в западных губерниях, производить, впредь до повеления, двойные противу ныне существующих оклады жалованья, а первым сверх того по 500 рублей ежегодно на разъезды» (п. 7). (ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 6. Отд-ние 2. № 4894).

²⁰ Герцен А. И. Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 9: Былое и думы. 1852-1868. Ч. 4. М., 1956. С. 57-58.

²¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 6. 1836 г. Д. 193. Л. 62 об.

²² Никитенко А.В. Дневник: в трех томах. Т. 3: 1866-1877 / [Подгот. текста и примеч. И.Я. Айзенштока]. [М.; Л.], 1956. С. 96.

²³ РГИА. Ф. 1286. Оп. 6. 1836 г. Д. 193. Л. 70-70 об.

²⁴ Там же. Л. 71. В деле отпуск письма, заверенный начальником стола К.А. Фаворским.

²⁵ Там же. Л. 79-79 об.

²⁶ Там же. Л. 79.

²⁷ Там же. Л. 80, 83.

²⁸ Там же. Л. 84-85.

²⁹ Там же. Л. 85.

³⁰ Там же. Л. 86.

³¹ Там же. Л. 87, 88.

³² Там же. Л. 89. Отпуск отношения заверен начальником стола К.А. Фаворским.

³³ Там же. Л. 129.

³⁴ [Высочайший приказ, отданный марта 12 дня 1839 года] // [Высочайшие приказы: 1-я половина 1839 года]. (Российская государственная библиотека. № 2007241435).

³⁵ РГИА. Ф. 1286. Оп. 6. 1836 г. Д. 193. Л. 130.

³⁶ Там же. Л. 131-131 об.

³⁷ Там же. Л. 131-131 об., 132-135.

³⁸ Там же. Л. 131.

³⁹ Там же. Л. 136.

⁴⁰ Там же. Л. 137.

⁴¹ Там же. Л. 138-138 об.

⁴² Там же. Л. 139.

⁴³ Там же. Л. 140-141.

⁴⁴ Там же. Л. 140 об.

⁴⁵ Там же. Л. 142-142 об.

⁴⁶ Там же. Л. 142.

⁴⁷ Там же. Л. 145.

⁴⁸ Там же. Л. 146.

⁴⁹ Там же. Л. 147.

⁵⁰ Там же. Л. 148.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. Л. 149.

⁵³ Там же. Л. 143-144.

⁵⁴ В «Списке дворян Киевской губернии» есть только один Нарбут – «Николай, сын Дмитрия, внук Александра Григорьева», внесённый во 2-ю часть местной дворянской родословной книги по определению собрания от 15 февраля 1880 г. на основании указа от 22 июня 1845 г. за № 12684 по Черниговской губернии (Список дворян Киевской губернии / Изд. Киев. дворян. депутат. собр. [сост. по 1 янв. 1906 г.]. Киев, 1906. С. 177). Здесь важно учитывать, что в список вошли только те роды, что получили утверждение в дворянстве (...).

⁵⁵ Под 20 декабря 1828 г. в «Полном собрании законов Российской империи» помещён именной указ (...). Вскоре после того, как А.О. Нарбут оставил службу, в соответствии с высочайше утверждённым 21 марта 1833 г. «Положением о переформировании армейской кавалерии» Тираспольский конно-егерский полк подвергся расформированию. (...) (ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 8. Отд-ние 1. № 6065; Отд-ние 2. К № 6065).

⁵⁶ РГИА. Ф. 1286. Оп. 6. 1836 г. Д. 193. Л. 143.

⁵⁷ РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1842 г. Д. 435. Л. 1097-1098.

⁵⁸ [Высочайший приказ, отданный в Санктпетербурге апреля 4 дня 1819 года] // [Высочайшие приказы генварской трети 1819 года]. (Государственная публичная историческая библиотека России. № 599783).

⁵⁹ Адрес-календарь, или Общий штат Российской империи на 1843 год. Ч. 2. СПб., [б. г.]. С. 204; Адрес-календарь, или Общий штат Российской империи на 1844 год. Ч. 2. СПб., [б. г.]. С. 171; Адрес-календарь, или Общий штат Российской империи на 1845 год. Ч. 2. СПб., [б. г.]. С. 227; Адрес-календарь, или Общий штат Российской империи на 1846 год. Ч. 2. СПб., [б. г.].

С. 216; Адрес-календарь, или Общий штат Российской империи на 1847 год. Ч. 2. СПб., [б. г.].
С. 215; Адрес-календарь, или Общий штат Российской империи на 1848 год. Ч. 2. СПб., [б. г.].
С. 215; Адрес-календарь, или Общий штат Российской империи на 1849 год. Ч. 2. СПб., [б. г.].
С. 213. В адрес-календаре на 1843 г. назван Антоном Осип. Корбутом.

⁶⁰ Письма А.Н. Дубельт к мужу / Публ. М.В. Сидоровой, М.М. Якушкиной // Российский Архив: история Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Н. С. [Вып. 11]. М., 2001. С. 91, 96, 105.

⁶¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. 1832 г. Д. 328. Л. 1-3 об.

А.В. Барсуков

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ ЧИРКОВ И ЕГО РОЛЬ В РАЗВИТИИ ПЛОДОВОГО САДОВОДСТВА В КОТЛАСЕ И КОТЛАССКОМ РАЙОНЕ

До конца 1990-х гг. к деревне Княжево Котласского района с южной и восточной сторон примыкал необычный для наших мест яблоневый сад. Со слов старейшей жительницы деревни Княжево Валентины Васильевны Виноградовой, этот сад начали сажать еще до Великой Отечественной войны, а инициатором его закладки и активным участником посадок был научный сотрудник какого-то ленинградского института Василий Иванович Чирков¹.

Из Санкт-Петербургского филиала архива Российской Академии наук, Ботанического института имени В.Л. Комарова, Рыбацкой библиотеки № 6 города Санкт-Петербурга, а также из периодической печати удалось получить информацию, отражающую жизненный и научный путь В.И. Чиркова – человека, занимавшегося садоводством в наших суровых краях, где и более неприхотливые культуры не каждый год дают хорошие урожаи.

Родился Василий Иванович Чирков 24 февраля 1899 г. в селе Рыбацком недалеко от Санкт-Петербурга (в настоящее время муниципальный округ Рыбацкое города Санкт-Петербурга). Отец его работал батраком и рабочим на заводе, мать – на подённых работах². Бабушка, Екатерина Александровна, дочь садовника с Пулковской горы, выйдя замуж в 1845 г. за потомственного рыбака Ивана Федоровича Чиркова, принесла в семью новую для жителей села Рыбацкого любовь к живому миру фруктовых деревьев и ягодников. От нее эту любовь унаследовал и внук Василий, еще мальчиком с удовольствием копавшийся вместе с бабушкой в семейном саду³.

В 1915 г. Василий окончил 4-классное Высшее начальное училище, после чего в соответствии со своей тягой к работе с растениями поступил на вечерние Агрономические курсы Общества народных университетов, а в 1917 г. перешел на Чернышевские общеобразовательные курсы. В 1918 г. сдал экзамены за 6 классов реального училища и поступил в Петровскую (с декабря 1923 г. Тимирязевскую) сельскохозяйственную академию в Москве, откуда перевелся в Петроградский агрономический институт.

В период с 1921 по 1924 гг., будучи студентом, работал инструктором при опытной станции института в Детском Селе (после 1937 г. – город Пушкин)⁴, проходил практику у таких известных профессоров, как С.П. Глазенап,

В.Д. Догель, М.И. Дьяков⁵. По окончании института в 1924 г. Чирков уехал на Вологодскую сельскохозяйственную опытную станцию, где работал в отделе полеводства, изучая вопросы клеверосеяния, сорной растительности в полях севооборотов, пчелиные пастбища⁶.

Занимаясь плановыми работами опытной станции, молодой биолог не переставал интересоваться садами. Однажды в одном из сел на берегу Кубенского озера он увидел плодоносящие яблони, которые прекрасно переносили суровые северные зимы. На вопрос, где брали посадочный материал, жители ответили, что сеяли яблони семенами. Чирков собрал семена местных яблонь и отослал на родину, в село Рыбацкое, своим сестрам с просьбой посеять их. Позднее в городе Котласе у садовода Петра Михайловича Балючика он обнаружил яблони, также без повреждений переносившие суровые морозы. Как оказалось, эти яблони тоже были посажены семенами.

Зимой 1938-1939 гг. в саду в селе Рыбацком вымерзли 20-летние яблони, приобретенные саженцами в двухлетнем возрасте. Обследовав их, Чирков обнаружил, что у погибших яблонь не оказалось достаточно крупных и глубоких корней. Такую же проблему он обнаружил и на Олонецкой равнине (Карелия) в саду энтузиаста-мичуринца И.И. Лумпиева, который в эту же зиму потерял все свои плодоносящие яблони, завезенные саженцами из питомника Регеля (Ленинград), где прививали яблони разных сортов на сеянцы сибирки⁷.

В 1967 г. Чирков писал в газете «Правда Севера», что, изучая работу питомников, десятилетиями занимавшихся выращиванием сортовых деревьев на корнях сибирской мелкоплодной яблони, он установил причины как недолговечности привитых сортов, так и потери вкусовых качеств плодов. Вследствие неоднократных пересадок у подвоев, пока они попадали на постоянное место, несколько раз подрезались корни. В результате у покалеченных растений не возникало вторичного стержневого корня. Новая корневая система развивалась горизонтально в поверхностном слое почвы, где легко повреждалась морозами, а в период плодоношения – летней засухой. Между тем, молодому сеянцу требовалось обязательное сохранение стержневого корня, способного заглубляться в землю в течение двух-трех лет более чем на метр.

В своей статье Чирков особо подчеркивал, что именно яблоньки из сада котласского садовода П.М. Балючика, выращенные из семян, а не из саженцев, покалеченных при пересадках в питомниках, помогли ему «определить направление осмысленной работы по садоводству на Севере». Занимаясь на Карельском перешейке разработкой проблемы осеверения плодовых растений, он твердо стал «уже на путь корнесобственного выращивания подвоя на постоянном месте. В результате длительной работы в этом направлении... удалось вырастить новые сорта яблонь, груш, вишни, сливы и черешни, которые получили высокие оценки при дегустациях и химических анализах. Эти будущие сорта, выдержавшие 40-градусные морозы и 45-градусную жару, ...достоинны массового размножения в северных условиях»⁸.

С 1929 г. до марта 1937 г. Чирков работал в Ленинградском институте аспирантуры, во Всероссийском институте растениеводства, а в марте 1937 г. поступил научным сотрудником в отдел растительных ресурсов Ботанического

института имени академика В.Л. Комарова (с 1946 г. – старший научный сотрудник). В 1938 г. ему была поручена работа по витаминной проблеме. Для выполнения этой работы он организовал в 1938, 1939 и 1940 гг. три экспедиции в бассейны рек Европейского севера СССР (Юг, Луза, Вычегда, Северная Двина) для изучения естественных зарослей и учета запасов витаминных шиповников. Помимо этого, в период экспедиций он вел популяризационную работу среди колхозников и научных сотрудников опытной станции Архангельской области по плодово-ягодному делу. В результате по его инициативе в колхозе имени С.М. Кирова Шипицынского сельсовета Котласского района был организован сад на площади в 20 га. По отзыву заведующего отделом растительных ресурсов Ботанического института профессора М.М. Ильина, В.И. Чирков много внимания уделял продвижению на Север плодоводства, особенно яблоневых садов, а в связи с этим изучению морозоустойчивости подвоя и вообще морозоустойчивости плодовых насаждений. Эта тема занимала его всегда, во все периоды деятельности. Помимо посвященных ей газетных статей и заметок, она находила отражение и в его научных статьях⁹.

Сам Чирков, вспоминая много позднее (в 1963 г.) о своей первой поездке в Котласский район, рассказал, как в сентябре 1938 г. он встретил колхозного кузнеца из деревни Княжево Ивана Ильича Нерадовского, который, несмотря на свои 65 лет, живо заинтересовался возможностью попробовать выращивать на их северной земле яблони, вишни. В том же месяце Нерадовскому из питомника Ботанического сада были присланы семена яблони-китайки, которые тот в ноябре, под зиму, высеял на свои грядки, как ему посоветовал Чирков.

В феврале 1939 г. Чирков направил в редакцию котласской газеты «Социалистический Север» статью о возможности развивать садоводство в колхозах района, и просил помочь И.И. Нерадовскому в его начинании. Редакция напечатала статью, а затем ее представители направились на общее собрание колхозников сельхозартели имени Кирова, где решался вопрос о создании первого в Котласском районе общественного плодового сада. Через несколько дней в местной газете появилось обращение членов сельхозартели имени Кирова ко всем колхозникам района с призывом последовать их примеру и заложить у себя общественные плодовые сады. В конце июня 1939 г. экспедиция Ботанического института опять прибыла в Котласский район на поиски новых зарослей шиповника, сделав на этот раз своей базой деревню Усть-Курья. Чирков поспешил к Ивану Ильичу, на грядках которого обнаружил множество сильных и крепких всходов яблони. Молва о сеянцах яблонь, выращенных И.И. Нерадовским, быстро разнеслась по соседним колхозам, а затем и по району. Решился вопрос создания большого плодового колхозного сада¹⁰.

В 1940 г. И.И. Нерадовский побывал на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Яблоки Балючика, вес которых достигал 200 граммов, на той же выставке были оценены экспертной комиссией павильона садоводства как первоградные¹¹. В июне 1940 г. Чирков привез из Ленинграда в Шипицыно двенадцать бумажных стаканчиков. В эти стаканчики, наполненные землёй, ещё в январе им были разложены по одному семени вишнеплодной или маньчжурской яблонь. Стаканчики, вынесенные на холод, пробыли там до апреля. В ап-

реле они были перенесены в комнату и расставлены по подоконникам южной стороны. Спустя восемь-девять дней в стаканчиках стали появляться всходы. Приехав на место, Чирков посадил сеянцы в стаканчиках в обработанные гряды на усадьбе А.И. Низовцева в деревне Шипицыно и на усадьбе И.И. Нерадовского в деревне Княжево. При приезде Чиркова в Котласский район в 1951 г. эти яблоньки были уже крупными деревьями. При их осмотре Чирков убедился, что они совершенно не повреждены морозами, чему, по его мнению, «бесспорно способствовало то, что при посадке сеянцев со стаканчиками в грунт корневая система не нарушалась». В дальнейшем этот «стаканчиковый» метод посадки стал широко пропагандироваться¹².

С началом Великой Отечественной войны Чирков, не принятый в народное ополчение по состоянию здоровья, участвовал в строительстве оборонных сооружений в пригородной зоне Ленинграда, а в 1942-1944 гг. в связи со специальными заданиями горкома ВКП(б) и Ленсовета руководил выращиванием рассады овощных растений – капусты, свеклы и др. (выращено более 30 млн штук рассады). Параллельно проводил широкую научно-популяризационную работу того же профиля среди директоров подсобных хозяйств и индивидуальных огородников, участвовал в подготовке кадров садоводов и овощеводов. Эти работы сыграли немаловажную роль в выживании жителей Ленинграда в условиях блокады. 15 октября 1943 г. в Первом медицинском институте имени академика И.П. Павлова Чирков защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата биологических наук. Тема диссертации – «Шиповники Севера и значение их для витаминной промышленности СССР».

В 1943-1944 гг. Ленинградским исполнительным комитетом депутатов трудящихся Чирков был награжден двумя грамотами. В этот же период он награжден правительственными наградами: медалью «За оборону Ленинграда» (26.07.1943), орденом «Знак Почёта» (17.05.1944), а по окончании войны – медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»¹³.

В 1945 г. Чирков опубликовал статью, в которой привел данные, какие сорта яблонь и груш даже в условиях Архангельской области давали сильную корневую систему и оказывались зимостойкими¹⁴. В 1946 г. Чирков работал над изучением растительных восков в целях нахождения отечественных источников этого необходимого для народного хозяйства продукта. К тому времени им была проведена обширная научно-исследовательская работа различной тематики и написано 25 научных работ, которые определили два основных направления его деятельности, главным из которых являлось изыскание новых источников растительного сырья для народного хозяйства, а вторым – обогащение Русского Севера новыми культурами, продвижение на Север плодоводства¹⁵.

Естественно, тематику работ для института и его сотрудников определяли прежде всего первоочередные потребности государства, поэтому В.И. Чиркову его работы по постановке опытов разведения северных садов приходилось зачастую делать в свободное от основной работы время (отпуска, попутные командировки, после работы, в выходные, на своем приусадебном участке в Рыбацком) и за свой счет. Семья (жена, дочь и зять тоже были научными работниками) с пониманием относилась к увлечению Василия Ивановича. Судя по от-

зывают руководства института, оно также этой деятельности Чиркова не препятствовало, тем более она совпадала с профилем учреждения.

В заложенном в 1940 г. у деревни Княжево саду, который планировался как семенной («семенная роща») преимущественно из яблони-китайки для дальнейшего распространения семенного материала по другим колхозам и приусадебным участкам в качестве основы для подвоев, к 1944-1945 гг. яблони уже обильно плодоносили¹⁶. Но война во многом помешала начатому делу. Чирков, до войны ежегодно приезжавший в Котлас и оказывавший колхозным садоводам и местным мичуринцам-любителям научную и практическую помощь, не смог больше лично руководить работами. Как это нередко бывает, «тут как тут оказались не только скептики, но и прямые противники северного садоводства. Сад, вопреки обещаниям, остался неогороженным, на его территории появился скот. Ценнейшая коллекция молодых плодовых деревьев гибла на глазах... Закончилась война. Снова В.И. Чирков, обвешанный рюкзаками и сумками, с пакетами под обеими руками, в которых перевозились черенки, семена и образцы плодов, стал ежегодно приезжать в Котлас. Он терпеливо и настойчиво восстанавливал насаждения в колхозном саду...»¹⁷, делал прививки, давал указания. Но как только уезжал, по указанию руководства колхоза работу тормозили, садоводческое звено снимали, уже обученным колхозным кадрам не давали работать. Руководство района и областного управления сельского хозяйства на мероприятия новаторов смотрели равнодушно: очевидно, не верили в перспективность садоводства на севере¹⁸.

Все же в январе 1949 г. в саду колхоза имени Кирова по заданию Чиркова был сделан подснежный посев семян яблони, груши, винограда. Эту работу выполнила колхозница А.Н. Нерадовская. В мае-июне на гряде появились дружные всходы, хорошо развившиеся за лето¹⁹. В октябре 1949 г. в Котласе по инициативе и с участием приехавшего в город В.И. Чиркова был проведен слет садоводов, на котором котласские садоводы-любители представили свои достижения перед агрономами хозяйств, руководящими партийными и советскими работниками. Тогда же был создан кружок мичуринцев²⁰.

Осенью 1949 г. в саду под Ленинградом Чирковым были собраны плоды китайки с корнесобственных деревьев, то есть с непривитых яблонь. Полученные от них семена (около 700 граммов) Чирковым были переданы кружку мичуринцев в Котласе для распространения среди садоводов-любителей. Советом мичуринского кружка полученные семена были распределены по колхозам, школам и между садоводами-любителями²¹.

В марте 1951 г. В.И. Чирков приезжал в Котлас и «в совхозе Макариха... заложил первый гектар корнесобственного сада семенами яблони-китайки». Руководство совхоза заключило с Ботаническим институтом договор о сотрудничестве по дальнейшему развертыванию научной и шефской помощи производству в деле организации работ по внедрению метода зимостойкого садоводства. Закончив работу в совхозе, ученый выехал в колхоз имени Кирова для посева под снег коллекции гибридных семян яблонь²².

Потомки тех насаждений в колхозе имени Кирова (с 1959 г. – совхоз «Шипицынский») растут и поныне на приусадебных участках, причём не только в

Княжеве, но и в соседних деревнях, и в Шипицыне. Очевидно, из-за трудоемкости и нерентабельности или от отсутствия желания у руководства хозяйства и района заниматься этой отраслью, садоводство в колхозе постепенно прекратилось, яблони остались без ухода. Часть их вымерзла – видимо, они были недостаточно морозостойкие, остальные вырубил в 2000-х гг. владельцы приусадебных участков, образованных на полях ликвидированного в результате перестройки и последовавших хозяйственных реформ совхоза «Шипицынский».

Думается, дело специалистов (садоводов, экономистов) давать оценку целесообразности или нецелесообразности развития садоводства на Европейском севере России в промышленных масштабах. Краеведов более интересует фактическая сторона этого дела. В деятельности Чиркова импонирует его горячая убежденность в том, что сады украшают наши города и села, играют благородную роль в деле здорового воспитания человека. Совершенно уместен вопрос Чиркова на страницах котласской газеты (1951 г.): «Разве дети котласских школ не любят природы? Разве они не хотят вырастить плодородное дерево от семян на пришкольном или на приусадебном участке родителей?» И тут же он с убежденностью отвечает: «Конечно могут! Надо только ботаникам-биологам школ серьезно задуматься над этим вопросом». И с сожалением пишет, что помощи этому благородному начинанию почти нет ни со стороны Курцевского плодового питомника, ни со стороны опытной станции Губино; прекратил свою работу и совет мичуринского кружка, возглавляемый главным агрономом райсельхозотдела Сухановской²³.

Рассказывая в январе 1952 г. в областной газете «Правда Севера» о своем опыте подснежного посева в марте 1951 г. яблони-китайки и груши в совхозе завода Лименда (упомянутый выше совхоз «Макариха», позже совхоз «Родина»), Чирков подчеркнул, что сеянцы взошли, при этом некоторые из них уже к 15 июля имели высоту до 30 сантиметров. Чирков рекомендовал весной 1952 г. сеянцы разрядить, при нормальном развитии на месте посева уже на второй год жизни в конце июля – в начале августа привить их летними почками, взятыми с культурных сортов яблонь и груш. При благополучном срастании привоя с подвоем Чирков прогнозировал плодоношение уже на четвертый или пятый год жизни корня сеянца²⁴. Окулировка яблонь в совхозном саду была проведена в 1953 г., а в 1955-м были получены первые килограммы местных яблок²⁵.

В дальнейшем работы, видимо, были приостановлены, потому что по этому же саду журналист «Двинской правды» Е.Н. Соколов в 1964 г. сообщал: «...С горьким чувством приходится писать, что то большое и доброе, что совершенно бескорыстно, во имя человека и науки делал Василий Иванович Чирков в Котласе и его окрестностях, оказалось в руках равнодушных, холодных сердцем людей. Приезжал ученый – работы двигались, уезжал – прекращались. Договор, заключенный по инициативе В.И. Чиркова между хозяйственными организациями Котласа и Ленинградским ботаническим институтом, конкретно отражавший великое содружество науки с практикой, потерял силу»²⁶.

По поводу сада совхоза «Родина» сам Чирков писал в 1970 г.: «...Сейчас – это уже мощные зимостойкие деревья, не боящиеся ни морозов, ни солнечных ожогов. Они ежегодно цветут и обильно плодоносят некрупными яблочками,

пригодными для заготовки семенного материала. Пользуясь этими семенами, можно было бы вырастить зимостойкий подвойный материал с мощной, хорошо развитой корневой системой. Эти корнесобственные деревья, имеющие в наследстве гены "петергофской китайки", весьма ценны для гибридизационных работ с целью получения новых местных сортов яблонь для Европейского севера. К сожалению, эти деревья брошены на произвол судьбы. На них не обращают внимания агрономы совхоза и секции садоводства при Котласской организации общества охраны природы...»²⁷.

В апреле 1952 г. в редакцию газеты «Социалистический Север» из Ботанического института пришла посылка, в которой вместе со статьёй-рекомендацией от В.И. Чиркова были более 4000 семян яблонь и груш, рекомендованных Чирковым в качестве основы для организации морозоустойчивых плодовых садов на пришкольных участках, в скверах и бульварах города, на приусадебных участках. Вопросом об использовании семян, о развитии в городе массового движения юных мичуринцев-любителей занялось бюро горкома ВЛКСМ²⁸.

Как видим, В.И. Чирков не только сам проводил опыты по распространению северного садоводства, привлекая для этого и новые общественные силы, и административные ресурсы, личный авторитет ученого и авторитет представляемого им научно-исследовательского учреждения, но искал и находил местных энтузиастов, которые в первую очередь и пытались выращивать на студеном Севере вроде бы исключительно южные растения. И старался помочь им где советом, где посадочным материалом, пропагандировал в печати их опыт, сам анализировал и использовал в своей научной деятельности материал, наработанный любителями-опытниками. Среди них из котлашан необходимо назвать ранее упоминавшегося П.М. Балючика, а также Ф.М. Чвилева, А.Я. Ляшека, супругов Е.И. и Н.П. Логиновых, С.Ф. Черных, А.Н. Желнину, о каждом из которых можно рассказывать отдельно²⁹.

В 1953 г. на стационаре Ботанического института в поселке Отрадное Приозерского района Ленинградской области В.И. Чирков заложил плодовый сад и организовал питомник по разведению северных садовых культур, которым ему в последующем пришлось непосредственно заниматься. Кроме того, еще до войны В.И. Чирков начал заниматься уникальными монастырскими садами острова Валаам на Ладожском озере, которым грозило уничтожение после ликвидации монастыря, и впоследствии не одно десятилетие посвятил их изучению и восстановлению³¹.

Несмотря на вроде бы наметившуюся в Котласе линию на разведение плодовых садов, в дальнейшем эта тенденция идет на спад. Чирков длительное время – до 1964 г. – по указанным выше причинам в Котлас приехать не мог, а у комсомола задор угас, так как садовое плодоводство требовало постоянного, ежегодного внимания. Представители же городского коммунального хозяйства для озеленения города предпочитали менее требовательные культуры (тополь, березы, рябины, жимолость и т.п.). О фруктовых деревьях изредка упоминалось, но применительно лишь к приусадебным участкам³².

23 октября 1962 г. газета «Социалистический Север» на первой странице опубликовала письмо к Н.С. Хрущеву 68-летнего котласского пенсионера Сер-

гея Федоровича Черных, в котором тот рассказал о своем опыте выращивания в условиях Котласа яблонь, груш, слив, персиков и других южных культур. С письмом Никите Сергеевичу была послана посылка с яблоками сорта «бархатка» и просьба пристыдить тех северян, которые «любят чужие фрукты, а о создании своих садов думают очень мало». Здесь же было опубликовано ответное письмо Н.С. Хрущева, ранее напечатанное в газете «Сельская жизнь», в котором тот оценил труд Черных как важное и благородное дело, и высказал пожелание, чтобы его опытом заинтересовались руководители колхозов и совхозов, специалисты сельского хозяйства районов Севера³³.

После этой краткой переписки с первым лицом государства к Черным стали приходить многочисленные письма из разных уголков СССР, в которых люди просили поделиться опытом, а также посадочным материалом. 23 февраля 1963 г. в газете «Заря коммунизма» (так некоторое время называлась будущая «Двинская правда») была опубликована беседа корреспондента газеты с С.Ф. Черных. Рассказывая о своем опыте выращивания подвоев яблонь, Черных, как и В.И. Чирков, рекомендовал выращивать их из семечек от яблонь из районов со сходными с Котласом климатическими условиями, то есть выращивать «корнесобственный» подвойный материал. В этом очерке впервые говорится, что в городе положительно решен вопрос о создании большого городского плодово-ягодного сада площадью 11 гектаров, для которого уже выделен участок³⁴. Ранее этот участок земли использовался Котласторгом под посевы овса и индивидуальными огородниками под посадки картофеля³⁵.

Работавший в ту пору секретарем партийной организации станции Котлас-Южный Г. Талых позднее вспоминал: «...Вскоре Черных пригласили в городской комитет партии. Секретарем горкома... Галашевым была устроена встреча Сергея Федоровича с секретарями партийных организаций города... Решено было выделить участок в 3 га – в районе нынешней школы № 7. Секретарям парторганизаций указали оказывать помощь Черных в создании фруктового сада. В разработке сада принимали участие учащиеся старших классов школ города и горожане. Выполненные работы даже оплачивались. И уже на следующий год был неплохой урожай ягод и фруктов»³⁶. Работавший тогда председателем Котласского горисполкома Г.Н. Елсаков вспоминал: «...Сергей Федорович по-хорошему тогда меня достал! Приходил в горисполком практически каждое утро. Всегда что-нибудь просил, выбивал. И мы ему всегда помогали»³⁷.

Но не только городские власти беспокоил Черных. К претворению в жизнь своей мечты об организации в Котласе настоящего плодово-ягодного сада он подключил и науку – Ленинградский Ботанический институт в лице В.И. Чиркова, с которым котласские садоводы-любители и журналист Е.Н. Соколов постоянно поддерживали связь. Василий Иванович с готовностью вызвался помочь котласским друзьям, через центральную власть добившимся решения о закладке в городе такого большого сада, и договорился о выделении для них 350 саженцев яблонь, о чем сообщил Черных телеграммой в начале мая³⁸.

В итоге в конце мая 1963 г. в Котлас в изотермическом вагоне прибыли из далекой Томской области двухлетние саженцы яблонь. 26 мая вместе с

С.Ф. Черных в будущий сад пришли садоводы-любители и просто добровольцы, а также школьники с преподавателями. 29 мая в сад вышли уже более 150 человек, в том числе депутаты, представители предприятий. Вместе со всеми трудились первый секретарь горкома партии Валит, председатель горисполкома Елсаков и другие руководители партийных, советских и общественных организаций. Сад был заложен, посажены все 350 яблонек³⁹. Всего же весной и осенью 1963 г. в общественном саду было высажено 416 яблонь культурных сортов, 50 вишен, 105 кустов смородины и 50 кустов черноплодной рябины. В 1963 г. в саду выстроено новое просторное деревянное здание для хранения посадочных материалов, удобрений и рабочих инструментов с утепленной комнатой для сторожа. Был выкопан колодец, обеспечивающий сад водой. Участок был оканавлен, осушен⁴⁰.

В сентябре 1963 г. В.И. Чирков, вдохновленный успешными работами в Котласском общественном саду, прислал в редакцию газеты «Двинская правда» свой очерк «И.И. Нерадовский – первый садовод», в котором подробно и интересно рассказал, с чего начиналась закладка фруктового сада в колхозе имени Кирова у деревни Княжево. С сожалением констатировал, что «равнодушные люди не дали развиваться... плодовому саду возле Шипицыно». Тем не менее выразил уверенность, что «...будут расти и плодоносить на севере яблони, груши, вишни и сливы. За важное и благородное дело уже взялись и берутся вновь полные неутомимой энергии колхозные, совхозные и городские мичуринцы-любители. Число их быстро растет. И нет такой силы, чтобы остановить это прекрасное массовое движение»⁴¹. Тогда же, в сентябре, на имя Е.Н. Соколова в Котлас пришла из Ленинграда посылка. В.И. Чирков просил вручить его подарок – 105 корней карельской черной смородины и 15 семян морозоустойчивых яблонь «карельский богатырь» и «петергофская китайка» – инициаторам закладки городского плодового сада. Подарок был принят С.Ф. Черных, и в тот же день силами активистов корни смородины и семена яблонь были высажены на постоянные места в саду⁴².

Ленинградскому ученому В.И. Чиркову, так выручившему Котлас с посадочным материалом и методическими рекомендациями для закладки общественного городского сада, в феврале 1964 г. «Двинская правда» посвятила большой очерк под рубрикой «О тех, кто зажигает сердца». Автором его стал старейший котласский журналист Е.Н. Соколов, еще с конца 1940-х гг. ревностно следивший за развитием садоводства на Севере и по мере сил поддерживавший это благородное дело.

Еще осенью 1963 г. В.И. Чирков в письме Е.Н. Соколову сообщил, что вести из Котласа «растревожили страсти его молодости», и пообещал в ближайшее время вновь приехать в гости, причём не с пустыми руками. Помимо семян, он собирался привезти небольшую выставку по северному плодому садоводству, «чтобы было видно, кто что и как делает, чего добивается». Рассчитывая на помощь общественности, ученый предполагал провести крупный зимний посев яблонь в бумажных стаканчиках по разработанному им и оправдавшему себя методу. Как всегда, свои знания и опыт Василий Иванович готов был предложить всем желающим ими воспользоваться⁴³.

2 апреля 1964 г. в лекционном зале горкома КПСС состоялось собрание актива города с вопросом «Перспективы северного садоводства», на котором с докладом выступил приехавший из Ленинграда В.И. Чирков. Присутствовали садоводы-любители, члены общества охраны природы и другие желающие. В фойе перед залом заседания была организована выставка. Собравшиеся послушать В.И. Чиркова рассматривали стенды, фотографии, вырезки из газет, брошюры, посвященные котласским садоводам и садам. На столе стояли тарелки с крупными яблоками «пепин шафранный», «розмарин алый», «суворовец»... Их принесли Павел Александрович Спицын, бывший моряк, а к тому времени пенсионер, собравший, с его слов, в предшествующую осень полтонны таких плодов, а также Е.И. Логинова. Желающие могли убедиться, что яблоки привлекательны не только на вид, но и сочны, сладки, ароматны.

Выступали В.И. Чирков, С.Ф. Черных, П.А. Спицын... Собрание длилось до одиннадцати вечера. Разговор для многих закончился на квартире, где остановился ученый. Те, кого особенно заинтересовало обещание В.И. Чиркова помочь семенами и посадочным материалом, пошли, не откладывая, за этой помощью⁴⁴. Выступил В.И. Чирков и на проходившей в те дни сессии Котласского городского Совета депутатов трудящихся, рассказал о помощи, которая может быть оказана энтузиастам садоводства города в посадочных материалах. Ученый призвал депутатов, любителей садоводства, других жителей Котласа широко организовать посадку плодовых деревьев. В решении сессии помимо других мероприятий было записано: «закончить благоустройство фруктового сада...»⁴⁵.

Несмотря на прогнозы скептиков и прямых противников северного плодового садоводства, суливших гибель сада от крепких котласских морозов, посадки 1963 г. вышли из зимы 1963-64 гг. в отличном и хорошем состоянии. Весной 1964 г. в сад снова пришли добровольцы, продолжились посадки, в том числе сеянцев в стаканчиках, посаженных под руководством и при личном участии В.И. Чиркова в апреле⁴⁶.

Летом и осенью 1964 г. в саду по методу В.И. Чиркова для посадок плодово-ягодных культур выделенными аэропортом тракторами были выкопаны канавы, заполненные органическими и минеральными удобрениями и вновь засыпанные сверху землей, чтобы вдоль них уже в рыхлую и удобренную землю производить посадки. Было начато изготовление изгороди. Осенью продолжились посадки деревьев и кустарников. Работали учителя и учащиеся школ, работницы горкомхоза и другие горожане. В мае 1965 г. в городском саду было дополнительно посажено 220 яблонь⁴⁷.

В 1968 г. детским учреждениям Котласа было сдано из городского плодово-ягодного сада около тонны плодов и ягод. Из этого сада много посадочного материала получили садоводы-любители как Котласа, так и пригородных селений. Осенняя выставка плодов от акклиматизировавшихся плодовых деревьев стала в Котласе традиционной⁴⁸. Но, к сожалению, в связи со строительством на восточной окраине Котласа электромеханического завода и жилья при нём общественный городской сад в начале 1970-х гг. был ликвидирован⁴⁹.

В 1970-е гг. В.И. Чирков, уже будучи в весьма преклонном возрасте, продолжал поддерживать связи с садоводами Севера, в своей квартире хлопотал над посылками, отправлял семена и черенки в далекие края. Его стол был завален письмами садоводов. Посылки шли в Архангельск, Беломорск, Каргополь, Лешуконье, на Мезень. На висящей в его квартире карте красными кружками были обозначены места, где росли его саженцы, закладывались новые сады: Приозерск, Олонец, Сортавала, Архангельск, Котлас, Подмосковье, Целиноград... Огромная территория, к появлению на которой прекрасных творений человека – садов – приложил свои энергии, руки и знания беззаветно преданный мечте своего детства сделать родную землю красивой и богатой удивительный человек, Василий Иванович Чирков⁵⁰.

Умер ученый в 1976 г. И хотя нет сегодня в Котласе и районе тех больших садов, о которых мечтал когда-то Василий Иванович, но почти на каждом приусадебном или дачном участке растут, цветут и плодоносят, в том числе крупными вкусными плодами, яблони, груши, вишни, сливы, смородина, крыжовник – как один большой сад, как памятник великому подвижнику северного садоводства. И выращивают их в том числе те, кто еще в детстве или юности видел, а то и успел поработать, приобщиться к великой красоте цветущего плодового дерева в тех ныне погибших садах, начало которым было положено с участием В.И. Чиркова.

¹ Запись бесед с В.В. Виноградовой (ур. Нерадовской) от 15 и 27 июля 2013 г. // Личный архив А.В. Барсукова.

² Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук (далее: СПбФ АРАН). Ф. 273. Оп. 4. Д. 220. Л. 1-3.

³ Соколов Е. Чирковский характер // Двинская правда. Газета г. Котласа и Котласского района Архангельской области (далее: Дв. правда). 1964. 15 февр. С. 3-4.

⁴ СПбФ АРАН. Ф. 273. Оп. 4. Д. 220. Л. 1-3.

⁵ Глушкова В.М. Чирков Василий Иванович // Люди земли рыбацкой. Вып. 1. СПб., 2002. С. 48-52; Пономаренко В. Цвести садам на Севере // Садовод. Общеросс. еженед. газета. СПб. 2002. 21 февр. С. 8.

⁶ СПбФ АРАН. Ф. 273. Оп. 4. Д. 220. Л. 1-3.

⁷ Глушкова В.М. Указ. соч.; Соколов Е. Чирковский характер // Дв. правда. 1964. 15 февр. С. 3-4; Чирков В. Цвести садам на Севере // Правда Севера. Газета Архангельской области (далее: Правда Севера). 1967. 26 мая. С. 2; Сысойков М. Цвести садам на Севере // Советская Россия. Газета ЦК КПСС. 1970. 4 июля.

⁸ Чирков В. Цвести садам на Севере // Правда Севера. 1967. 26 мая. С. 2.

⁹ СПбФ АРАН. Ф. 273. Оп. 4. Д. 220. Л. 1-12; Чирков В. Плодоводство на Севере // Правда Севера. 1941. 9 апр. С. 4.

¹⁰ Чирков В. И.И. Нерадовский – первый садовод // Дв. правда. 1963. 3 сент. С. 3-4.

¹¹ Чирков В. Плодоводство на Севере // Правда Севера. 1941. 9 апр. С. 4.

¹² Украсим наш город фруктовыми садами! // Социалистический Север. Газета г. Котласа и Котласского района Архангельской области (далее: Соц. Север). 1952. 16 апр. С. 3.

¹³ СПбФ АРАН. Ф. 273. Оп. 4. Д. 220. Л. 3-8.

¹⁴ Чирков В.И. К вопросу использования для плодоводства коллекции яблонь и груш Ленинградского ботанического сада Ботанического института им. В.Л. Комарова // Сборник научных трудов Ботанического института им. В.Л. Комарова АН СССР. Л., 1945. С. 461-463.

¹⁵ СПбФ АРАН. Ф. 273. Оп. 4. Д. 220. Л. 3-8.

- ¹⁶ Чирков В. Пути создания зимостойкого садоводства на Севере // Правда Севера. 1947. 14 июня.
- ¹⁷ Соколов Е. Чирковский характер // Дв. правда. 1964. 15 февр. С. 3-4
- ¹⁸ Зенов Н. Человек изменяет природу // Правда Севера. 1949. 16 окт.
- ¹⁹ Чирков В. За развитие садоводства на Севере! Как посеять семена яблонь // Соц. Север. 1950. 12 апр. С. 2.
- ²⁰ Соколов Е. Необыкновенное совещание // Правда Севера. 1949. 16 окт.
- ²¹ Чирков В. За развитие садоводства на Севере! Как посеять семена яблонь // Соц. Север. 1950. 12 апр. С. 2.
- ²² Чирков В. О развитии корнесобственного садоводства // Соц. Север. 1951. 18 марта. С. 2.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Чирков В. О закладке плодового сада зимой // Правда Севера. 1952. 11 янв. С. 3.
- ²⁵ Брянский М. Первые килограммы своих яблок // Соц. Север. 1955. 13 ноября. С. 2.
- ²⁶ Соколов Е. Чирковский характер // Дв. правда. 1964. 15 февр. С. 3-4.
- ²⁷ Чирков В. На собственных корнях // Правда Севера. 1970. 6 марта; Дворников М. В совхозном саду // Дв. правда. 1964. 4 июля. С. 4.
- ²⁸ Украсим наш город фруктовыми садами! // Соц. Север. 1952. 16 апр. С. 3.
- ²⁹ Чирков В. Котласские садоводы // Правда Севера. 1946. 21 июня. С. 3; Чирков В. Опыт мичуринцев // Правда Севера. 1949. 16 окт.; Чирков В. Зимостойкое садоводство // Правда Севера. 1951. 28 марта; Строгов Е., Соколов Е. Опыт мичуринцев нашего города находит своих последователей // Соц. Север. 1952. 16 мая. С. 4; Соколов Е. Мичуринец-любитель Е.И. Логинова // Соц. Север. 1954. 1 дек. С. 3; Соколов Е. В саду мичуринца Е.И. Логиновой // Соц. Север. 1955. 12 июня. С. 4; Соколов Е. Сады в Котласе // Соц. Север. 1955. 26 окт. С. 3; Лукинская Г. На радость людям // Там же; Логинова Е. Украсим землю садами // Дв. правда. 1962. 22 ноября. С. 4.
- ³⁰ Соц. Север. 1963. 14 мая. С. 3.
- ³¹ Глушкова В.М. Указ. соч.; Пономаренко В. Указ. соч.
- ³² Вязовикова В. Пусть будет город-сад! // Соц. Север. 1957. 24 февр. С. 3; Вязовикова В. Озеленяйте приусадебные участки // Соц. Север. 1957. 10 мая. С. 4; Марков В. Оденем город в зеленый наряд // Соц. Север. 1961. 19 мая. С. 3.
- ³³ Соц. Север. 1962. 23 окт. С. 1.
- ³⁴ Соколов Е. Цвети садам Севера // Дв. правда. 1962. 7 ноября. С. 2; Соколов Е., Черных С. Важное и благородное дело. Мысли, дела садовода // Заря коммунизма. 1963. 23 февр. С. 3-4.
- ³⁵ Соколов Е. Цвети, наш сад // Дв. правда. 1964. 2 июня. С. 3.
- ³⁶ Шептяков Н.В. Котлас: десятилетие предрика Г. Елсакова: Очерки истории города в 1961-1971 годах. Котлас, 2010. С. 81-82.
- ³⁷ Там же. С. 85.
- ³⁸ Колт В. Чтобы шумело в городе море зелени // Дв. правда. 1963. 14 мая. С. 3; Чирков В. Ключи к садам Севера // Там же.
- ³⁹ Соколов Е. Общественный сад заложен // Дв. правда. 1963. 7 июня. С. 4.
- ⁴⁰ Соколов Е. Цвети, наш сад // Дв. правда. 1964. 2 июня. С. 3.
- ⁴¹ Чирков В. И.И. Нерадовский – первый садовод // Дв. правда. 1963. 3 сент. С. 3-4.
- ⁴² Соколов Е. Чирковский характер // Дв. правда. 1964. 15 февр. С. 3-4.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Новиков Д. Придет пора цветения // Дв. правда. 1964. 10 апр. С. 3.
- ⁴⁵ Каков ты, родной город? // Дв. правда. 1964. 11 апр. С. 2.
- ⁴⁶ Благоустроим города и поселки // Дв. правда. 1964. 15 мая. С. 1; Соколов Е. Цвети, наш сад // Дв. правда. 1964. 2 июня. С. 3.
- ⁴⁷ Соколов Е. Осенние заботы садоводов // Дв. правда. 1964. 6 окт. С. 4; Черных С. Городскому саду – больше друзей // Дв. правда. 1964. 20 ноября. С. 4; Зеленеет город // Дв. правда. 1965. 2 июня. С. 3.

⁴⁸ Чирков В. На собственных корнях // Правда Севера. 1970. 6 марта.

³⁶ Шептяков Н.В. Указ. соч. С. 82.

⁵⁰ Сысойков М. Цвести садам на Севере // Сов. Россия. 1970. 4 июля; Сысойков М. У сада глубокие корни // Северный курьер. Газета Республики Карелия. 1994. 12 окт.; Пономаренко В. Указ. соч.

А.В. Белоцерковец

НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА БЕЛОЦЕРКОВЕЦ: ТРУДОВАЯ БИОГРАФИЯ

В 2018 г. исполнилось 100 лет со дня рождения моей мамы – Натальи Сергеевны Белоцерковец, человека с богатой и интересной биографией. По моим личным впечатлениям и сохранившимся в семейном архиве документам (трудовой книжке и др.) можно проследить весь ее трудовой путь, что я и попытаюсь сделать в этих воспоминаниях.

Наталья Сергеевна Белоцерковец родилась 17 августа 1918 г. в городе Ахтырка Харьковской губернии. Детство прожила с родителями на Украине, затем их выслали на Север. После школы начала учиться в Устюгском строительном техникуме, затем переехала в Ленинград, где жила семья дяди Шуры (Александра Михайловича), и продолжила обучение в Ленинградском строительном техникуме (ЛСТ). Она окончила ЛСТ по специальности «водоснабжение и канализация»: специальность очень нужная и раньше, и в наше время. Мама потом цитировала мне чье-то изречение, что «Культурный уровень страны (или нации) определяется количеством потребления воды на душу населения», и приводила цифры для разных стран.

Подготовка в техникуме была основательной. Студенты изучали 37 предметов, чертежи чертили тушью, писали чертежным шрифтом, стиль которого сохранился у мамы на долгие годы. Студенты в группе были серьезные, выбравшие и строящие свой жизненный путь. Во время практики ездили на строительство СухумГЭС. Мама закончила техникум в 1939 г., тема диплома – «Очистка сточных вод банно-прачечного цеха». В ЛСТ мама познакомилась с Борисом Сергеевичем Лосевым, коренным ленинградцем, и после окончания учебы вышла за него замуж.

До Великой Отечественной войны Наталья Сергеевна работала в двух ленинградских проектных институтах: «Ленгоспроектстрой» (1940 г.) и «Теплоэлектропроект» (1940-1941 гг.). С началом войны ее муж ушел на фронт и пропал без вести. Было только одно письмо и извещение. В июле 1941 г., когда немцы уже приближались к Ленинграду, «Теплоэлектропроект» срочно эвакуировался; упаковывали в мешки и вывозили контрольные экземпляры технической документации на все тепловые электростанции Северо-Запада СССР. Мама эвакуировалась тоже. Она получила справку о временной эвакуации от 10 июля 1941 г. и решила вывезти с собой двоюродного брата – трехлетнего Бориса. Эшелон на север шел трудно, уже под бомбежками. В итоге с пересадками добрались до Котласа, где у мамы жили родители. Отец ее был агрономом и,

когда на Украине начался неурожай и голод, его как вредителя выслали на Север. Они и приютили Бориса, пока не приехали его родные.

Во время войны в Котласе был развернут эвакогоспиталь № 2520 для долечивания раненых военнослужащих. Располагался он в восьмилетней школе на ул. Карла Маркса. Наталья Сергеевна устроилась туда на работу и проработала год (1941-1942) медстатистиком. Она учитывала всех раненых, прибывших в госпиталь, с их диагнозами, всех выписавшихся вылеченными и умерших. У нас дома сохранилась красивая резная деревянная шкатулка, которую подарил «Наталке» один выздоравливающий боец.

Начальником медслужбы в госпитале работала Екатерина Васильевна Орехова, опытный терапевт, в дальнейшем работавшая зав. терапевтическим отделением горбольницы, кавалер ордена «Знак Почета». У мамы с ней сложились хорошие отношения, и мы много лет дружили семьями. В 1942 г. эвакогоспиталь был переведен в город Киров.

В Котласе железнодорожный транспорт и его многочисленные службы были в то время ведущими в городе. Паровозы – основная движущая сила составов тех лет, для получения пара нуждались в двух основных составляющих: угле и воде, поэтому службы водоснабжения были очень важны, требовались специалисты. Мама, со своей специальностью водоснабженца, надолго связала свою жизнь с Печорской (позже Северной) железной дорогой НКПС (Народного комиссариата путей сообщения). При управлении железной дороги всегда были проектные и строительные службы. В сентябре 1942 г. Наталью Сергеевну приняли в проектную контору Северо-Печорской железной дороги на должность старшего техника, но в конце 1943 г. уволили «ввиду перехода на учебу в институт» (формулировки из трудовой книжки).

В силу обстоятельств мама уехала из Котласа на Северный Кавказ, в село Гохи, затем в город Грозный – столицу Чечено-Ингушской АССР. Выучилась на курсах пчеловодов. Но окрестности Грозного – это еще и нефтеносный район. Для проектирования нефтеперерабатывающего оборудования там находился трест «Грознефтепроект», где мама работала с 1944 по 1948 г. Коллектив был хороший, мама обрела подруг, с которыми переписывалась до конца дней. В Грозном мама вторично вышла замуж, и в 1946 г. родился ее сын Саша. Но семейная жизнь не сложилась, и мама вернулась обратно в Котлас.

Мне запомнился эпизод времен войны, который мама рассказывала несколько раз. Когда немцы поняли, что взять Грозный им не удастся, 10-15 октября 1942 г. они разбомбили грозненские нефтепромыслы, нефтехранилища и нефтеперерабатывающие заводы. Горели нефтепромыслы, горела река Сунжа от вылившихся в нее нефтепродуктов. Пожары были потушены героической работой пожарных команд в течение нескольких дней. В кратчайшие сроки нефтяники и энергетики восстановили работоспособность промышленных объектов – Грозный вновь стал давать так необходимые фронту и тылу нефтепродукты. В память о подвиге грозненских пожарных в те дни, в Заводском районе города (перед пожарной частью) после войны был установлен памятник.

Когда мама вернулась в Котлас, то в январе 1949 г. была принята на работу в управление Печорской железной дороги в паровозную службу, в отдел водо-

снабжения, на должность инженера. В те годы службы управления дороги были разбросаны по нескольким непригодным зданиям. Паровозная служба размещалась в двухэтажном белом здании на ул. Карла Маркса.

Многие видели, проезжая на поезде мимо станций, в конце перрона массивную старую башню, обшитую досками или из красного кирпича. Это – водонапорная башня. Стоявшая раньше близко от путей высокая Г-образная труба – это гидроколонка. Для бесперебойного движения поездов водоснабженцам необходимо было найти источники воды, подвести воду от источников к станции, закачать ее в водонапорную башню, выполнить водоподготовку, то есть очистить воду от примесей, вредных для котла паровоза. За время стоянки поезда паровозной бригаде надо было успеть развернуть хобот гидроколонки, заполнить водой бак в тендере паровоза (20-40 кубометров) и не забыть развернуть хобот обратно: иначе будет сбой графика движения этого и других поездов.

Наталья Сергеевна очень добросовестно относилась к оборудованию водоснабжения, примером тому ее статья в ведомственной газете «Печорская магистраль», опубликованная в 1954 г. Со временем на смену паровозам стали приходиться тепловозы, это был большой прогресс. КПД локомотива увеличился в 2 раза, с 7 до 14 %, себестоимость перевозок снизилась на 25 %, увеличился вес поездов и скорость движения. Паровозные службы были переименованы в локомотивные. Для составов на тепловозной тяге потребности в воде заметно уменьшились, станционные системы водоснабжения постепенно трансформировались, и сегодня на стоянке транзитных поездов в Котласе можно видеть лишь заправку пассажирских вагонов водой из гибких шлангов.

В Котласе с пешеходного моста над железнодорожными путями можно было видеть массивные старые здания и возле них паровозы, вагоны, колесные пары. Это здания двух депо: в одну сторону паровозного, в другую вагонного. Они построены очень давно. На моей памяти они были всегда. Это довольно сложные сооружения и службы. Меня, как подростка, посещение депо приводило в восторг и запоминалось надолго.

Наталья Сергеевна работала в отделе водоснабжения локомотивного хозяйства до 1955 г. За свою работу награждена нагрудным знаком «Отличный паровозник». Этот знак учрежден указом Президиума Верховного Совета СССР. Согласно Положению о нагрудном знаке, такое отличие являлось «наградой для особо выдающихся работников паровозного хозяйства железнодорожного транспорта». В связи с прекращением выпуска отечественных паровозов (1956 г.) после 1957 г. он более не вручался.

На железной дороге используется много сигналов: световых, звуковых, флажками. Их нужно было учить, понимать и сдавать экзамен. Я помню, как мама, хоть и не являлась участником движения, учила книжечки с сигналами, как в наше время водители учат «Правила дорожного движения». Ныне эпоха паровозов кончилась, но память о них осталась. И один из самых заметных в Котласе памятников – не человеку, а паровозу!

Мне, как подростку, мама больше запомнилась в форменной одежде: шинель с погонами, папаха. Введение единой формы для советских железнодорожников началось в 1926 г. В качестве одной из причин нововведения указы-

вალაშ необходимость «внести ясность во взаимоотношения как работников транспорта с клиентами, так и между собой». С тех пор форма неоднократно менялась. В 1943 г. в качестве знаков различия в НКПС, как и в ряде других ведомств, были установлены погоны, сходные с военными.

Женскому личному составу железнодорожного транспорта была установлена, в основном, та же форма одежды, что и мужчинам. Разница была в том, что шинели, гимнастерки и кители застегивались на левую, «женскую» сторону, вместо брюк надевали юбку, а вместо фуражки в большинстве случаев – берет. В зимнее время женщины носили кубанку. В качестве обуви полагались черные туфли на низком каблуке или форменные сапоги.

Приказ 1955 г. устанавливал новую форму для работников железнодорожного транспорта. Одно из главных изменений формы – отмена погон, переход к форме гражданского образца. Знаки различия железнодорожников сохранились, однако вновь перекочевали на петлицы, а сам покрой униформы заметно упростился и потерял парадный характер.

Форменная одежда для женщин с 1955 г. – платье с отложным воротником, с двумя нагрудными прорезными карманами и поясом; юбка с двумя боковыми карманами. Зимнее платье – из шерстяной ткани темно-синего цвета, летнее для лиц высшего и старшего начальствующего состава – из шерстяной ткани светло-серого цвета, для остальных – из белой хлопчатобумажной ткани. Шинель и плащ установленного образца. Летний головной убор – берет по цвету платья, зимний – шапка-ушанка (оба с серебряным техническим знаком).

На приобретение форменной одежды (платье, шинель) выдавали вещевой аттестат. Помню дома папаху-кубанку и меховое служебное пальто, из которого мы потом взяли цигейковую подкладку, перешили и используем до сих пор. Запомнились мне и групповые фотографии железнодорожников в форме. Фотографировались в основном в дни демонстраций (1 мая, 7 ноября). Мама имела фотоаппарат «Зоркий», сама фотографировала, печатала фотографии и приучила к этому делу меня.

К 1 мая 1954 г. в Котласе закончилось строительство силами заключенных уникального здания, настоящего дворца – Управления Печорской железной дороги. Собрали под одну крышу все службы. Для руководства и сотрудников управления построили первую в Котласе улицу благоустроенных кирпичных жилых домов – ул. Луначарского. Наталью Сергеевну перевели в Дорстрой Печорской железной дороги, который занимался строительством промышленных и гражданских объектов вдоль трассы, и она в течение ряда лет работала в строительных подразделениях в должности инженера. Так, она участвовала в строительстве и сдаче железнодорожной школы № 20 (ныне – № 82) в Котласе.

В 1959 г. произошла реорганизация – укрупнение железных дорог. Печорская дорога была поглощена Северной и прекратила свое существование. Управление дороги теперь находилось в Ярославле, некоторых руководящих работников перевели на работу туда. В здании Управления Печорской железной дороги, с навеки оставшимся названием вверху фасада, разместились службы, которые остались в Котласе, а в дальнейшем школа-интернат. Наталью

Сергеевну направили в Стройпоезд № 172 Дортреста Северной железной дороги, который обслуживал близлежащий район.

На железной дороге, кроме строительных служб, есть и проектные. В 1960 г. Наталью Сергеевну перевели в Дорпроект Северной железной дороги (Котласский филиал), где она проработала до 1964 г. в должностях инженера-сантехника и старшего инженера-сантехника. Дорпроект располагался в здании управления, в правом крыле, на первом этаже, вход сбоку. В дальнейшем в этих помещениях разместилась техническая библиотека. Дома у мамы было много технической литературы по проектированию и строительству. Сохранилась уникальная «Справочная книжка железнодорожника» 1955 г., где на 1100 страницах приведены краткие сведения по всем вопросам, связанным с железными дорогами.

Наталью Сергеевну в этот период направляли на месячные курсы повышения квалификации в город Гомель Белорусской ССР по новым технологиям строительства и новым стройматериалам. В память об этом у нас долго хранилось несколько образцов необычных стройматериалов. Мама была высококвалифицированным специалистом и не боялась отстаивать свою точку зрения по техническим вопросам в спорах с руководством. Один из таких споров и послужил причиной ее ухода с железной дороги в 1964 г.

В 1947 г. Совет Министров утвердил введение расчетных книжек по зарплате для всех работающих. По сохранившимся расчетным книжкам Натальи Сергеевны за 1949 и 1955 гг. можно проследить структуру выплат и удержаний. Например, в 1955 г. оклад инженера составлял 1200 руб. Для железнодорожных служащих была введена надбавка 100 % по приказу 520/ч (в 1949 г. ее еще не было) и надбавка 10 %. В удержаниях, кроме обычных аванса и подоходного налога, присутствует «налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан СССР», введенный в 1941 г. – 30 руб. По-видимому, Наталью Сергеевну считали малосемейной. Удержание за форменное обмундирование – 30 руб.: видимо, эта сумма учитывалась, когда отпускали одежду и обувь согласно вещевому аттестату. Присутствует и вычет на заем.

Государственные внутренние займы были распространены с 1930-х гг. Называясь добровольными, фактически они были обязательными, что видно из включения их в расчетную книжку – ежемесячное удержание 320 руб. На них выдавали облигации, которые разыгрывались в ежегодных лотерейных выигрышах, номера выигравших облигаций всегда публиковались большими таблицами в центральной газете «Известия». Облигации государство должно было выкупить у населения в установленный срок, но объявили отсрочку оплаты на 25 лет и многие, отчаявшись дождаться выплат, выбросили свои облигации. Из наших родственников только тетя в Москве Анна Ивановна сохранила свои облигации, передала мне, и мы дождались их оплаты, уже будучи молодой семьей.

Для железнодорожников полагался бесплатный проезд на поездах дальнего следования раз в год, в отпуск. Для этого выписывался билет на специальном бланке. В билет можно было вписать ребенка, и благодаря этому мы с мамой часто ездили летом на юг (в украинскую деревню или к морю), в Москву или Ленинград.

Проблема с жильем всегда была острой в нашей стране для многих жителей городов. Когда мама эвакуировалась из Ленинграда, за ней там сохранилась жилплощадь и она, теоретически, могла вернуться в Ленинград. Так, ее дядя Александр Михайлович с детьми Борей и Ангелиной возвратились из Котласа в Ленинград; правда, жить им пришлось в Ленинградской области, так как их квартира была занята оставшимися без жилья. Приятельница мамы Лидия Павловна после войны также вернулась из Котласа в Ленинград в свою квартиру и жила там, мы у них часто бывали. Мама рассказывала, что она долгое время посылала почтовые переводы из Котласа на оплату своей жилплощади в Ленинграде, но потом ей пришло уведомление: деньги больше не присылайте, ваше жилье занято.

В Котласе я помню дом, где мы жили в начале 1950-х гг.: двухэтажный деревянный рядом с комбинатом «Котласлес». На первом этаже были наши одна или две комнаты. По-видимому, жилье выделили дедушке, который работал в комбинате «Котласлес» в тепличном хозяйстве. При Советской власти жилье выделяли бесплатно, как правило, по очереди, устанавливаемой по месту работы. Мама в 1950 г. подала заявление по месту работы на предоставление квартиры, директор-подполковник Носков уведомил ее бумагой, что заявление взято на учет. Когда я пошел в школу (в 1953 г.), мы уже жили на ул. Урицкого, в двухкомнатной квартире без удобств, то есть квартиру ей к тому времени выделили. Это довольно быстро по сравнению с очередью, в которой стоял я, как молодой специалист.

В дальнейшем улучшить жилье маме удалось благодаря следующему. Котлас нуждался в новой поликлинике. Строилось большое здание под другое назначение, и нужно было срочно переделать проект здания под нужды поликлиники. И вот в 1961 г. было заключено трудовое соглашение главврача Кулебакина В.И. с Белоцерковец Н.С. о том, что бригада под руководством Натальи Сергеевны выполняет проектно-сметную документацию на переоборудование строящегося административного здания «Котласлес» в городскую поликлинику и согласует ее со всеми заинтересованными организациями. Работали, в основном, в неурочное время, часто на дому, но проект переделки был выполнен качественно и быстро. В результате в 1962 г. Котлас получил новое здание поликлиники на ул. Мелентьева (сейчас в нем размещается детская поликлиника), а Наталье Сергеевне обещали квартиру с удобствами. Так работа мамы еще раз пересеклась с медициной. Обещание выполнили и, когда в 1964 г. вводили жилой дом мясокомбината на ул. Невского, 21, ей там выделили однокомнатную квартиру на первом этаже. Бабушка в это время болела, почти не ходила, я учился в Москве, и квартира с центральным отоплением, холодной водой, дровяной колонкой и канализацией стала для них большим подспорьем.

Наталья Сергеевна, как и все работающие в то время, была членом профсоюза, аккуратно платила членские взносы. На членском билете указан год вступления – 1935, в 17 лет. Раньше многие льготы были в ведении профсоюза, например путевки в санаторий за 20 % стоимости. Теперь роль профсоюзов и их возможности заметно снизились, льготные путевки закупаются предприятиями из прибыли и членство в профсоюзе не обязательно.

Людам того поколения было присуще активное участие в общественных и спортивных объединениях и мероприятиях. Сохранился мамин членский билет «Общества по распространению политических и научных знаний». В стране еще до войны (но в предвидении войны) была создана общественная оборонная организация ОСОАВИАХИМ (Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству). В 1931 г. введен физкультурный комплекс «Готов к труду и обороне СССР» (ГТО). Развивались военно-прикладные виды спорта: парашютный, планерный, стрелковый... Было введено звание «Ворошиловский стрелок» и соответствующий значок. Пришедший на смену ОСОАВИАХИМу в 1951 г. ДОСААФ (Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту) продолжал развивать многие военно-технические виды спорта. Мама занималась стрельбой из винтовки и с гордостью говорила, что у нее был значок «Ворошиловский стрелок»; также она была отмечена грамотой ДОСААФ.

После 1964 г. Наталья Сергеевна не работала на железной дороге. Она перешла на деревообрабатывающий комбинат мастером, затем начальником цеха, потом в филиал «Архоблколхозпроект» старшим инженером. С приближением пенсионного возраста мама решила поехать на Север – в город Ухту. Район Коми АССР богат газовыми месторождениями, оборудование по добыче и транспортировке газа надо было проектировать и привязывать к местным условиям. В Ухте был проектный институт «Востокгипрогаз», Наталья Сергеевна работала в нем по договору руководителем группы с 1971 по 1973 гг. В «Трудовом договоре о работе в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера» подробно расписаны условия приезда, работы, проживания и различные выплаты и льготы. По-видимому, мама имела там хороший заработок и прибавку к пенсии. Она вышла на пенсию в возрасте 55 лет и вернулась в Котлас.

В трудовой книжке есть также раздел поощрений с занесением. Там у мамы 30 записей о благодарностях и денежных премиях. Последняя запись в трудовой книжке – о назначении пенсии 17 августа 1973 г. Затем мама переехала с обменом квартиры из Котласа в Коряжму, на Набережную, с красивым видом из окна восьмого этажа на реку Вычегду.

Из пенсионного периода жизни мамы также сохранился ряд документов, как приятных ей, так и не очень. Это был период перестройки, а затем ликвидации СССР. Товары из магазинов исчезали, многое было трудно или невозможно купить. Были введены потребительские книжки с талонами на разные виды одежды первой необходимости и талоны на продукты. Мама мало что использовала из талонной книжки, но продуктами помогала семье нашей дочери Лены, которая жила в Коряжме.

Сохранилось и удивительное письмо из Германии. Когда было трудно с продуктами и промтоварами, в Коряжму привозили посылки, присланные из-за рубежа. Их распределяли среди нуждающихся по какому-то принципу. Маме тоже досталась такая посылка. В ней было письмо, в котором наши бывшие враги-немцы сочувствуют трудному положению наших людей, вспоминают, что после войны в разруху посылками из других стран незнакомые люди помогали им выжить. И они решили помочь нам: собирали и посылали посылки незнакомым людям. Это письмо трогало до слез и тогда, и теперь.

У мамы было удостоверение о праве на бесплатный проезд на всех видах городского транспорта. В 1995 г. Наталья Сергеевна получила юбилейную медаль «50 лет победы в Великой Отечественной войне». А вот медали «За победу над Германией», которой после войны награждали военных и многих штатских, у Натальи Сергеевны не было, и она вкладывала в этот факт определенный серьезный смысл. В Коряжме мама прожила до конца дней и скончалась в возрасте 79 лет 8 января 1997 г. Похоронена на котласском кладбище «Макарово».

Мама была общительным человеком, вела обширную переписку, при встречах много и интересно рассказывала, показывала фотографии, но у меня мало что запоминалось. На многих фотографиях без подписей незнакомые лица, и не у кого теперь спросить. Наконец я уговорил маму рассказывать под запись на магнитофон. Эти записи сохранились, я планирую их расшифровать и положить на бумагу. Хотелось бы надеяться, что рассказы мамы и мои труды будут интересны не только мне и членам моей семьи – как пример честной трудовой биографии человека XX века.

С.Г. Вирячева

ВИТАЛИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ДЕМЕНТЬЕВ – СОЗДАТЕЛЬ ПАССАЖИРСКОГО ЭКРАНОПЛАНА «ВОЛГА-2»

Экраноплан – это универсальное высокоскоростное транспортное средство, предназначенное в основном для эксплуатации над экраном (водой, землёй, болотом и др.), обладающее всем комплексом корабельных свойств, значительной частью авиационных свойств и некоторыми свойствами наземного транспорта. Экранопланы начали интенсивно создаваться с начала 1960-х гг. в Горьком (сейчас – Нижний Новгород) по инициативе и под руководством Главного конструктора скоростных судов России Р.Е. Алексеева. Сначала создавались исследовательские и военные экранопланы со скоростью движения до 500 км/ч и полной массой до 550 тонн.

В 1979 г. были разработаны технические предложения по созданию пассажирских экранопланов со скоростями от 100 до 250 км/ч. Эти предложения были рассмотрены и одобрены в речном и морском флоте. Результатом совещаний стало решение о создании катера-экрanoплана «Волга-2» со скоростью движения 120-140 км/ч, пассажироместимостью 8 человек, как аналога экранопланов семейства пассажирского направления¹. Создателем первого в Советском Союзе и России пассажирского экраноплана «Волга-2» является Виталий Алексеевич Дементьев. Представим кратко вехи его биографии и этапы создания пассажирского экраноплана.

В.А. Дементьев родился 2 января 1935 г. в Архангельске (Соломбальский район). В годы Великой Отечественной войны переехал с матерью и братьями Анатолием и Владимиром в деревню Равдуга Сольвычегодского (ныне – Котласского) района. Равдуга – это родина отца, Алексея Павловича; а мама, Алек-

сандра Андреевна, родом из деревни Дубровец, что находилась в тех же местах, недалеко от Грихнево. Семье приходилось очень тяжело: трое детей, отсутствие земли, так как не были колхозниками. Маленький Виталий пас коров, чтобы помочь матери. С похвальной грамотой он окончил местную Песчанскую семилетнюю школу.

С 1950 г. семья жила в посёлке Шипицыно Котласского района. Отец работал неподалёку, в посёлке Тулубьево. В Шипицыно школа ещё не имела статуса средней, поэтому Виталий поступил в 8-й класс котласской школы № 3. В автобиографии Виталий Алексеевич пишет, что экзамены за 9-й и 10-й классы сдавал экстерном, так как два года болел. Болезнь была тяжёлая, не мог ходить (сказались тяжёлые военные годы). На лечение был отправлен котласским врачом Куртом Куртовичем Форкампом в посёлок Шиморское Горьковской области, где тогда действовал детский костно-туберкулёзный санаторий.

Брат Владимир Алексеевич Дементьев (проживает в посёлке Шипицыно) вспоминает, что семья продала патефон и полушубок, чтобы отправить его на лечение. Из санатория Виталий вернулся по-прежнему на костылях, но чувствовал себя уже лучше. Как-то он уговорил брата утопить надоевшие костыли. И вот вместе они идут на Северную Двину, привязывают к костылям кирпичи и бросают их в воду. Так уже с детства будущий конструктор показал не только незаурядные способности, но и силу характера.

После окончания школы, в 1953 г., он поступил в Горьковский институт инженеров водного транспорта (ГИИВТ). В 1959 г. с отличием окончил кораблестроительный факультет ГИИВТ и был направлен на работу в Архангельск на Исакогорский судостроительно-судоремонтный завод. Работал конструктором, мастером, начальником судокорпусного цеха. В 1962 г. Иван Иосифович Трянин, учёный и преподаватель ГИИВТ, посодействовал переезду В.А. Дементьева в Горький.

А вскоре Виталий Алексеевич по приглашению Главного конструктора судов на подводных крыльях, Ростислава Евгеньевича Алексева, стал работать начальником сектора прочности Центрального конструкторского бюро по судам на подводных крыльях (ЦКБ по СПК). Занимался расчётами прочности судов на подводных крыльях и летающих кораблей – экранопланов. По совокупности исследований, проведённых при разработке проектов и испытании летающих кораблей, в 1977 г. В.А. Дементьеву была присуждена учёная степень кандидата технических наук. Затем он работал заместителем Главного конструктора Р.Е. Алексева над проектами высокоскоростных военных экранопланов со скоростью движения 600-800 км/ч, а также над гражданскими экранопланами со скоростями движения 100-250 км/ч.²

Позже, в 2011 г., Виталий Алексеевич напишет брату: «...мы занимались не только военными экранопланами, но и летающими платформами для мобильного перемещения ракет средней дальности, экранопланами-платформами для старта космических кораблей и экранопланами-платформами для транспортировки космических объектов в целом из Самары на Байконур. Обычно это делают так: в Самаре производится полная сборка и проверка, затем аппарат растыковывается и перевозится по железной дороге на Байконур по частям. На

Байконуре сборка и проверка производится вновь. На всё это уходит, как минимум, год. Я постеснялся эти работы включить в книгу "Ростислав Алексеев" из-за секретности, но сейчас неизвестно, продолжают ли где-нибудь работы в этом направлении»³.

Речь идёт о научной биографии Р.Е. Алексеева, где говорится: «В 1979 г. Р.Е. Алексеевым были разработаны: исходный компоновочный чертёж катера-экраноплана "Волга-2" – функционального прототипа экранопланов гражданского назначения, облик и компоновочные решения пассажирского скоростного судна на динамической воздушной подушке (его рукой подписаны документы на разработку катера – "Совмещённая схема катера "Волга-2" и техническое задание)"»⁴. Но в 1980 г. Ростислава Евгеньевича не стало.

«После смерти Алексеева весь цикл работ по созданию экраноплана «Волга-2» был выполнен комплексной конструкторско-производственной группой под руководством В.А. Дементьева. В неё входили высококвалифицированные конструкторы и творческие рабочие: А.А. Антонов, Е.П. Кувырков, Ю.А. Назаров, В.Н. Сычёв, Н.М. Гурьянов, Л.П. Акимова, В.А. Белик и др. Этой же группой были выполнены: постройка и доводка катера, исследовательские испытания и опытная эксплуатация»⁵. Высокие потребительские свойства катера достигнуты за счёт усложнения компоновочного решения, особенно за счёт использования воздушно-амортизирующего устройства, смягчающего и распределяющего нагрузки. Это устройство внесло кардинальные изменения в конструкцию аппарата и явилось доминирующим.

О постройке и испытаниях «Волги-2» В.А. Дементьев сообщил в докладе на XIII научно-технической конференции по проектированию скоростных судов в 1999 г.⁶ Существует также краткое описание многолетнего процесса создания пассажирского экраноплана в упомянутой ранее научной биографии Р.Е. Алексеева, автором которой является П.И. Качур, а научным редактором – В.А. Дементьев. По письмам Виталия Алексеевича брату можно проследить, что редактирование рукописи П.И. Качура осуществлялось неоднократно, в течение нескольких лет. Поэтому есть основания считать, что именно Виталий Алексеевич является автором фрагмента, посвящённого постройке и испытаниям пассажирского экраноплана, тем более в книге есть ссылка в этом месте на доклад В.А. Дементьева. Не изобретая велосипеда, процитируем слова Дементьева с опорой на книгу Качура.

«Постройка экспериментального катера-экраноплана "Волга-2" осуществлялась с 1980 года на Балахинской испытательной станции (ИС-1). В процессе строительства аппарата было отработано несколько частных методологий..., пригодных при создании других экранопланов... В процессе создания аппарата был выполнен большой объём сопутствующих работ, а именно: создан участок для изготовления пневмооболочек и обучены кадры работников; построен ангар для сборки, статических и швартовых испытаний; создан пологий спуск для движения аппарата самоходом на Тёплое озеро; разобрана перемычка на озере для удлинения акватории; построено здание стенда силовых установок. Кроме того, выполнен большой объём экспериментальных работ: статические испыта-

ния планера и систем управления, частотные испытания, швартовые испытания на воде и на различных высотах над поверхностью.

В 1986 году была закончена постройка экспериментального экраноплана «Волга-2», предназначенного для исследования различных характеристик. Этот аппарат аэродинамически плотно «привязан» к экрану за счёт использования принудительного поддува на всех режимах движения и применения пневмооболочек – корпусов с изменяемым давлением. Двигательно-движительный комплекс включал в себя два двигателя и два 4-лопастных воздушных винта в кольцевых насадках перед крылом. На заднем срезе кольцевых насадок – дистанционно управляемые горизонтальные лопасти-створки, предназначенные для отклонения воздушного потока за винтами, а также дополнительные рули направления. Конструкция кормового оперения включает в себя стабилизатор и киль. Надувные пневмобаллоны-поплавки, установленные на корпусе и боковых скегах, обеспечивают круглогодичную эксплуатацию летом – на воде, зимой – в условиях битого льда и шуги. Катер оборудован якорным, швартовым и буксирным устройствами, системами отопления и вентиляции салона»⁷.

В период 1987-1989 гг. на акватории Тёплого озера проводились ходовые испытания с целью отработки материальной части аппарата. Результатом стало значительное совершенствование воздушно-амортизирующего устройства и двигательно-движительного комплекса. В начале 1990 г. экраноплан «Волга-2» был перемещён «самоходом» на Чкаловскую испытательную станцию (ИС-2), чтобы на акватории Горьковского водохранилища провести исследовательские испытания и обучение судоводителей вождению нового аппарата. В летний и зимний периоды 1990-1992 гг. прошли всесторонние ходовые испытания. Было выполнено около 300 выходов (специальных экспериментов) с целью изучения различных свойств. Изучались мореходность, проходимость, управляемость по методике и программе кафедры «Информатика и автоматизация производственных процессов» Волжской государственной академии водного транспорта. Выполнялись выходы, моделирующие типовой рейс. Затем аппарат использовался для обучения его вождению судоводителей. На авиационном заводе «Сокол» налажено серийное производство этих экранопланов.

Результаты разработки, постройки и испытаний экраноплана «Волга-2» в летних и зимних условиях подтвердили правильность выбора его основных элементов и технических характеристик. Аппарат был представлен в 1995 г. на Брюссельской выставке и получил золотую медаль. К этому «феномену» был проявлен большой интерес со стороны как российских, так и зарубежных организаций. Наши правительственные организации включили «Волгу-2» в показательный фильм «Россия 2000 года», демонстрировали его в странах Европы и в США. Об этом Виталий Алексеевич писал директору Лимендского судостроительно-судоремонтного завода Б.В. Вьюхину 7 октября 2010 г.

Руководитель одной из крупных компаний США «Нинекс Корпорейшн» Даниэль Колер, просмотрев серию фильмов «Россия 2000 года», писал в 1996 г. в ЦКБ по СПК: «Меня интересует больше всего 8-местный служебный экраноплан, упомянутый в конце программы. Любая информация, которую вы могли бы мне выслать об этом удивительном судне, могла бы быть очень ценной. Ог-

ромные возможности коммерческого рынка в Северной Америке можно было бы начать осваивать, если оно готово к производству»⁸.

О том, где и как брали деньги на пассажирский экраноплан «Волга-2», В.А. Дементьев говорит в письме брату: «Было затрачено около 7 млн. советских рублей, то есть свыше 10 млн. долларов. Эти деньги мы взяли у ВМФ (отщипывая от проекта океанского экраноплана – носителя боевых самолётов). Сначала это делал Р.Е. Алексеев, а после его смерти – я»⁹.

В России экранопланы нужны были прежде всего в северных регионах, в Сибири и Якутии, но в 1990-е и в начале 2000-х гг. попытки наладить серийное производство экранопланов в нашей стране не увенчались успехом. Сказались неблагоприятные экономические и политические факторы. Техническая документация «Волги-2» неоднократно продавалась ЦКБ по СПК за рубеж, передавалась она и российским научно-производственным комплексам.

В письме брату от 13 ноября 2007 г. Виталий Алексеевич пишет: «Южная Корея строит два типа экранопланов по моим проектам. Их (проекты) в 1997 г. Южной Корее продал генеральный директор ЦКБ по СПК Василевский И.М. – первый (полный проект) за 250 тысяч долларов (фактическая наша стоимость 2500 тысяч долларов) для спасения ЦКБ, которое тогда 1,5 года не получало зарплату; второй (эскизный проект) за 100 тысяч долларов»¹⁰. О том, что многие российские опытно-производственные объединения воспользовались детищем ЦКБ по СПК, можно судить по ситуации, описанной В.А. Дементьевым в письме Б.В. Вьюхину от 28 октября 2008 г.:

«В России экранопланами тогда заинтересовалось ОКБ им. П.О. Сухого (Генеральный директор этой фирмы М.П. Симонов). Путешествуя по миру в поисках заказов на истребители, он увидел в Сингапуре экраноплан, который создали в США и который взлетать (с воды) не захотел. Тогда он обратился в ЦКБ по СПК по вопросу совместной работы по экранопланам, утверждая, что у него есть конверсионные деньги. ЦКБ по СПК в лице Генерального директора Чубикова Б.В. отдало ОКБ им. П.О. Сухого много ценной документации по экранопланам. От Симонова приезжала специальная делегация во главе с начальником ЛИС генерал-майором В.С. Ильюшиным для участия в испытаниях и опытной эксплуатации, и хотела забрать аппарат «Волга-2» в свою фирму, в Москву. Но я разобрал аппарат «Волга-2» на части и лишил их этой возможности.

Получив нашу документацию по экранопланам, Симонов отказал Чубикову в совместной работе и открыл у себя собственное подразделение по экранопланам. Однако дело у них шло медленно (из-за отсутствия опыта), и только к 1997 году ОКБ им. П.О. Сухого разработало технический проект «Иволги» (на основе документации «Волги-2», внося в проект серьёзные изменения на основе своего авиационного опыта по истребителям). В это время сменилась ситуация: генеральным директором ОКБ Сухого стал Погосян и получил заказы на истребитель 5-го поколения и, может быть, Вам известный гражданский самолёт «Супер Джет». Поэтому экранопланное подразделение было закрыто, но из него выделилась группа под руководством лётчика Калганова В.В., который и назывался главным конструктором»¹¹.

Дальше в письме говорится о постройке «Иволги», её испытаниях, о том, что в конце концов аппарат полетел как самолёт, но создатели продолжали называть его экранопланом. Наступило время дельцов и разрушительной политики правительства по отношению к отечественной науке и промышленности. Что в таких условиях мог сделать учёный-конструктор?

По нескольким приведённым ситуациям (а было их гораздо больше) продажи и передачи технической документации по экраноплану «Волга-2» можно сделать вывод о том, насколько востребован был созданный под руководством В.А. Дементьева пассажирский экраноплан; и о том, что следует зафиксировать и сохранить имеющиеся источники по биографии и наследию учёного и конструктора – создателя первого в нашей стране пассажирского экраноплана.

Виталию Алексеевичу, по словам брата, поступали предложения от компаний Южной Кореи работать у них главным конструктором по созданию экранопланов. Документацию-то купили, но нужны были специалисты, чтобы наладить производство. Отвечал отказом, говоря, что Родину не предаст. Больше всего мечтал о том, чтобы пассажирские экранопланы производились на его малой родине, на Лимендском заводе в Котласе. Но и здесь вся его колоссальная пятнадцатилетняя деятельность по налаживанию производства пассажирских экранопланов под условными названиями «Пинега» и «Двина» не увенчалась успехом: руководство завода оказалось не в состоянии осуществить технологический прорыв, а правительство области не выделило средств на реализацию программы «Экранопланы».

В ЦКБ по СПК Виталий Алексеевич Дементьев трудился с 1962 по 1999 гг. В 1993 г. Российская инженерная академия избрала его своим членом-корреспондентом. Впоследствии он работал в Российском речном регистре, разрабатывая Правила классификации и постройки экранопланов, создавал учебно-методические пособия по экранопланной тематике. Им был создан целый цикл методических документов, необходимых для создания экранопланов: «Временные Правила классификации и постройки экранопланов» Российского Речного Регистра; «Временное руководство по движению экранопланов на внутренних водных путях» Министерства транспорта; «Временное Руководство по разработке дипломных проектов экранопланов» Нижегородского государственного технического университета (НГТУ).

Преподавая в НГТУ имени Р.Е. Алексеева в должности доцента кафедры кораблестроения, В.А. Дементьев продолжал работать над экранопланной тематикой, руководил курсовыми и дипломными работами по экранопланам. Преждевременная смерть не позволила ему осуществить всё задуманное. 19 сентября 2011 г. Виталия Алексеевича не стало.

За несколько месяцев до смерти он пишет Губернатору Архангельской области И.Ф. Михальчуку: «Представленный мною заводу бесплатно проект малого гражданского экраноплана, разработанного под моим руководством, пролежал в Лименде 15 лет. Инкубационный этап пройти не удалось, несмотря на все мои усилия. Поэтому сейчас планирую проект забрать и перевезти в Петрозаводск. Но можно было бы сделать ещё одну попытку начать строительство в

Лименде...»¹². Так до последнего Виталий Алексеевич предпринимал попытки наладить производство пассажирских экранопланов на родине.

Виталий Алексеевич внес огромный вклад в экранопланную тематику во всех отношениях: от технической разработки экраноплана до его постройки и испытаний. Им создана нормативно-методическая база постройки и эксплуатации экранопланов. Виталий Алексеевич готовил специалистов для обеспечения будущего пассажирских экранопланов.

В Волжском государственном университете водного транспорта среди ста лучших выпускников помещён портрет В.А. Дементьева. Его высоко оценивают бывшие коллеги по отделу экранопланов. На конференции по истории скоростного флота в Пскове автору представилась возможность задать вопрос дочери прославленного конструктора, Татьяне Ростиславовне Алексеевой. Я услышала прекрасные слова о В.А. Дементьеве, его уме, трудолюбию, скромности... Не случайно на траурном митинге коллеги говорили: «Не стало нашего Ломоносова».

В.А. Дементьевым опубликовано в различных изданиях свыше 60 научных работ. Он награждён медалями «За доблестный труд», «Ветеран труда», «300 лет Российскому флоту»; медалями Р.Е. Алексеева, А.И. Крылова и Н.Г. Кузнецова¹³. Учёный, конструктор, патриот – это всё о нём, и всё с большой буквы. В заключение хочется также высказать слова признательности брату конструктора – Владимиру Алексеевичу Дементьеву – за сохранение части архива Виталия Алексеевича.

¹ Дементьев В.А. Экранопланы – универсальный транспорт Севера: предложения по созданию // Проблемы развития транспортной инфраструктуры Европейского Севера России. Вып. 5. СПб.: ФБОУ ВПО «СПГУВК», 2012. С. 3.

² Дементьев В.А. Автобиография // Архив автора.

³ Дементьев В.А. Письмо брату, В.А. Дементьеву, 11.04.2011 г. // Архив автора.

⁴ Качур П.И. Ростислав Алексеев: Конструктор крылатых кораблей. СПб.: Политехника, 2006. С.263.

⁵ Там же. С. 264.

⁶ Дементьев В.А., Маланов Е.В. Опыт создания экспериментального экраноплана «Волга-2» // Тезисы докладов XIII научно-технической конференции по проектированию скоростных судов («Алексеевские чтения»). Нижний Новгород: ВНТО им. акад. А.Н. Крылова, 1999. С. 38-41.

⁷ Качур П.И. Указ. соч. С. 265.

⁸ Дементьев В.А. Письмо Б.В. Вьюхину, директору Лимендского ССРЗ, 07.10.2010 г. // Архив автора.

⁹ Дементьев В.А. Письмо брату, В.А. Дементьеву, 19.10.2008 г. // Архив автора.

¹⁰ Дементьев В.А. Письмо брату, В.А. Дементьеву, 13.11.2007 г. // Архив автора.

¹¹ Дементьев В.А. Письмо Б.В. Вьюхину, директору Лимендского ССРЗ, 28.10.2008 г. // Архив автора.

¹² Дементьев В.А. Письмо И.Ф. Михальчуку, Губернатору Архангельской области // Архив автора.

¹³ Дементьев В.А. Автобиография // Архив автора.

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

Балакшин Даниил Олегович, обучающийся 11 класса школы № 17, победитель Малых Стефановских чтений 2019 года, г. Котлас.

Барсуков Анатолий Витальевич, член Союза краеведов России, п. Шипицыно Котласского района.

Белоцерковец Александр Васильевич, краевед, г. Нижний Новгород.

Бурменский Артём Игоревич, научный сотрудник отдела военной истории Архангельского краеведческого музея, г. Архангельск.

Вирячева Светлана Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Котласского филиала Государственного университета морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова, г. Котлас.

Горынцев Дмитрий Леонидович, преподаватель общественных дисциплин Котласского электромеханического техникума, член Союза краеведов России, г. Котлас.

Данков Михаил Юрьевич, научный сотрудник Национального музея Республики Карелия, действительный член Русского географического общества, заслуженный работник культуры Республики Карелия, г. Петрозаводск.

Едовин Алексей Геннадьевич, кандидат исторических наук, учёный секретарь Архангельского краеведческого музея, г. Архангельск.

Захаров Владислав Геннадьевич, краевед, действительный член Северного историко-родословного общества, пос. Березник Виноградовского района.

Зенкова Ольга Борисовна, учёный секретарь научного совета и руководитель отдела по изучению истории и культуры Русского Севера Культурно-исторического центра «Свѣточь», г. Великий Устюг.

Зорина Елена Васильевна, научный сотрудник отдела истории Великоустюгского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, г. Великий Устюг.

Копытков Василий Викентьевич, заместитель генерального директора по научной работе Культурно-исторического центра «Свѣточь», действительный член Вологодского союза писателей-краеведов, г. Москва.

Луцковская Елена Федоровна, главный хранитель музейных предметов Северодвинского городского краеведческого музея, г. Северодвинск.

Митянина Ирина Анатольевна, директор архива муниципального образования «Котлас», заместитель председателя движения «Северное трёхречье», г. Котлас.

Мясников Вадим Павлович, историк, независимый исследователь, г. Вологда.

Перова Наталья Леонидовна, краевед, участник движения «Северное трёхречье», г. Котлас.

Плотников Виталий Иванович, краевед, участник движения «Северное трёхречье», г. Котлас.

Попов Валерий Витальевич, член правления движения «Северное трёхречье», член Союза краеведов России, г. Котлас.

Ромашкина Светлана Николаевна, ведущий искусствовед отдела по изучению истории и культуры Русского Севера Культурно-исторического центра «Свѣточъ», г. Великий Устюг.

Соколов Сергей Михайлович, краевед, г. Нижний Новгород.

Столбова Валентина Петровна, кандидат геолого-минералогических наук, руководитель отдела по изучению истории и культуры Северо-Западного региона Культурно-исторического центра «Свѣточъ», г. Санкт-Петербург.

Харитонов Яна Эдуардовна, старший научный сотрудник Национального парка «Кенозерский», магистрант Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного Арктического Федерального университета им. М.В. Ломоносова, г. Архангельск.

Хребтов Никита Андреевич, студент кафедры Отечественной истории Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного Арктического Федерального университета им. М.В. Ломоносова, г. Архангельск.

Чебыкина Галина Николаевна, заведующая отделом истории Великоустюгского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, г. Великий Устюг.

Чупрова Ольга Фёдоровна, учитель Забелинской основной общеобразовательной школы, член правления движения «Северное трёхречье», член Союза краеведов России, д. Федотовская Котласского района.

Шептяков Николай Васильевич, член Совета Союза краеведов России, руководитель Котласского регионального отделения Союза краеведов России, председатель правления Котласского историко-просветительского местного общественного движения краеведов «Северное трёхречье», г. Котлас.

Щипин Владимир Игоревич, краевед, г. Москва.

СОДЕРЖАНИЕ

Шептяков Н.В. Движение краеведов «Северное трёхречье»: 20 лет плодотворной работы	3
Часть I. Социально-экономическая история Севера	
Митянина И.А. История дополнительной подготовки отвода земли городу Котласу в 1920-е гг.	7
Харитонов Я.Э. Использование труда спецпереселенцев в лесной промышленности на Онежском полуострове в 1930-х гг.	12
Балакшин Д.О. «Мымринская школа»: история средней общеобразовательной школы № 17 города Котласа с 1969 по 1979 гг.	15
Часть II. Север в военной истории России	
Данков М.Ю. О предполагаемом волюке малых фрегатов от Белого моря к Повенецкому рядку в 1702 г.	23
Бурменский А.И., Хребтов Н.А. Организация медицинской службы в Архангелогородском гарнизоне в XVIII в.	31
Попов В.В. Судьба корабля в судьбе лябельского крестьянина (XIX в.)	38
Плотников В.И. Генерал-железнодорожник Григорий Степанович Дудников	44
Часть III. Культура Севера	
Едовин А.Г. Средневековые древности Верхнего Подвинья	52
Столбова В.П. «Первейшая в свете» (о баболовской ванне Самсона Суханова)	62
Ромашкина С.Н. Халезская Введенская церковь Никольского уезда Вологодской губернии: датировки и мастера (последняя треть XIX – начало XX в.)	67
Щипин В.И. Сказительница из Черевкова Олимпиада Васильевна Антропова	78
Часть IV. Церковная история Севера	
Захаров В.Г. Константин Боголепов – подвижник из Топсы	88
Соколов С.М. Священник Александр Вячеславов: судьба миссионера	92
Перова Н.Л. Два священнических рода: Образцовы и Трубачевы	96
Часть V. Музейное дело на Севере	
Горынцев Д.Л. Взаимоотношения Сольвычегодского музея с местной властью в 1920-е гг.	104
Зорина Е.В. Страницы истории Великоустюгского музея, 1925-1941 гг.	108
Чебыкина Г.Н. Музейное дело в жизни Виктора Викторовича Комарова	117
Луцковская Е.Ф. Музейные коллекции и их дарители (на примере Северодвинского музея)	126

Чупрова О.Ф. Музей Забелинской школы	131
Часть VI. Персональная история	
Зенкова О.Б., Копытков В.В. Каргопольский крестьянин Иван Иконников и его роль в деле «мнимого самозванца» Иоанна Антоновича	139
Мясников В.П. Исправник, которого не было, и его благодетель (А.О. Нарбут и Л.В. Дубельт), или Связи решают всё	150
Барсуков А.В. Василий Иванович Чирков и его роль в развитии плодового садоводства в Котласе и Котласском районе	166
Белоцерковец А.В. Наталья Сергеевна Белоцерковец: трудовая биография	178
Вирячева С.Г. Виталий Алексеевич Дементьев – создатель пассажирского экраноплана «Волга-2»	185
Авторский коллектив	192

Научное издание

ДВИНСКАЯ ЗЕМЛЯ

Выпуск 11

Материалы
всероссийской общественно-научной историко-краеведческой конференции
«13-е Стефановские чтения»

Подписано в печать 23.07.2019 г. Формат 60x84 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman Cug».
Объем 14,18 п.л. Заказ № 3278. Тираж 125 экз.

Отпечатано с оригинал-макета в типографии ООО «РГ "Успешная"»
165651, г. Коряжма Архангельской обл., проспект им. В.И. Ленина, д. 84